

Роман Куликов

Слав 7

Нашествие

18+

Роман Александрович Куликов

Слав 7. Нашествие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48452823

SelfPub; 2019

Аннотация

Тихая, спокойная жизнь в любой момент может быть нарушена вторжением враждебных сил. Именно так и происходит со Славом в новой книге о его приключениях. И снова ему и его соратникам приходится плечом к плечу бороться с новыми опасностями и врагами.

–Папа, а ты тоже дракона убивал?

Улыбнувшись, Слав медленно покачал головой:

–Нет, Радомир, меня там не было.

Ласа, тоже улыбаясь, добавила:

–К счастью.

Растерянно посмотрев на мать, мальчишка недовольно насупил брови:

–Почему, мама? Разве папа не смог бы его убить?

Не прекращая улыбаться, Ласа присела перед сыном и, счищая с его хрупких плечей невидимую пыль, пояснила:

–Смог бы, конечно. Просто мне всегда спокойней, когда ваш отец не участвует в чём-нибудь таком. Ну, в чём-то слишком рискованном.

Радомир, снова растерянно посмотрев на отца, спросил всё же мать:

–А почему?

Ласа, видимо, испытала некоторые затруднения с ответом. Во всяком случае, её растерянный взгляд, брошенный любимой в его сторону, Слав понял именно так. Поэтому и поспешил прийти к ней на помощь.

Так же, как и Ласа, присев перед сыном на корточки, Слав сказал:

–Пойми, Радомир, женщины всегда волнуются за нас, мужчин. Такими уж боги их создали. Ну, а мы всегда волнуемся за них. В общем, все мы такие.

Закатив глаза, Ласа фыркнула:

–Да уж! Объяснил! Даже я не всё поняла!

Слав виновато улыбнулся и пожал плечами:

–Ну, как смог, так и объяснил.

И тут из-за чучела дракона, установленного под огромным стеклянным куполом, куда Слав с семьёй пришли, чтобы полюбоваться открывающимся отсюда видом на прекрасную панораму горных склонов Тобу, раздался голом Сваяры:

–Радомир, не слушай ты их! Эти взрослые всегда всё только ещё больше запутывают! Иди лучше сюда! Тут дракона даже за крыло потрогать можно!

Только услышав предложение сестры, Радомир тут же забыл и о родителях, и о том, что те безуспешно пытались ему что-то объяснить. Оставив Слава и Ласу сидеть на корточках, мальчишка, смешно переставляя ноги в сапожках, которые оказались ему слишком длинны, отчего не позволяли ногам свободно сгибаться в коленях, побежал на голос Сваяры. Родители же только и смогли, что растерянно переглянуться.

Когда их сын скрылся за ровным каменным постаментом, на котором гномы установили чучело дракона, Слав выпрямился и, протянув руку жене, с улыбкой спросил:

–Согласна, что объяснение Сваяры намного лучше любого, которое мы с тобой смогли бы придумать?

Тоже улыбнувшись, Ласа также поднялась, опираясь на руку мужа. Но, как только женщина выпрямилась, её взгляд, устремлённый на огромное чучело дракона, стал очень се-

ржёен. И даже, как показалось Славу, слегка испуган.

Медленно покачав головой, Ласа ответила не на вопрос мужа. А, видимо, на тот, который сама же себе мысленно и задала:

—Знаешь, Слав, я всё же на самом деле очень рада, что тебя там в ту ночь не было.

Тоже посмотрев на возвышающееся над ними чучело крылатого монстра, Слав беспечно пожал плечами:

—Но ведь тогда всё обошлось. Думаю, что ничего не изменилось бы, если бы я там тогда тоже оказался.

Ласа не стала спорить. Вместо этого она тяжело вздохнула:

—Ох-х! Ну, не знаю. Может, и не изменилось бы ничего. Но что-то мне всё же говорит, что нам повезло, что тебя там в ту ночь не было.

Слав тоже решил не спорить. Зачем? Ведь есть много способов куда лучше провести время, чем тратить его на никчемные споры.

Обняв любимую, Слав предложил:

—Может, пойдём отсюда? А то, смотрю, вид этого чудовища как-то нехорошо на тебя влияет.

Не поднимая голову с плеча мужа, где она привычно и так уютно устроилась, Ласа с улыбкой ею покачала:

—Это не вид. Это вонь, которая от него идёт, так плохо на меня влияет. Как думаешь, это чучело когда-нибудь вонять перестанет?

Засмеявшись, Слав пожал плечами, отчего голова Ласы слегка качнулась:

–Наверное. Когда-нибудь оно точно вонять перестанет. Вот только, думаю, это произойдёт ещё очень нескоро.

Несколько секунд они стояли, молча глядя на раскинувшего огромные крылья дракона. На его грозный оскал. На гигантские клыки, от одного вида которых сердце начинало биться намного быстрее. На когти, часть из которых гномы сознательно вонзили в обломки брёвен, чтобы у зрителей сложилось наиболее верное впечатление об их необычайной остроте и прочности.

Наверное, Слав и Ласа простояли бы так ещё какое-то время. И не потому, что обоим им нечем заняться. Просто, когда они вот так вот стоят, тесно прижавшись друг к другу, им начинает казаться, что ничто во всём мире не сможет угрожать их счастью.

По сути, обоим им в такие моменты начинало казаться, что они как бы укутаны этим самым счастьем. И что как раз этот-то незримый полог из счастья и способен защитить их от любых невзгод. И даже резкий запах, который и после нескольких лет продолжает источать давно умерший дракон, уже меньше тревожит их обоняние.

Вот только, что бы там ни думали взрослые, как бы им ни казалось, что ничто не сможет сдвинуть их с места, у детей на такие случаи всегда есть свои планы. Нашлись они и у Радомира со Сваярой.

Радостно смеясь, Радомир неожиданно для родителей выбежал из-за застывшего в зрелищном извиве хвоста дракона. И, заливисто, заразительно смеясь, побежал к опущенной к самому постаменту голове мёртвого чудовища. Наверное, мальчишке не терпелось заглянуть в оскаленную пасть монстра вблизи.

Тяжело вздохнув, Слав сокрушённо покачал головой и, даже не надеясь на то, что его слова возымеют какое-либо действие на сына, сказал:

–Радомир, а ну-ка, слезай оттуда! Это Сваяра тебя туда посадила?

Но мальчишка ничего не ответил. Он только постарался побежать ещё быстрее. Отчего едва не упал. Потому что сапожки, хоть и кажущиеся маленькими, ему всё же слегка велики.

Но ответ Слав всё же получил. От Сваяры. Выглянув из-за ноги дракона, девочка с противоположной стороны помоста с улыбкой сообщила:

–Естественно, это я его посадила, пап. Сам бы он туда ни за что не залез бы!

Ласа, невольно улыбнувшись, постаралась сказать всё же как можно более строго:

–А если гномы его там увидят? Ведь вам тогда сюда запретят приходить!

На что Сваяра, продолжая радостно улыбаться, возразила:

–Пусть только попробуют! Я тогда сюда на грифоне при-

лечу!

Слав, который подумал о том, что его дочери, пожалуй, хватит смелости и на то, про что она только что сказала, заставил себя оторваться от Ласы и, торопливо подойдя к каменному возвышению, не слишком ловко на него взобрался.

Радомир, увидев, что отец решил его поймать, круто развернулся и, смеясь ещё залиvistее и громче, побежал от Слава в противоположную сторону. Славу не осталось ничего другого, как, пробираясь под нависающей над ним огромной воняющей тушей дракона, продолжить эту странную погоню.

Глядя на них, Ласа не смогла сдержать смеха. Тем более что смех Радомира оказался невероятно заразительным.

Ну, а Сваяра смеялась уже давно. Ещё до начала этой забавной погони отца за братом.

—

Конечно же, Слав смог поймать сына. Хоть это оказалось не так-то легко сделать. И не потому, что Радомир проявил какие-то чудеса ловкости. Просто Славу пришлось ловить мальчугана в невыгодных для себя условиях. Ведь Радомир, не смотря на его юный возраст (ему едва исполнилось два лета от роду) оказался смышлён не по возрасту. И каждый раз, когда Славу уже казалось, что он вот-вот поймаёт сына, Радомир совершал ловкий манёвр, пробегая под той или иной частью низко нависшей туши мёртвого дракона. И Славу каждый раз приходилось останавливаться, чтобы не вре-

заться в хвост, ногу или покрытый толстой чешуёй живот чудовища. Правда, пару раз Славу всё же не удалось остановиться достаточно быстро. И он всё-таки ударился головой. Один раз – довольно-таки сильно.

Глядя на них, Ласа и Сваяра не смогли сдержать громкого смеха. Особенно радовалась Сваяра. Ведь девочка явно болела за брата. И не собиралась этого скрывать. Но и Ласа, хоть и старалась сдержать смех, всё же очень быстро сдалась. Даже когда Слав особенно сильно ударился головой, врезавшись в живот дракона, женщина не прекратила смеяться. Она только с силой зажала себе рот ладонью, чтобы не обидеть мужа.

Но, как Радомир ни старался, как он ни пытался спрятаться от отца за лапами и хвостом дракона, погоня всё же закончилась победой Слава. Схватив сына, тот торопливо прыгнул с каменного постамента. При этом Слав с некоторой долей тревоги посмотрел на дверь, ведущую на накрытую куполом площадку. Ведь, что бы там ни думали дети, но гномы и в самом деле могут запретить им посещать любое место в Тобу. Правда, даже если бы гномы увидели, как с их точки зрения недостойно ведут себя люди, они вряд ли прибегли бы к этой суровой мере. Просто Слав не собирался ставить подгорных жителей перед настолько сложным выбором.

Слав не стал опускать сына на пол. Вместо этого он сразу же направился к двери. Ласа и Сваяра последовали за главой семейства.

Как только вся семья оказалась за дверью, дети мгновенно преобразились. И Сваяра, и Радомир (что особенно порадовало Слава) тут же превратились в послушных, можно даже сказать – излишне идеальных детей.

Конечно же, только стараниями Ласы дети проявляют такие чудеса покорности. Ведь это именно она, Ласа, занимается их воспитанием. Сам же Слав просто не может себе этого позволить. И всё, что он делает, так это играет с детьми каждый раз, когда у него выпадает свободная минута. А их, этих минут, к его большому сожалению, выпадает очень и очень мало.

Славу позволили отдохнуть лишь несколько дней после рождения сына. И все эти дни он почти не отходил от Ласы и Радомира. Сваяра, конечно же, тоже постоянно находилась рядом с матерью. Но она-то смогла остаться с ней и новорождённым братом и после того, как Славу недвусмысленно дали понять, что его краткосрочный отпуск подошёл к концу.

Два лета (потому что в этом мире и зимы-то нет, только – сплошное лето) Слав без усталости работал, укрепляя созданное Народом государство. Для этого ему пришлось много путешествовать, надолго покидая семью. Просыпаясь по утрам, Слав порой даже не мог понять, где именно он находится. Всё ему напоминало то время, когда Народ готовился к отражению агрессии эльфов. Точно так же, как и тогда, спутникам Слава приходилось напоминать ему, куда именно они пришли накануне.

И только поняв, что в этот раз он находится, например, в степном кочевье, Слав понимал, что именно ему предстоит делать. И тогда уже весь день он посвящал или сколачиванию пока ещё не слишком сплочённые племена в единый кулак, или объяснял, в чём выгода ведения общего хозяйства. Что ни говори, но далеко не все кочевники (да и вообще – люди этого мира) понимали, в чём скрывается преимущество общественного вида ведения хозяйства.

Но мало-помалу Славу удалось добиться понимания нужных для Народа истин. И всё больше и больше кочевников начинали вести оседлый образ жизни. При этом в хуторах, разбросанных по бескрайней северной степи, появлялись общественные табуны, в которых самые быстрые и выносливые жеребцы водили свои гаремы на водопой. Всё больше и больше появлялось полей, на которых истосковавшаяся по плугу, плодородная земля с готовностью рождала небывалые в лесах урожаи.

Нашлась работа для Слава и в городах. Но тут, к счастью, ему приходилось несколько проще. Потому что люди ещё не успели забыть про то, сколько боли и страданий приносят войны. Поэтому-то горожане и не спорили, когда от них требовалось направить значительную часть их трудовых ресурсов на укрепление крепостных стен, или на строительство новых дорог, по которым в случае опасности войска Народа смогли бы спешно приходить на помощь, если бы возникла такая необходимость.

Казалось бы, что в Тобу-то Слав мог бы отдохнуть, поскольку гномы, с присущей им дисциплиной, готовы сами сделать всё возможное для усиления мощи ССР. Но и тут, под самой сенью высокого голубого неба, в окружении заснеженных горных пиков, для Слава находилась работа. И тоже, как правило, – организационная.

Вообще, Славу порой казалось, что он превратился в некое подобие большевика, рьяно строящего новое государство. Слишком уж много схожего он увидел в том, что ему приходилось делать, с тем, что Слав знал о послереволюционном периоде России. Ну, с тем, что предлагалось вниманию широкой публики.

А вот прибегать к каким-либо карательным мерам, чем так часто грешили большевики, Славу так и не пришлось. Ведь люди, орки, гномы и тролли видели, что и они, и его семья, живут не намного лучше всех остальных. Но при этом на плечах Слава оказалась ответственность за будущее огромного числа различных разумных существ. Кажется, многие его даже жалели. Во всяком случае, с какой-либо враждебностью Славу не пришлось столкнуться.

В общем, Слав считал, что жизнь его сложилась очень даже хорошо. Да, ему хотелось бы, чтобы он мог проводить с семьёй больше времени, чем мог себе позволить. Но это – небольшая плата за то, чтобы быть уверенным в будущем не только своих детей, или детей, которых ты встречаешь во время долгих путешествий. Но и за будущее всех грядущих

поколений. Что ни говори, но ради этого стоит немного пострадать.

И Слав, тоскуя по детям и Ласе, с готовностью окунался с головой в работу. Чтобы Радомир, Сваяра, как и все остальные дети Народа, да и вообще – всего этого мира, смогли с уверенностью смотреть в завтрашний день.

—

Король Кеварг, бросив на посла хмурый взгляд из-под насупленных бровей, спросил:

–И чего же хочет твой король?

Посланник, поклонившись, как того требует придворный этикет, с льстивыми нотками в голосе сказал:

–Мой король, его Величество Клор третий, надеется на то, что Ваше Величество окажется настолько любезен, что не бросит своего венценосного собрата в беде.

Недовольно тряхнув головой, Кеварг спросил снова:

–Так чего же он от меня конкретно-то хочет?

Посланник, снова склонившись (но на этот раз – не так низко), пояснил:

–Его Величество Клор третий, король Тенории просит Вас, Ваше Величество, оказать ему военную помощь.

Всем видом продемонстрировав то, насколько ему скучно, король спросил:

–А конкретнее нельзя? Чего именно мой венценосный брат от меня хочет?

Посланник, видимо, осознал, что дальнейшие игры с эти-

кетом могут быть вредны и потому перешёл к делу:

–Думаю, Вашему Величеству уже известно, что моему бедному отечеству угрожает немалая опасность. Уверен, что Вашему Величеству уже доложили и о том, что в той войне, которую мы вели с жителями Одиноких островов, нам удалось одержать верх. Но с некоторых пор на стороне этих предателей рода людского стали сражаться существа, с которыми нам ещё не приходилось иметь дела. И вот поэтому-то наш флот и стал нести большие потери.

Так как посол замолчал, король, криво усмехнувшись, сказал:

–Да, кое-что нам известно. Но чего вы от нас-то хотите? Ведь у нас даже и флота-то нет. Так что тут мы вам помочь никак не можем. Даже если бы и захотели.

Выслушав слова короля с неподдельным вниманием, посланник кивнул:

–Да, я понимаю, что для Вас было бы выгодно дожидаться того момента, пока мы и наш враг ослабим себя настолько, что Вы смогли бы с лёгкостью отобрать у нас часть наших земель. Но, думаю, это стало бы большой ошибкой с Вашей стороны.

Усмехнувшись уже несколько веселее, явно заинтригованный, король спросил:

–Это почему же?

Посол слегка поклонился:

–Потому, Ваше Величество, что после нас придёт черёд

и Вашей державы. Враг, с которым мы столкнулись, необычайно силён. А ещё он не знает пощады.

Король Кеварг, недоверчиво посмотрев послу в глаза, вновь криво усмехнулся:

—Силён? Ну, может быть, для вас он и в самом деле слишком силён. Но мы-то уж точно с ним сможем справиться.

Медленно покачав головой, посланник сказал:

—Не думаю. Ваше Величество, настала пора, когда нам нужно забыть о всех тех разногласиях, что были между нами в прошлом. Новая опасность, с которой столкнулось моё отечество, грозит опасностью всем нам.

Король, видимо, уловил в голосе посла неподдельную тревогу. Поэтому он спросил слегка растерянно:

—Да что же такого случилось-то? Чем этот ваш новый враг так страшен-то?

Посланник, горестно усмехнувшись, ответил:

—Ваше Величество, произошло то, чего не должно было произойти никогда. Мы лишились флота. Его просто уничтожили. К тому же этому врагу удалось захватить все наши портовые города. И он начал наступление на суше. Наши сухопутные армии отступают после каждой битвы. И это ещё хорошо, если они отступают. Потому что иногда после боя уже некому отступать.

Вот теперь король прекратил усмехаться. Его глаза вмиг посуровели. Окинув встревоженным взглядом толпу блистающих придворных, он отыскал глазами полуголого орка:

—Сток, ты не против того, чтобы отправиться в ССР? Думаю, что у нас есть новости для твоего правительства. И эти новости, похоже, очень нерадостные.

—

Старейшины гномов только выглядят спящими. На самом же деле, насколько известно Славу, ни одно слово из доклада не проходит мимо их ушей. В подтверждение этому, как только тролль замолчал, Вертостатл спросил:

—Значит, горцы Таске решили дать нам возможность пробить коридоры с запада на восток?

Тролль, видимо, обрадовался тому, что хоть кто-то из этих закутанных в шубы седобородых старцев всё же решил с ним заговорить. Наверное, он всё же думал, что произнесит слова перед беспробудно спящими гномами. Во всяком случае, Славу показалось, что в голосе тролля, когда тот ответил, послышалось некоторое облегчение:

—Да, мудрейший, они согласны пустить ваших мастеровых. Вот только...

Вертостатл, спрятав улыбку в густой седой бороде, спросил:

—Что-то не так? Что тебя тревожит?

Тролль, бросив в сторону Слава опасливый взгляд, спросил:

—А зачем нам вообще нужно было их согласие? Мы вот с братьями думаем, что вы смогли бы пробить их горы и без какого-то там их согласия. Разве не так?

После этих слов уже несколько старейшин открыли глаза. И под их ощупывающими ироничными взглядами тролль ощутил себя так, словно его обрили наголо и выставили на показ. Он даже пожал плечами, отчего по его спине и груди прокатились валы мощных мускулов.

И только Слав едва заметно улыбнулся бесхитростному троллю. Но даже этой мимолётной ободряющей улыбки хватило, чтобы вселить в сердце тролля некоторую уверенность. Во всяком случае, после того, как лесной воин перехватил взгляд Слава, он уже спокойнее стал смотреть в глаза гномов.

Вертостатлу же, судя по всему, доставило некоторое удовольствие то, какое направление приняла эта беседа. Наверное, даже гномам иногда надоедают бесконечные доклады. Тем более что эти гномы являются, пожалуй, самыми мудрыми существами мира. А любому развитому уму, как известно, постоянно нужна работа. Но простые доклады как раз этой-то работой обеспечить и не могут.

Вертостатл, как и остальные гномы, с улыбкой посмотрев на тролля, спросил:

–Без разрешения? Так вы думаете? Но разве тебе понравилось бы, если бы мы что-то сделали в Лесу Троллей без вашего согласия? Уверен, что не понравилось бы. Если честно, то как раз от троллей я меньше всего ждал подобного предложения. Скорей, это могли бы сказать люди.

Видимо, слова старейшины попали в цель. Это Слав понял, увидев, как прижались уши лохматого воина. Решив,

что троллю нужна помощь, он заговорил:

–Мудрейший, ты просто не так понял Брума. Он всего лишь спрашивает, а не предлагает. Ведь так, Брум? – Он подождал, пока тролль хмуро кивнёт. – Вот видите! Так что, мудрейшие, не стоит обвинять Брума в чём-то таком. Ну, а то, что никто из людей пока ещё не предложил вам чего-то такого же, так это потому, что людей-то здесь почти не бывает. И уж точно никто из людей не приходил сюда с докладом об обстановке на западном склоне Таске. Так что, как видите, всё очень просто объяснить.

Гномы выслушали объяснение Слава очень внимательно. Правда, как заметил человек, некоторым не слишком-то понравилось его вмешательство. Из этого он сделал вывод, что его предположение о том, что старейшинам просто надоели все эти бесчисленные доклады, оказалось верным.

Вертостатлу, кажется, также пришлось не по вкусу вмешательство Слава. Но гном постарался это скрыть. Хотя мудрейший и должен понимать, что скрыть что-нибудь от Слава ему не удастся. Но также он понял, что человек ни при каких обстоятельствах не расскажет о том, что он «прочёл» все эмоции главы совета Тобу.

Кивком выразив благодарность Славу, Вертостатл вновь повернулся лицом к троллю:

–Ладно, я тебе объясню, Брум, почему мы потратили несколько лет на то, чтобы получить согласие горцев Таске. Просто нам не хочется выглядеть в их глазах захватчиками.

Да, мы легко могли бы обойтись и без их согласия. Но как раз этого-то нам и не стоило делать. Потому что, как только они поймут, что мы могли обойтись без их согласия, это заставит их относиться к нам с должным уважением. Я всё понятно объяснил?

Троль уверенно кивнул:

– Да, мудрейший, всё понятно.

Правда, Слав понял, что для тролля многое осталось неясным. Но тот решил не продолжать сложный для него разговор. И Слав не мог его в этом винить. Он уже давно стал замечать, что троллям не слишком-то нравится представлять перед старейшинами Тобу с докладами. Нет, ни один из троллей не испытывает к гномам какой бы то ни было враждебности. Просто троллям, с их природной непосредственностью, кажется непонятной необходимость делать многое из того, чего от них требует дисциплина. А как раз дисциплину-то гномы и ценят превыше всего. Пожалуй, даже больше мастерства.

Слав понял, что ему ещё предстоит разъяснять троллям, отчего это им пришлось потратить несколько лет на то, чтобы получить согласие горцев на прокладку туннелей через горы Таске. Но он с радостью это сделает. Ведь это позволит снять даже ту лёгкую напряжённость, которую он ощутил во время разговора Брума с Вертостатлом.

По просьбе Слава Брума отпустили. Человек отметил, что троль с облегчением выдохнул. Пожалуй, даже слишком яв-

но. Во всяком случае, Славу показалось, что некоторые старейшины это также заметили.

Как только тролль покинул площадку совета, Слав поторопился предложить новую тему для разговора:

—Ну, раз теперь мы получили согласие горцев Таске, думаю, нам нужно снарядить несколько рабочих групп. Что вы скажете по этому поводу?

Взгляды всех участников совета сошлись на Гревстохатле. А гном, вся жизнь которого прошла в непрерывном строительстве туннелей, не стал торопиться с ответом. Слав не смог сдержать улыбки.

Гревстохатл, как заметил Слав, относится к той части подгорного народа, которым крайне необходимо признание. И чтобы оно, это самое признание, обязательно выразалось во всеобщем внимании. К счастью, среди гномов это явление наблюдается крайне редко. Во всяком случае, намного реже, чем среди представителей других рас.

Насладившись всеобщим вниманием, Гревстохатл многозначительно, но при этом всё же задумчиво, заговорил:

—Думаю, что для начала нам следует отправить к горам Таске не больше трёх бригад огров. А уже после, когда они углубятся в толщу хребта, отправим ещё. Там решим, сколько и кого именно нам следует туда отправить. Согласны?

Слав не стал участвовать в обсуждении. Он сидел и слушал, как старейшины, рассыпая свою зубодробительную речь, активно спорят о том, когда им следует отправлять в

Таске мастеров отделки туннелей. Сколько именно их должно быть. Сколько строительных лесов следует заготовить. Да и много чего другого обсудили гномы. Слав же, справедливо рассудив, что в этих вопросах подгорные жители разбираются намного лучше него, просто сидел и слушал, пытаясь не пропустить ни одного слова. Что ни говори, но языком гномов он пока ещё овладел далеко не в совершенстве.

Как только старейшины закончили обсуждение, Слав спросил:

–А вам не кажется, что мы ещё кое о чём забыли?

Теперь заинтригованные взгляды обладателей самых седых бород этого мира сошлись на нём. Вертостатл, на правах старшего, спросил:

–Что именно ты имеешь в виду? Кажется, мы всё обсудили во всех деталях. Но, может быть, ты, как человек, и смог всё же что-то заметить, что мы упустили из виду. Так ты не тяни, Слав. Говори.

Улыбнувшись слегка виновато, Слав кивнул:

–Да, не стоило мне говорить загадками. – Он обвёл сморщенные лица старейшин долгим взглядом, в который постарался вложить всё то уважение, какое к ним испытывает. – Я просто подумал, что мы могли бы предложить жителям Таске кое-что в качестве благодарности.

Вертостатл, по опыту зная, что от этого человека следует ожидать любых сюрпризов, причём, как правило, по большей части – приятных, спросил:

–Что именно мы могли бы им предложить? Только не говори, что хочешь дать им наше оружие. Ты же знаешь, что этого делать мы не будем.

Слав кивнул:

–Само собой, я и не думал давать им наше оружие. Я хотел предложить Совету рассмотреть возможность строительства горных дорог в Таске. Думаю, что горцы были бы нам за это очень благодарны. Думаю, что это могло бы заставить их подумать о том, чтобы стать частью Народа. Что ни говори, но получить Таске в качестве естественного рубежа на востоке, – было бы для нас очень даже выгодно. Уж кому-кому, но вам-то лучше всех известно, что нет ничего лучше гор для обороны своих границ.

Вертостатл задумчиво кивнул:

–Да, ты прав. Вот только согласятся ли они принять от нас такой подарок? Ведь тебе не хуже нас известно, как горды и непредсказуемы эти горцы. В отличие от нас, жителей Тобу, то есть – гномов, в Таске живут люди. И порой их поведение даже вы, их собратья – люди, не можете понять. Что скажешь?

Слав пожал плечами и с улыбкой сказал:

–Ну, мы же можем их об этом спросить. По опыту знаю, что ещё от одного разговора они точно не откажутся. Хотя бы для того, чтобы развеять скуку.

Задумчиво хмыкнув, Вертостатл кивнул:

–Думаю, попробовать стоит. – Он обвёл взглядом собра-

тьев-старейшин. – Что скажете?

И снова гномы заговорили на языке жителей Тобу. Слав же, опять стараясь не пропустить ни слова, весь обратился в слух.

Говорили гномы долго, не меньше часа. При этом старейшины разделились на два примерно равных по числу седых бород лагеря. Одни решили поддержать предложение Слава. Другие, естественно, воспротивились. Спор оказался горячим. Настолько горячим, что Слав в какой-то момент даже пожалел о том, что выдвинул предложение о благодарности горцам Таске.

Правда, даже горячась, никто из старейшин границ не переходил. Всё, что они говорили, не выходило за рамки деловой беседы. Да, споры оказались горячими. Но ничего оскорбительного или просто не касающегося темы разговора, произнесено не было.

Как понял Слав, противники его предложения особенно упирали на то, что горцы Таске на протяжении всего их существования только и делали, что совершали набеги на жителей равнин. После чего, конечно же, прятались в горах, пользуясь сложностью рельефа и знанием местности. Что, естественно, делало крайне сложными любые попытки жителей равнин наказать разбойников за их набеги.

Противники предложения Слава совершенно справедливо утверждали, что ни в коем случае нельзя доверять тем, кто за всю историю своего существования даже не попро-

бывал жить так, чтобы при этом не причинять кому-нибудь вреда. Что, по сути, набеги горцев яснее чего-нибудь другого доказали, что ничто не помешает жителям Таске обмануть. На этот раз – обмануть Народ. Многие века безнаказанности приучили горцев Таске к тому, что им не обязательно держать данное ими слово.

К сожалению, Слав вынужден был отметить, что многое, что говорили его оппоненты, оказалось абсолютной правдой. Ведь гномы смогли привести множество примеров того, как жители Таске не раз за прошлые века обманывали. Обманывали, по сути, всех, с кем заключали договора о мире. Горцы постоянно обманывали королей Воктии и Новавизии. Об этом свидетельствуют данные из архивов обоих этих королевств. Обманывали горцы Таске и жителей Северных равнин. Что, конечно же, им легко удавалось сделать, поскольку северяне как раз всегда держали данное ими слово. Предávalи горцы и те договора о мире, которые они заключали с королевствами Семгор и Лавия. В общем, у жителей Таске сложилась репутация, на основании которой половина Совета Тобу сделала вывод, что с ними лучше совсем не стоит договариваться.

Вторая же половина Совета утверждала, что все, кого обманули горцы, не имели возможности как-либо их наказать. В отличие от Народа. Ведь ни у одного из королей никогда не было в распоряжении грифонов!

Спор о целесообразности использования грифонов в вой-

не на склонах Таске оказался не слишком долгим. Очень быстро сторонники Слава одержали в нём верх. Противники вынужденно признали, что даже риск потерять некоторое количество грифонов стоит того, чтобы на долгие века отбить у горцев охоту совершать набеги на ССР.

А когда речь зашла о том, что в войне против возможных предателей пока ещё несуществующего договора будет шанс использовать ещё и огеров, на сторону Слава тут же перешёл и Грагохогл.

Старейшина от оружейников поначалу, естественно, активно выступил против того, чтобы отправлять к горцам Таске мастеровых с их инструментом. И уж тем более он яро протестовал против того, чтобы огры также стали невольными заложниками тех, кто только и делал, что на протяжении всего своего существования постоянно нарушал все заключённые им договоры.

Но, как только Грагохогл понял, что в случае предательства со стороны горцев появится возможность испытать в боевых условиях созданную его мастерами броню, выкованное ими оружие, которое они на протяжении нескольких лет изготавливали для великанов, его точка зрения резко изменилась. Что ни говори, но для любого оружейника, пусть даже он и давно отошёл от дел, нет ничего важнее, чем убедиться, что его изделия показали себя с лучшей стороны. А как ещё можно испытать оружие, которое гномы ковали для огеров? Только во время новой войны. А с кем и когда Наро-

ду доведётся ещё повоевать? Ведь никто не собирается рисковать в войне с тем, кто наглядно доказал, что этого делать не стоит. Пример Воктии, Супра и Виструма оказался слишком наглядным. Настолько, что желающих воевать с ССР до сих пор так и не нашлось.

Поэтому-то Грагохогл и сменил точку зрения. Славу показалось даже, что старейшине очень хочется, чтобы горцы и в этот раз нарушили договор. Чтобы Народ получил все права на начало боевых действий против жителей Таске. Ведь тогда весь мир получит ещё одно подтверждение того, что оружие Тобу является самым лучшим. Что Народ силен настолько, что даже великаны готовы с радостью ему помогать в деле наказания тех, кто пытается его обмануть.

Слав несколько не сомневался, что, случись война с горцами Таске, огеры не откажут Народу в помощи. Психология великанов позволяет говорить о том, что они не просто не откажутся, – огеры, возможно, даже сами будут просить о том, чтобы их привлекли к походу. Тем более, если им станет известно, какое именно оружие они получают в руки! В их мозолистые, гигантские, не знающие пощады руки.

Слав постарался отогнать прочь мысли о том, что Грагохогл, по сути, готов допустить гибель некоторого количества гномов и огров, лишь бы получить возможность провести полевые испытания нового вооружения. Впрочем, этим грешат зачастую даже самые достойные из лучших представителей любых рас и народов. К счастью, многим при этом всё

же удаётся сдерживать собственные, далеко не самые душевные порывы.

Примерно через час горячих споров старейшины всё же пришли к общему решению. Сторонникам Слава удалось склонить чашу весов на свою сторону. И основную роль в этом сыграл как раз Грагохогл. Всё же старейшина от кузнецов, среди которых оружейники пользуются особым почётом, имеет большой вес в совете Тобу. Его голос, как понял Слав за проведённое в этом совете время, значит почти столь же много, как и мнение Вертостатла.

Вот если бы Грагохогл продолжил оспаривать предложение Слава, пожалуй, спор не закончился бы настолько быстро. (Для гномов спор в течение всего лишь одного часа – лишь краткое препирательство). Возможно даже, что спор вообще не смог бы закончиться победой какой-либо из сторон, что, по сути, означало бы, что верх остался за противниками предложения Слава. Но, раз уж на одной чаше весов в споре оказались голоса Вертостатла и Грагохогла, тем более, когда их поддержало большинство старейшин, несогласным не осталось ничего другого, как замолчать.

Слав, убедившись, что его предложение принято, не пылая желанием задерживаться на площадке совета и далее, поднялся с кресла-трона:

–Ну, если мы всё решили, то я, пожалуй, пойду. Надо подготовить всё необходимое для того, чтобы наше решение поскорее стало известно горцам Таске. Ведь и им ещё понадо-

бится время, чтобы обсудить наше предложение. Вы же не против?

Никто из гномов не стал с ним спорить. Ведь всем им хорошо известно, что для человека, пусть и такого умного и терпеливого, как Слав, вряд ли хватит выдержки на то, чтобы всё своё время посвящать бесчисленным докладам, обсуждениям и спорам.

Оглядев заросшие седыми бородами лица старейшин Тобу и убедившись, что никому из них и в голову не приходит его задерживать, Слав торопливо направился к двери, ведущей внутрь лабиринтов. А, уже закрывая за собой эту самую дверь, он даже облегчённо выдохнул.

—

Утром Ласа, отправив Сваяру на занятия и накормив Радомира кашей, в которую добавила сиропа из сока гебогла, задумчиво посмотрев на собирающегося мужа, спросила:

—Слав, может, нам стоит куда-нибудь прогуляться? Я вот, например, по родителям уже соскучилась. Может, в Соте побываем?

Слав неопределённо кивнул:

—Можно. А дети тоже хотят попутешествовать?

Ласа посмотрела на сына, играющего с мягкой игрушкой – грифоном. Улыбнулась:

—Думаю, что и они не прочь с бабушкой и дедушкой повидаться.

Слав снова кивнул без какой бы то ни было определённо-

сти:

–Ну, тогда и я согласен. Не помешает отдохнуть от всего этого.

От чего именно «всего этого» Слав пояснять, конечно же, не стал. А зачем? Ведь и так понятно, что именно он имеет в виду. Поэтому-то Ласа и не стала ничего уточнять.

Ну, а Слав подумал о том, что, в общем-то, не будет ничего страшного в том, что он вместе с семьёй на какое-то время исчезнет из Гнезда. В конце концов, ССР не ограничивается пределами Тобу. А значит, даже гномы не смогут ничего возразить Славу, когда он объявит им, что ему придётся на некоторое время исчезнуть.

Что же касается семьи Ласы, её родителей, сестры и братьев, то Слав с радостью проведёт несколько дней среди этих простых людей. Тем более что братья его жены, как показало время, оказались далеко не глупыми людьми. И проявили себя с самой лучшей стороны на службе Народу. Один из них даже принял участие в отражении набега на восточную окраину ССР со стороны нескольких объединившихся племён горцев Таске. Ну, а сестра Ласы, повзрослев, вышла замуж и родила уже трёх детей. Все – девочки. И Слав, изредка бывая в Соте, любил наблюдать, как Сваяра играет с ними в различные детские игры этого мира.

Тёща, вопреки странному, но довольно-таки распространённому заблуждению его родного мира, никогда даже не пыталась противопоставить себя зятю. И Слав всегда ощу-

щал поддержку с её стороны. Хотя, если уж говорить начистоту, этой пожилой женщине, не раз битой жизнью, так и не представился шанс эту самую поддержку оказать. Но Славу хватало уже и того, что он ощущал эту поддержку с её стороны.

А вот отец Ласы, человек простой, бесхитростный, а порой и угрюмый, каждый раз делал всё возможное, чтобы на чём-нибудь подловить зятя. Вот только единственное, на чём он мог это сделать, касалось обычного деревенского быта. А Слав, который молодость прожил в посёлке, а позже не слезавший с походного седла, успел как раз эту сторону жизни изучить очень основательно. Поэтому тестю ни разу не удалось поставить его в тупик. К чести тестя стоит сказать, что его это никогда не злило. И, как кажется Славу, он даже иногда гордился тем, что зять и в этот раз смог не ударить в грязь лицом. Правда, уже на следующий день он снова пытался на чём-нибудь Слава подловить.

Но, даже не смотря на такое странное поведение тестя, Слав готов снова отправиться в Сот. Что ни говори, но иногда полезно отдохнуть от дел государственных, даже если при этом ему и придётся снова вывозить навоз из-под коров и носить воду для полива грядок с огурцами или луком.

Усмехнувшись, Слав подумал о том, что его жизнь стала напоминать какую-то мелодраму. Ему представилось, что, если бы кто-нибудь решил бы написать про него книгу, то эта часть его жизни очень понравилась бы читателям-жен-

щинам. А всё потому, что все думы, все переживания Слава уже давно касаются в большинстве своём исключительно семьи. Всё же остальное как-то отошло на второй план. Естественно, для Слава по-прежнему важно то, что он делает на благо Народа. Но всё это, с тех пор, как опасность со стороны эльфов (и вампиров) больше не угрожает существованию ССР, с тех пор, как отпала острая необходимость «ковать» оборонный щит страны, работа Слава свелась к обычной рутине.

Опять же, как подумал Слав, если бы кому-то взбрело бы в голову написать про него книгу, эта часть вряд ли стала бы пользоваться популярностью. Слишком всё стало скучно и пресно. Ну, для стороннего наблюдателя – скучно и пресно. Сам же Слав, наоборот, только теперь начал понимать, что это такое – настоящее счастье.

А вот для того, кто взял бы в руки книгу, в которой давалось бы описание его жизни, все переживания Слава показались бы скучны и банальны. Никаких тебе схваток, кровавых битв, происков коварных врагов, смертельной опасности и прочего, что делает интересной любую книгу в жанре фэнтези. Поэтому-то Слав и думал, что эта часть его жизни вряд ли кого-нибудь смогла бы заинтересовать. «К счастью, никому и в голову не придёт писать про меня книги», – с усмешкой подумал Слав, приближаясь к двери, ведущей на площадку совета.

И, уже входя под раздвинутый сегодня купол, он с некото-

рой долей удивления отметил, что ему уже не терпится поскорее отправиться с семьёй в Сот.

Сток проводили на площадку совета старейшин Тобу. С замиранием сердца (орк впервые оказался в Тобу, и сразу же – в Гнезде!) посланник Народа при королевском дворе Тогета шагнул по своды купола.

Орк с любопытством посмотрел на то, как крупные капли дождя, ударяясь о толстое стекло купола, разбиваются на сотни крохотных брызг. Как они, эти брызги, упав на то самое стекло, от которого мгновение назад отскочили, вновь собираются в капли. И, набрав достаточную массу для того, чтобы преодолеть трение, стекают вниз, оставляя за собой мокрые дорожки. А уже они, эти самые дорожки, сузившись после того, как капли, их породившие, стекают вниз, в свою очередь превращаются в мелкие капельки. И терпеливо ждут, пока и они не станут частью новых капель, чтобы также скатиться вниз.

Сток представил, как эти капельки, коснувшись камня Тобу, быстро скользят вниз. Как они, уже привычно собираясь, образуют бурные ручьи, которые бегут всё быстрее и быстрее. До тех пор, пока не окажутся в бурлящей горной реке. И уже там, далеко внизу, обретя мощь быстрого горного потока, с радостным рёвом торопятя дальше, стремясь как можно быстрее оказаться на равнине. И, если на пути этого нетерпеливого потока окажется какая-нибудь прегра-

да, то осознавшие свою силу капельки упавшего на купол дождя сметут её со своего пути. При этом им будет не важно, что именно попадётся на их пути. Камень, мост, плотина или неопытный путешественник, решивший перейти реку, – все они будут сметены, растёрты о каменное дно, превращены в пыль, которая даже отдалённо не будет похожа на то, что она раньше собой представляла.

Эти мысли мелькнули в мозгу Стоска так же быстро, как несётся там, далеко внизу, горный поток. И орк тут же окинул нетерпеливым взглядом старейшин Тобу. Четырнадцать гномов. Четырнадцать мудрейших представителей подгорного народа, выделившихся умом и опытом из наиболее успешных представителей этой расы. Да, орку есть, от чего испытывать трепет.

К большому своему сожалению, Стоск не обнаружил среди старейшин Тобу Слава. Ведь по пути в Гнездо орк постоянно думал о том, что встретит здесь именно его. Но, как он сейчас понял, его надеждам не суждено сбыться.

Не то, чтобы Стоск как-то боготворил Слава. Нет, такого не было и нет. Да, наверное, и не будет. Но вот уважение к Славу у орка есть точно. И навсегда останется в душе Стоска. Да, наверное, как и в душах всех остальных орков. А возможно, и в душах большинства людей, троллей, гномов и даже великанов.

Поняв, что на этот раз увидеть Слава ему не удастся, Стоск склонил голову перед остальным советом Тобу:

–Здравствуйте, мудрейшие. Я прибыл в Тобу с очень важными вестями.

Вертоstatл ободряюще улыбнулся:

–И тебе здоровья, юный орк. Ну, раз прибыл с важными вестями, так и говори быстрее. Нечего время-то тянуть. У тебя его, чай, и так не слишком-то много.

Собираясь сделать доклад, Стоск всё же решился попытаться попутно выведать и то, что его сейчас волнует в первую очередь. Не зря же он провёл так много времени при дворе короля Кеварга. Успел не просто научиться манипуляции, а стал в этом деле очень умелым. В общем, орк успел превратиться в самого настоящего дипломата.

Ещё раз в почтении склонив голову, Стоск начал доклад:

–Жаль, что среди вас сейчас нет Слава. Надеюсь лишь, что он находится где-нибудь поблизости. Ведь в этом деле очень пригодилось бы его мнение. Но я начну. – Орк сознательно поторопился перевести разговор к делу, чтобы развеять даже малейшие подозрения, если бы такие возникли в душах старейшин Тобу. – Я прибыл для того, чтобы сообщить, что королевство Тогет собирается вступить в войну на стороне Тенории. Какой-то враг вторгся в пределы этого соседа короля Кеварга. Как сообщил король Клор третий, этот враг необычайно силён и безжалостен. Он уже успел потопить весь флот этого королевства. А он был очень силён. Наверное, Тенория обладала самым мощным флотом нашего мира. А теперь его просто не стало. Ещё Клор сообщил, что после того, как Те-

нория лишилась флота, она потеряла ещё и свои порты. Города на побережье все захвачены. И, как нам сообщили, всё население этих городов истреблено. Вот, собственно, и всё. Его Величество Кеварг решил послать меня в Гнездо, чтобы сообщить о том, что его армия выступит на защиту своего соседа. И он просит о том, чтобы Народ сделал всё возможное, чтобы обеспечить безопасность его королевства. Чтобы мы повлияли на его соседей. Чтобы ни Супр, ни Тения не попытались напасть на Тогет в то время, как армии этого королевства оказывают помощь Тенории. У меня всё.

Вертоstatл с затаённой улыбкой смотрел, как орк, закончив доклад, вновь склонил голову в почтительном поклоне. Дождавшись, пока Стоск выпрямится, гном кивнул:

— Ясно. Значит, король Кеварг оказался очень мудр. Что же, думаю, что это очень хорошо, когда твоим соседом оказывается кто-то настолько мудрый, как Его Величество. Ну, а что касается всего остального. — Старейшина едва заметно усмехнулся. — Как я понял, тебе очень интересно, почему среди нас нет Слава. Так? Не стесняйся, Стоск. Ты нас не обидишь тем, что тебе не терпится повидать именно Слава. Ведь он и в самом деле очень примечательная личность. Я даже соглашусь с тем, что он намного более интересен, чем любой из нас. Правда, сам он это постоянно отрицает. Говорит, что он обычный человек. Если тебе интересно, то я скажу, что Слав отправился со своей семьёй погостить к родственникам жены. Поэтому ты его пока не увидишь. Пото-

му что прямо отсюда ты поспешишь назад, в Товет. Ты сообщишь Кеваргу, что Народ делает всё возможное для того, чтобы никто не посмел напасть на его королевство. Что мы соберём Большой Совет. И, я уверен, что Совет примет решение о том, чтобы отправить сообщение всем соседям Тогета с предупреждением. Так что пусть Его Величество не беспокоится. Никто и ничто не угрожает безопасности его границ и подданных. Пусть со спокойной совестью оказывает помощь Тенории.

Сток снова почтительно склонил голову:

—Я понял, мудрейший. Жаль, что мне не удалось повидать Славу. Я его видел лишь однажды. Но тогда я был молод. А он уже защищал мой народ от истребления. Я просто хотел выразить ему свою благодарность.

Вергостатл с пониманием сказал:

—Теперь всё понятно. Мы передадим твою признательность Славу. А теперь, после того, как ты поешь и выспишься, тебе придётся поспешить назад в Товет. Скажешь королю всё, о чём мы тут говорили. И передашь, что он может ни о чём не волноваться. И что, если понадобится, мы выступим против любого, кто попытается использовать шанс для того, чтобы напасть на Товет. Иди, юный орк.

Поклонившись на прощание, Сток покинул площадку совета Тобу.

А дождь продолжил монотонно стучать по стеклянному куполу. Ведь ему, дождю, нет никакого дела до того, что кто-

то там с кем-то собирается воевать. А кто-то обещает кого-то защитить от неких опасностей. Для него, дожда, есть только необходимость напитать водой бурные горные реки.

Глядя, как Радомир бегаёт за жёлтыми и рябыми цыплятами, Слав невольно усмехнулся. Он вспомнил своё детство. Вспомнил, как он точно так же, как сейчас его сын, когда-то гонялся за пищущими птенцами. Во всяком случае, до тех пор, пока матери-клуше это не надоедало. И она, издавая громкое квохтанье, не нападала на него, маленького Ярика. И ему, хоть он и был намного больше обычной курицы, приходилось с позором убегать прочь. А клуша, прогнав его, тут же торопливо возвращалась к цыплятам. А те, повинувшись её сердито-заботливому материнскому квохтанью, торопливо сбегались под её надёжное крыло.

Точно то же происходило и сейчас. На глазах Слава клуша, которой, видимо, надоело назойливое внимание Радомира к её птенцам, сердито квохча, растопырила крылья и, встопорщив перья, напала на мальчишку. Радомир, радостно смеясь, тут же побежал прочь. При этом ему снова пришлось нелегко. Так как сапоги на ногах мальчика опять не позволили им сгибаться в коленях.

Клуше даже удалось пару раз с силой ударить Радомира клювом в мягкое место. Но мальчишка от этого только засмеялся ещё громче. И настолько заразительно, что Слав тоже начал громко хохотать.

Отогнав мальчишку прочь, курица, заботливо квохча, вернулась к пищащим цыплятам. А те, издавая непрерывный писк, торопливо собрались вокруг матери. Прошло лишь несколько секунд, и курица начала с силой разгребать землю в поисках чего-нибудь съедобного для своих птенцов. Только трава полетела во все стороны.

Слав поймал пробежавшего мимо него Радомира. Повернул сына к себе лицом. Тот, радостно улыбаясь, посмотрел на него сверкающими от восторга глазами. Улыбнувшись, Слав спросил:

– Не больно она тебя клюнула?

На что Радомир, не прекращая улыбаться, покачал головой:

– Не-а! Мне даже щекотно было!

Криво усмехнувшись, Слав развернул сына спиной к себе и, слегка сжав его тоненькие плечики, подтолкнул вперёд:

– Ну, беги тогда. Гуляй дальше. Только не вздумай к гусям лезть! Эти так пощиплют, что щекотно ни разу не будет!

Уже отбежав в сторонку, Радомир оглянулся и, улыбаясь, сказал:

– А я уже знаю! Они меня уже пощипали!

И, сказав это, мальчишка убежал, оставив отца смеяться в одиночестве.

Незаметно для себя Слав задумался. Улыбка медленно сползла с его губ. Мыслям-то не прикажешь. Постепенно они с сына, да и с детства самого Слава перетекли на совсем не

радостные стороны жизни.

Слав думал о том, что пришла пора усовершенствовать системы образования в ССР. Что начальное и среднее образование уже достигло такого уровня, что ему необходимо качественное продолжение в виде образования высшего. Ведь дети, закончив школу, получив лучшее образование этого мира, невольно оказались как бы брошены. Слав с горечью подумал о том, что он не смог предвидеть как раз едва ли не самой важной проблемы, когда создавал систему образования. И вот теперь, столкнувшись с тем, что со всех концов ССР к нему стали стекаться жалобы различных ветвей управления, что им не хватает специалистов с достаточно высоким уровнем образования, Слав понял, что он совершил самую большую ошибку, какую только мог совершить.

Конечно же, Слав сознательно преувеличил свою вину. Но таков уж склад его характера. Таким уж его создали боги. И, раз он совершал (даже невольно, даже крохотную) ошибку, то начинал себя корить самыми последними словами.

Слав как раз пришёл к выводу, что Народу придётся создать некоторое количество высших учебных заведений. То, что ему (Народу) досталось от Виструма и Воктии, уже не в состоянии удовлетворить даже самым скромным требованиям новой данности того государства, которое люди, орки, тролли и гномы смогли построить на обломках старого мира. И, как только Слав обдумал, в каких именно городах следует начать строительство новых высших учебных заведений, его

мысли прервало появление Ласы.

С тревогой осмотрев двор и даже выглянув за калитку, женщина спросила:

–Слав, а где Радомир?

На что Слав, беспечно пожав плечами, сказал:

–Да тут где-то бегают.

И, только сказав это, Слав понял, что совершил ещё одну роковую ошибку. Впрочем, Ласа сдержалась. Но, когда женщина заговорила, в её голосе послышался металл:

–А ты не обнаглел, Слав? Или ты думаешь, что, если с этим нашим сыном что-нибудь случится, я тут же рожу тебе ещё одного? А если его собаки покусают? Или ещё что случится? Или ты думаешь, что никто из эльфов не мечтает о том, чтобы нам отомстить? Ведь троллей-телохранителей у нас давно уже нет! Кто же, если не ты, теперь Радомира-то защитит?

Слав, виновато улыбнувшись, попытался оправдаться:

–Да ничего с ним не случится. Милая, нашему Радомиру никто и никогда не сможет вреда причинить. Просто не сможет физически. Да ты же и сама всё знаешь.

Ласа, сердито покачав головой, едва ли не со злобой заявила:

–Да я-то знаю! А вот те же эльфы могут этого и не знать! А вот их-то я как раз больше всего и опасаясь!

Слав только теперь сообразил, что ему стоило бы начать поиски сына сразу же после того, как Ласа задала первый во-

прос. Поэтому он, торопливо поднявшись с пенька, на котором совсем недавно колол дрова, зашагал в ту сторону двора, куда убежал Радомир. Не оборачиваясь, Слав сказал:

–Сейчас я его найду, Ласочка. И ты уж мне поверь, что если с ним я увижу какого-нибудь эльфа, то ему очень сильно не поздоровится.

Хоть это заявление мужа и заставило Ласу с гордостью улыбнуться, сказала она всё с теми же металлическими нотками в рассерженном голосе:

–Ну-ну! Смотри, как бы тебе плохо не пришлось! Эльфа он, видите ли, накажет!

Слав не стал говорить, что ему однажды уже удалось выйти победителем из схватки как раз с эльфом. Хотя, он уже собрался было об этом напомнить, но как раз в этот момент из-за сарая ему навстречу со смехом выбежал Радомир.

Слав быстро подхватил сына на руки. И это спасло мальчишку от гнева стаи рассерженных гусей. Недовольно гогоча, те остановились и, вытянув длинные шеи, стали рассерженно смотреть на того, кто им, видимо, чем-то докучал. При этом их сердитое гоготанье заполнило весь двор.

Сам же виновник этого переполоха в птичьем сообществе, сидя на руках отца, продолжал весело и заливисто хохотать. И, не в силах противостоять этому заразительному смеху, Слав тоже начал смеяться.

Не прерывая смеха, Слав спросил:

–Ты чего это к гусям-то полез? Я же тебя предупреждал,

чтобы ты их не трогал.

На что Радомир, беспечно махнув по-детски пухлой ручкой, заявил:

—А я как раз вспомнил, что давно с гусями не играл. Кстати, папа, благо дарю тебе за то, что ты мне про них напомнил.

Ласа, которая, конечно же, слышала весь их разговор, торопливо приблизилась к Славу и, отобрав у него сына, сердито посмотрела мужу в глаза:

—Ты, Слав, совсем из ума выжил? Сам решил ему сказать, где можно на задницу приключений найти? Я вот думаю порой, что ты совсем своего сына не знаешь. Да он же только и думает о том, куда бы ещё сбегать, да кого бы ещё подоставать. А тут ещё и ты ему подсказываешь! Ты Слав, знаешь что...

Но Слав так и не узнал, что ещё он должен знать. Отец Ласы на этот раз пришёл к нему на помощь. Выглянув из-за угла дома, он сказал хоть и не грубо, но так, что Ласа мгновенно осеклась:

—А ну, хватит на мужа кричать! Ты, Ласа, я смотрю, совсем от рук отбилась. Пользуешься тем, что он тебя любит больше жизни. Прекратила немедленно. И чтобы я этого никогда больше не слышал. Ясно?

Виновато потупив взор, Ласа попыталась оправдаться:

—Папа, но ведь он же сам подсказал Радомиру, где тот может приключений себе найти. Вот я и...

И снова Тапос не позволил дочери закончить. Криво

усмехнувшись, он посмотрел на внука с изрядной долей одобрения и гордости:

—И что? Что страшного в том, что гуси его слегка пощипали бы? Зато он на всю жизнь запомнил бы, что к ним лезть не стоит. Или ты хочешь, чтобы твой сын вырос под твоей постоянной опекой? Так, Ласа, он всё равно рано или поздно вырастет. И, чем скорее Радомир начнёт привыкать к самостоятельности, тем лучше. Слав всё правильно делает. Вот только тебя он что-то слишком распустил. Но это и понятно. Ведь он же от тебя до сих пор без ума. На твоём месте любая другая сделала бы всё возможное, чтобы это сохранить. А ты, доча, сама стараешься своё счастье разрушить. Подумай над тем, что я тебе сказал. А мужики ох как не любят, когда на них постоянно ворчат.

Сказав это, Тапос вновь исчез за углом. А Ласа и Слав так и стояли, стараясь не смотреть друг другу в глаза. Наконец, Радомир, которому, видимо, надоело сидеть на руках у отца, требовательно заявил:

—Пап, поставь меня на землю. Я хочу сбегать к бабушке. Он обещал для меня из доски меч вырубить.

Едва заметно улыбнувшись, Слав поставил сына перед собой. Тот тут же попытался убежать прочь. Но Слав удержал его за плечи. Дождался, пока сын вопросительно посмотрит ему в глаза и сказал:

—Ты должен пообещать маме, что хотя бы сегодня больше не станешь никого задевать. Ясно? Обещаешь?

С силой потерев крохотной ладошкой пухлый, задорно вздёрнутый нос, Радомир неохотно пообещал:

—Ладно, не буду. Мам, я обещаю.

Как только Слав увидел, что губы Ласы тронула робкая улыбка, он тут же выпустил хрупкие плечи сына. Тот не стал колебаться, и вихрем убежал за угол дома. Посмотрев ему вслед, Ласа, произнося слова чуть виновато, с улыбкой сказала:

—Всё равно ведь обманет. Уверена, что уже через пять минут снова к кому-нибудь полезет.

Слав, подойдя к любимой, нежно обнял её за плечи:

—Естественно. — Он повернул Ласу лицом к себе. С улыбкой посмотрел в её блестящие от сдерживаемых слёз глаза. — Милая, ты не думай. Я на тебя не обижаюсь. И никогда, ничто не заставит меня тебя разлюбить.

Поджав губы, Ласа прижалась лицом к груди мужа, чтобы он не видел, как из её глаз побежали слёзы.

—

В Гнездо Слав с семьёй вернулись примерно через месяц. За всё это время они успели побывать не только в Соте. Ещё Слав с Ласой решили наведаться в кочевья орков. Заглянули и в степи. А уже после этого, зайдя только в два города бывшего герцогства, вернулись в Тобу.

Поездка через туннели прошла с комфортом, о котором ещё десять лет назад никто не посмел бы и мечтать. Достаточно сказать, что путешественники смогли выспаться на

удобных кроватях в отдельных купе. А ещё в их распоряжении оказалась кухня и удобства, о которых не принято говорить открыто. В общем, поезду не пришлось делать лишних остановок, чтобы пассажиры смогли посетить туалет. Единственное, что требовало остановок, так это необходимость забирать и высаживать других путешественников.

Среди этих путешественников оказались далеко не только гномы. В поезд садились люди, орки, тролли и даже сойны. Последние, конечно же, тут же оказывались центром внимания детей. И те с готовностью пищали, свистели и издавали громкие щелчки на своём птичьём языке. Что заставляло Слава болезненно морщиться. Зато все остальные пассажиры откровенно радовались такому приятному соседству.

Попутно поезд подобрал и пару огров, которых сопровождали воспитатели-гномы. Во время их погрузки на открытые платформы, которые тут же подогнали и прицепили в конец поезда, все путешественники забыли даже о сойнах. Всё их внимание переключилось на великанов-строителей. Люди, орки, тролли и даже гномы с интересом наблюдали за тем, как эти гиганты, передвигаясь с присущей им медлительностью, зашли на перрон, а уже оттуда шагнули на открытые площадки на колёсах. Но, как только огры уселись с той основательностью, с которой эти великаны делают практически всё без исключения, внимание всех пассажиров тут же вновь переключилось на сойнов. И снова вагон наполнил их громкий писк.

Особенно Славу запомнился последний участок их пути через подгорные лабиринты. Потому что Радомир смог заполнить в собственное распоряжение сойна. И тот, усевшись Ласе на колени, без устали пищал до тех пор, пока семье Слава не пришло время выходить. Что сам Слав с радостью и сделал.

Поднявшись в лифте и зайдя в отведённую для их семьи квартиру с видом на покрытые снегом горные пики, Слав устало выдохнул:

–Ну, наконец-то, мы дома!

На что Сваяра, поморщившись, недовольно хмыкнула:

–Хм! Вот-вот! Теперь снова из-за парты не вылезешь!

На что Слав, пожав плечами, с улыбкой заметил:

–Ну, так это твоя обязанность, милая. Как моя – заседать в Совете Тобу. Или как твоей мамы – заботиться о нас с вами. Каждый обязан делать то, что... обязан делать. – Не слишком умело закончил он свою мысль.

Сваяра не стала спорить. Она только неопределённо фыркнула и, демонстративно воздев глаза к потолку, по которому, перевиваясь, ползли к окнам выбитые в камне цветы и травы, покачала головой. После чего, подхватив с мягкого кресла брошенный её же рюкзак, ушла в свою комнату.

Слав растерянно посмотрел на Ласу. Та лишь пожала плечами, неопределённо улыбнувшись. И, оставив мужа размышлять над загадками женской психологии и логики, начала снимать с сына походную одежду.

Радомир же, казалось, не обратил на этот странный разговор вообще никакого внимания. Мальчишку, похоже, обрадовало возвращение домой. Пока мать его переодевала, он смотрел в окно, не отводя от него сверкающих глаз.

Поняв, что тут вполне могут обойтись и без него, Слав, не переодеваясь, отправился на площадку совета. Он справедливо рассудил, что, раз время ещё не позднее, то старейшины, скорее всего, до сих пор заседают, решая какие-нибудь неотложные (или же не слишком-то важные) дела.

Слав не ошибся. Он застал на площадке работу Совета в полном составе. Ну, за исключением его самого, конечно же.

После того, как человек, пожелав всем здоровья, занял свой трон, Вертостатл обратился к нему с вопросом:

–Ну, Слав, как прошёл твой отпуск? Семья довольна? Ты сам отдохнул? Может, как это часто бывает, ты хочешь предложить нам какие-нибудь изменения? Или что-то изобрёл? Мы с радостью тебя выслушаем.

Слав с улыбкой ответил:

–Благо дарю тебе, Вертостатл, за твою заботу. И вам всем – тоже. – Он обвёл взглядом обрамлённые сединой старческие лица. – Отпуск прошёл очень даже хорошо. Мы побывали в Соте, в стойбищах северных кочевников, в кочевьях орков, в городах бывшего Виструма. Семья, кажется, довольна. Сам я и не уставал, чтобы отдыхать. Ну, на счёт изменений, – я на местах кое-что усовершенствовал. Так, по мелочи. Если хотите, потом расскажу обо всём подробно. Изобретения

я, конечно же, могу предложить. Но у нас пока нет подходящих технологий, чтобы начать их массовую разработку. А на единичные экземпляры, думаю, не стоит тратить наши драгоценные ресурсы. Но, если вам интересно, то позже могу и про это рассказать. А пока мне хотелось бы узнать, что произошло в мире за то время, пока я отсутствовал. Не расскажете?

Вертостатл, выслушав этот подробный ответ, удовлетворённо кивнул:

–Хорошо, мы потом выпытаем из тебя всё, что ты сочтёшь важным. Ну, а в мире ничего такого важного не случилось. Ну, вот только Тогет решил оказать военную помощь Тенории. На неё какой-то неведомый враг напал.

Слав тут же ухватился за эти слова гнома. Да и что ему ещё оставалось? Ведь на всё время путешествия он оказался отстранён от решения важных для народа проблем. И, как выяснилось за время его отсутствия в Совете Тобу, это стало настолько важной частью его жизни, что Слав очень быстро начал скучать. Нет, он, конечно же, благодарен Совету за то, что никто не ставил его в известность о тех проблемах, которые за это время свалились на Народ. Ведь такое отношение старейшин позволило Славу всё время без остатка посвятить семье. Но... Но, как выяснилось, как раз подобная работа и позволяет ему, Славу, думать о себе, как о ком-то нужном. Можно сказать, что работа в Совете Тобу, по сути – подобии Малого Совета Народа, наполнила жизнь Слава смыслом.

Весь превратившись в слух, Слав спросил:

–А что это за враг такой неведомый? Откуда он вообще взялся? Тенория, – это, кажется, на побережье моря?

Вертостатл медленно кивнул:

–Да, Тенория – это королевство на самом берегу моря. Там, западнее, кажется, есть ещё и какие-то острова. Но они уже давно были захвачены Тенорией и превращены в её колонии. И, насколько нам стало известно, население этих островов даже и не думало о том, чтобы выйти из-под власти этого королевства. Так что, как ты понимаешь, ни о какой революции там и речи быть не могло. Да и зачем она, если люди на островах даже и не думали о свержении королевской власти? Как нам известно, это именно короли Тенории избавили жителей островов от постоянных набегов морских разбойников. Чьи базы находились ещё дальше на запад, на каких-то и вовсе уж неизвестных нам, диких островах. В общем, всё говорит о том, что на западе появился какой-то агрессор. И самое плохое заключается в том, что мы пока и понятия не имеем, кто же это такой. – Вертостатл слегка поморщился. – Мы тут даже пришли к решению, что это может быть какая-то сила, про которую нам пока не было слышно.

Слава несколько удивило последнее заявление главы Совета Старейшин Тобу. Что ни говори, но именно гномы являются самой древней расой этого мира. Или хотя бы расой, чьи познания прошлого уходят глубже, чем у кого бы то ни было.

Как-то Слав поинтересовался, сколько лет самым древним письменным источникам жителей Тобу. Хранители архивов, потратив на исследования несколько месяцев, доложили, что самой древней книге, хранящейся в Тобу, восемьсот лет. Если честно, Слава это расстроило. Он-то полагал, что у гномов есть и более древние письменные источники. Слав так об этом и сказал.

Гномы тогда даже рассмеялись. А один из хранителей, не прекращая смеяться, сказал, что это только возраст книг. А вот записи в этих книгах затрагивают времена куда более древние, чем это можно представить.

На вопрос Слава о том, насколько же глубоко уходит письменная история гномов, архивариусы ответили, что им снова придётся провести исследования. Потому что даже они, уже несколько столетий занимающиеся хранением и изучением древних книг, не могут дать точного ответа.

После того, как гномы провели новые изыскания, продолжавшиеся почти год, они сообщили Славу, что самое древнее событие, которое им удалось отыскать в архивах, относится к ста двадцати тысячам четырёмсотому году от того времени, когда низкорослый народ переселился в Тобу. Правда, сами же хранители сказали о том, что даже они не совсем верят в то, что записано об этом времени. Поскольку... ну, просто не верят, и всё тут!

Слав не стал напоминать гномам о том, что и о великанах они когда-то думали, как о неких мифических существах. До

тех самых пор, пока однажды Народу не пришлось с этими самыми великанами столкнуться лицом к лицу. Слав просто отметил для себя, что гномы всё же обладают самой древней письменной историей этого мира. И уж кто-кто, но он-то точно не собирался пренебрегать настолько сильным козырем, как знание прошлого этого мира.

Вот поэтому-то Слава и удивило заявление Вертостатла о том, что люди этого мира, возможно, столкнулись с чем-то, о чём даже гномы не имеют никакого понятия. А уж слова старейшины о том, что это может быть какая-то новая сила (или новая угроза) и вовсе слегка выбило Слава из колеи.

Однако Слав смог ничем не выдать своей растерянности. Наоборот, он всем видом постарался дать понять старейшинам Тобу, что последнее заявление Вертостатла его даже позабавило.

Криво усмехнувшись, Слав спросил:

–И почему же это вы так решили?

Но Вертостатл, кажется, не собирался относиться к этому разговору настолько же легкомысленно, как человек. Гном посмотрел на Слава так, словно разочаровался в самом любимом из своих учеников:

–А ты подумай сам, Слав. Ведь Тенория обладала самым мощным флотом этого мира. Ну, во всяком случае, нам не известно ни об одном другом королевстве, у которого было бы более тысячи только военных кораблей. При этом, как нам сообщали наши посланники, множество кораблей флот

Тенории успел переоборудовать для использования на них катапульта и прочего метательного оружия. Даже странно, насколько же быстро могут люди придумать что-то, что годится только для убийства. Стоило только исчезнуть влиянию эльфов, как люди словно с цепи сорвались. Нам только и сообщают о том, что где-то кто-то что-то изобрёл. Это ещё хорошо, что ты, Слав, никому, кроме нас, не рассказываешь о том, что напридумывали в породившем тебя мире. Иначе в нашем мире началась бы бешеная гонка вооружений.

Слав не стал спорить. Он и сам, присутствуя при докладах послов и чтении различных данных, поступающих от купцов, путешественников и просто шпионов, не переставал удивляться, как же быстро люди навёрстывают своё отставание в технологическом плане. И единственным, чем он мог объяснить столь долгий застой в промышленности и науке этого мира, так это как раз тем, про что сказал Вертостатл. То есть – влиянием эльфов, которые на протяжении многих веков держали полёт человеческой мысли в жёстких рамках.

Но Слав так и не понял, к чему же Вертостатл начал говорить на эту тему. Ведь разговор-то шёл о Тенории. И о её флоте.

–Я что-то не въехал, Вертостатл, к чему ты ведёшь-то. При чём тут все эти изобретения?

И снова глава Совета Старейшин посмотрел на Слава так, как будто этот человек его разочаровал.

Укоризненно покачав головой, гном спросил:

—А ты как думаешь? Кто смог разбить флот, которому во всём нашем мире не было равных?

Слав слегка пожал плечами:

—Ну, наверное, тот, у кого флот оказался ещё сильнее. Разве нет?

—

Вертоstatл невесело усмехнулся:

—Если бы такая сила была, то мы про неё знали бы.

Слав тут же напомнил о том, что и о великанах гномы, даже зная о них, «вспомнили» только после того, как он сам обратился в архив. На что Вертоstatл, хмуро кивнув, сказал:

—Да, ты прав. Но великаны – дело давнее. Мы же сейчас говорим о нашем времени. А уж за тем, кто какие армии имеет, мы следим очень внимательно. Или у тебя есть сомнения на тот счёт, насколько хорошо мы осведомлены?

Слав, конечно же, несколько не сомневался в том, что разведанные, собираемые их агентами по всему миру, достаточно правдивы. Ведь он и сам постоянно выслушивал отчёты и читал доклады шпионов, которые стекались в Тобу со всего света. По крайней мере, с той его части, которая хотя бы мало-мальски освоена.

Как Славу не хотелось признавать правоту Вертоstatла, ему всё же пришлось это сделать:

—Получается, что твоя версия верна. Значит, в нашем мире до сих пор была какая-то сила, о существовании которой мы и понятия не имели. Интересно, кто же это?

Вергостатл с грустной усмешкой кивнул:

– Именно – кто это? Пока тебя не было, Слав, мы решили отправить на запад нескольких грифонов. На разведку. Они должны вплотную приблизиться к портам Тенории на побережье западного моря. Думаю, что скоро они уже вернутся. – Глава Совета перевёл взгляд на Бартовогла. – Как думаешь, Бартовогл?

Старейшина, выдвинувшийся из среды наездников грифонов, неопределённо пожал плечами:

– Не уверен, но думаю, что ждать их осталось совсем немного. Я не знаю, каковы условия полёта вблизи моря. Но, думаю, они не слишком отличаются от наших. Так что, думаю, через два-три дня наши разведчики должны вернуться.

Вергостатл, поджав губы, несколько раз кивнул:

– Да, я тоже так думаю. – Он снова посмотрел в глаза Слава. – Так что, как видишь, ждать нам осталось совсем чуть-чуть. Очень скоро мы сможем понять, с кем же на этот раз нам придётся столкнуться.

Многозначительно посмотрев на заснеженные пики, за которыми полчаса назад скрылось раскалённое солнце, Слав сказал:

– Ну, раз нам пока ещё ничего толком не известно, а сколько придётся ждать, мы и сами не знаем, то и волноваться раньше времени не будем. Завтра я наведаюсь в архив и попрошу хранителей поискать какие-нибудь сведения о жителях морей древности. Может, им и удастся что-нибудь отыс-

кать.

Вертостатл с улыбкой покачал головой:

— Не стоит, Слав. Мы уже обо всём позаботились. Хранителям мы сообщили всё, о чём нам стало известно. Они уже двадцать дней просматривают самые древние наши книги. Если им удастся что-нибудь найти, они нам тут же об этом сообщат.

Слав, довольно улыбнувшись, слегка прихлопнул ладонями по подлокотникам трона и, встав, заявил:

— Ну, тогда я спать пошёл. Да и вам тоже, думаю, выспаться не помешает. А то, может, уже завтра вернутся наши разведчики. Или хранители найдут что-нибудь в архиве. И тогда всем нам понадобятся свежие головы.

Спорить с ним никто не стал. Наоборот, гномы встретили предложение Слава одобрительными улыбками. А прислуга, получив приказание Вертостатла, тут же начала торопливо, но крайне аккуратно вывозить троны с сидящими на них старейшинами, с площадки совета. Хотя большая часть старых гномов всё же предпочла передвигаться самостоятельно.

На следующий день, как Слав ни надеялся, разведчики не вернулись. И из архивов тоже никаких сведений не поступило. Оставалось только ждать дальше.

Слава поначалу удивило казавшееся безразличие старейшин. Он даже подумал, что гномам вообще не интересно, какая именно угроза на этот раз нависла над этим миром.

Правда, ближе к вечеру даже старейшины нет-нет, но на-

чинали проявлять признаки беспокойства. А Бартовогл один раз даже сорвался. Старейшина накричал на собственного внучатого племянника, пришедшего для того, чтобы доложить о ходе подготовки перелёта подчинённого ему стада грифонов на летние «квартиры».

Из этого небольшого происшествия Слав сделал вывод, что всё показное безразличие старейшин, – не более чем бравада. Что на самом-то деле все они уже находятся на грани. Что, если в ближайшие день-два разведчики не вернуться, дело может принять самый плохой оборот. Ведь чрезмерное нервное напряжение может быть слишком опасным при преклонном возрасте старейшин.

К счастью, на следующий день разведчики всё же вернулись. Точнее, Совету Старейшин доложили, что грифоны благополучно приземлились в Тобу. Правда, от западного склона, где это произошло, им ещё предстоит совершить долгий перелёт в Гнездо. Но это уже не имело большого значения. Поскольку грифоны и их всадники уже находятся в безопасности.

Этим вечером старейшины отправились спать в приподнятом настроении. Даже не смотря на то, что данные, добытые разведчиками, остались пока никому не известны. И всё могло обстоять далеко не так радужно, как того хотелось бы гномам.

Но подобное поведение нисколько не озадачило Слава. Скорее, как раз такое поведение гномам и свойственно. Ведь

не важно, что именно узнали разведчики. Как-либо повлиять на это не в силах старейшин. А вот то обстоятельство, что все грифоны благополучно вернулись в Тобу, очень трудно переоценить с точки зрения спокойствия гномов. Ведь самый страшный сон подгорных жителей – это возможность того, что хоть один из грифонов окажется в чужих руках. Они даже придумали специальную команду, к выполнению которой приучали всех без исключения грифонов в обязательном порядке. И, погибая, любой всадник грифонов мог, отдав эту команду, заставить животное вернуться в Тобу. Даже если при этом тому пришлось бы бросить гнома умирать.

Поэтому-то поведение старейшин несколько не удивило Слава. Да он и сам заметно успокоился, узнав, что грифонам больше ничего не грозит. Тем более что он и сам знает ту самую команду, состоящую из одного единственного короткого слова.

Ложась в постель, в которой уже тихо спала Ласа, Слав поймал себя на том, что и он сегодня вернулся домой в приподнятом настроении.

Дисциплина у гномов такова, что ей позавидовал бы любой полководец. Во всяком случае, в мире Слава ни о чём подобном и мечтать не могут.

И именно таким уровнем дисциплины можно объяснить то, что разведчики прибыли в Гнездо сразу же после полудня. Видимо, они отправились в путь ещё до того, как солнце успело подняться над горами. Иначе никак нельзя объяс-

нить столь раннее их появление.

Но, если это кого-то и удивило, то только Слава. Гномы же восприняли эту новость настолько спокойно, что подобное поведение даже слегка удивило человека. А ведь он уже прожил в Тобу несколько лет!

Тем более такое поведение удивило Слава потому, что они только вчера находились на грани нервного срыва. Ну, в пределах поведения гномов, конечно же.

С разрешения Вертостатла под купол, на котором оседали крохотные капли тумана, после чего, скопившись, стекали вниз тонкими весёлыми струйками, вошёл наездник грифонов.

Должно быть, этот гном во время проделанного всадниками грифонов разведывательного рейда находился во главе отряда. Правда, Слав думал, что отряд возглавил кто-то из предводителей дрессировщиков грифонов. Поэтому и ожидал увидеть знакомое лицо. Ведь здесь, на этой самой площадке не единожды перебывали все без исключения начальники каждого отряда наездников.

Но гном оказался совершенно незнаком Славу. Может, он его и видел раньше. Но то, что этот гном не является старшиной среди наездников грифонов, Слав мог бы поклясться.

Правда, в каждом движении гнома легко угадывается некоторая заносчивость. Впрочем, в той или иной степени это присуще всем наездникам. При всём этом даже заносчивость не мешает им соблюдать дисциплину точно так же, как

и все остальные гномы.

Окинув лица старейшин, гном задержал взгляд на Славе. Склонил голову с должным (но не излишним) уважением:

–Желаю всем старейшинам Тобу многовекового здоровья. Мой отряд выполнил полученный приказ. Мы облетели несколько прибрежных городов Тенории. Мы смогли снизиться настолько, чтобы нас не смогли поразить с земли. Правда, нас всё же попытались сбить. Но мы смогли уклониться от стрел. Никто не получил ни одного ранения. Все грифоны живы-здоровы. Среди наездников тоже потерь нет.

Вертостатл, выслушав предварительный доклад наездника с таким видом, словно ему рассказали о банальном сборе урожая, хмуρο кивнул:

–Хорошо. Теперь нам хотелось бы узнать детали. Расскажи всё. И не забудь даже о самых мельчайших деталях. Нам необходимо узнать всё, что вы увидели. – Он взмахом руки подозвал одного из слуг. – Поддай ему кресло!

Как только наездник уселся в кресло и пригубил поданный ему прислугой сок гебогла, он начал рассказ.

—

Для разведывательного рейда гномы выбрали самых сильных, быстрых и выносливых грифонов. Да иначе и быть не могло. Главой отряда назначили Сторгагла. Этот гном пользовался среди наездников грифонов доброй славой. Да и самый выносливый грифон Тобу слушался только его.

Остальные гномы, выбранные для этого ответственного

задания, с готовностью (что присуще подгорному народу) подчинились Сторгаглу. После того, как сводный отряд собрался на самой западной точке Тобу, разведчики без промедления отправились в путь.

Перелёт через Товет занял один день. После чего отряд Сторгагла без особого труда отыскал армию, которую король Кеварг отправил в Тенорию. На это ушло всего лишь несколько часов. По сути, гномам пришлось лишь лететь вдоль дорог, внимательно высматривая на них большие скопления людей.

После того, как армия Тогета отыскалась, гномы приземлились, решив дать грифонам отдых. Не то, чтобы животные слишком устали. Просто перед тем, как выполнить основную часть задания, отдых грифонам был просто необходим. Гномы не собирались рисковать даже в мелочах. А ведь даже малейшие признаки усталости грифонов могли бы стоить кому-нибудь жизни.

Гномов на земле встретили не только воины Кеварга. Выяснилось, что армию сопровождало ещё и довольно-таки большое число орков. Что, вообще-то, довольно легко объяснить. Ведь значительная часть орков вернулась в леса Тогета. А некоторые так и вовсе никогда не покидали пределов этого королевства. Просто за последние несколько лет, убедившись, что им больше не грозит опасность со стороны людей, орки стали принимать более активное участие в жизни Тогета. А Кеварг сделал всё возможное, чтобы лесные ко-

чевники как можно скорее стали неотъемлемой частью его подданных.

После посадки Сторгагл тут же отправился на встречу с предводителем этой сводной армии. Генерал в блистающих «походных» одеждах принял гнома так, словно встретил одного из самых любимых своих родственников.

Предложив присесть и угостив гнома вином и едой, генерал спросил:

–Вас прислали к нам в помощь? Если так, то наша признательность к народу Тобу не будет знать пределов. Мы запомним это на всю свою жизнь.

Сторгагл хмуро покачал головой:

–Вообще-то – нет, у нас нет такого задания. Мы только должны совершить разведывательные полёты к портовым городам Тенории. После чего нам придётся сразу же вернуться. Старейшины не хотят подвергать грифонов напрасному риску. А каждый день, проведённый нами за пределами Тобу – это как раз и есть этот самый риск.

Генерал не стал скрывать разочарования. Впрочем, этот человек не просто так (как это часто бывает в среде придворных) получил пост командира большой по меркам Тогета армии. Подумав всего лишь несколько секунд, генерал спросил:

–Но не будет ли для вас и ваших грифонов наиболее безопасно, если вы останетесь на какое-то время в составе нашей армии? Ведь это позволит вам не беспокоиться о вы-

ставке постов. Мы, люди и орки, возьмём вашу охрану на себя. А вы сможете спокойно выспаться. Разве не так?

Сторгагл задумался. Что ни говори, но в словах этого человека есть определённый смысл. Приказ старейшин, конечно же, нарушать никто не собирается. Но ведь и обеспечение безопасности грифонов – дело хлопотное и крайне ответственное. И, если эту часть работы можно передать людям и оркам, то не стоит от этого отказываться.

Усмехнувшись, гном посмотрел на генерала с некоторым уважением:

–Думаю, что это можно устроить. Я так понимаю, что ты хочешь доверить нам наблюдение с воздуха?

Генерал понял, что его уговоры подействовали. Улыбаясь, он кивнул:

–Да. Именно на это я и надеялся. Так ты согласен?

Сторгагл также усмехнулся:

–Согласен. Только мне придётся отправить одного грифона назад в Тобу. Я обязан сообщить старейшинам, что наши планы слегка изменились. Думаю, что они дадут на эти изменения своё согласие.

Генерал даже прихлопнул ладонью по столу от охватившей его радости:

–Ну, вот и хорошо! Может, вам что-то нужно? Если так, то ты говори. Сделаем всё, что только в наших силах.

Гном пожал плечами:

–Нам нужна только охрана и еда. Нам и нашим грифонам.

Главное, чтобы нас никто не беспокоил. Звери должны выспаться.

Генерал кивнул:

–Сделаем! Никто к вам и близко не подойдёт! Может, ещё что-нибудь?

Гном кивнул:

–Вообще-то – да, есть ещё кое-что. Как только мы совершим разведывательные полёты над городами Тенории, нам придётся вернуться в Тобу. Этот приказ никто из нас нарушить не посмеет. Надеюсь, ты это понимаешь?

Генерал несколько раз кивнул:

–Да-да, понимаю. Нам хорошо известно, что вы, гномы, славитесь своей исполнительностью и верностью своему народу, своим старейшинам. Теперь – всё?

Сторгагл снова пожал плечами:

–На этом кажется, всё. Если что-нибудь вспомню, я тебе скажу.

Генерал едва заметно улыбнулся:

–Хорошо.

Выйдя из походного шатра полководца Тогета, Сторгагл поспешил к своим подчинённым. Которые в окружении любопытствующих людей и орков уже успели расседлать всех восьмерых грифонов.

—

Утром, когда армия Тогета уже двигалась дальше на запад, грифоны с трудом поднялись в воздух. Поймав восхо-

дящие потоки, животные радостно заклекотали. Те грифоны, которые пока не нашли надёжной опоры, начали сильнее бить воздух крыльями, загоняя его под себя. Чтобы, по примеру своих собратьев подняться на достаточную высоту.

Как только все восемь животных нашли опору на восходящих потоках воздуха, их крылья тут же распрямились, а жёсткие перья, расправившись, начали издавать тихий шорох, иногда переходящий в лёгкий свист. Повинуясь команде Сторгагла, наездники приказали грифонам разделиться.

Разбившись на пары, грифоны продолжили полёт. При этом сидящие на их спинах гномы старались рассмотреть всё, что происходило внизу. Чтобы, при обнаружении какой-либо опасности, тут же предупредить двигавшуюся по дорогам Тенории армию Тогета.

В первый день ничего примечательного не произошло. Так же, как и во второй. Так же, как и в третий. Собственно, только на седьмой день совместного движения на запад разведчики обнаружили врага, напавшего на Тенорию. Правда, произошло это только потому, что гномы добрались наконец-то до портовых городов. Но – по порядку...

Утром, перед тем, как поднять грифонов в воздух, Сторгагл наведаясь к командующему армией Тогета. Зайдя в шатёр и поздоровавшись, гном заявил:

–Думаю, что завтра нам придётся вас покинуть. Дальше мы не сможем сопровождать твою армию.

Генерал, не скрывая разочарования, спросил:

—А что случилось? Вам чего-то не хватает? Так ты только скажи, — я тут же прикажу доставить сюда всё, что вам нужно.

Сторгагл, покачав головой, виновато улыбнулся в густую рыжую бороду:

—Нет, нам с вами очень даже понравилось. Просто сегодня, думаю, нам удастся добраться до бывших портов Тенории. А, раз наше задание будет выполнено, то нам придётся вернуться в Тобу.

Генерал, на несколько секунд задумавшись, решительно кивнул:

—Ну, что ж поделаешь! Жаль, конечно. Мне бы хотелось иметь при своей армии таких разведчиков, как вы. А уж если бы у меня был грифон для того, чтобы самому наблюдать за продвижением моей армии и ходом битвы, то я и вовсе был бы счастлив. — Он горестно усмехнулся. — Но я понимаю, что это невыполнимо. Вы же никогда не доверите грифонов нам, людям. И, думаю, мы это заслужили. Ну, если вам всё же удастся найти нашего противника, рассмотрите его повнимательней. Нам понадобятся любые данные о нём. Ведь нам про него до сих пор почти ничего не известно.

Гном подумал, что этому человеку, наверное, невероятно тяжело. Груз моральной ответственности, свалившейся на его плечи, трудно даже представить. Ведь он не просто ведёт армию в бой, ему предстоит столкнуться с силой, о которой пока что мало что известно. Это всё равно, что зайти в тём-

ную пещеру без свечки или факела. И тьма в этой пещере настолько густая, что даже приспособленные для жизни под землёй глаза гномов не способны пробиться сквозь её густую завесу. Но мало того, что в этой пещере настолько темно, что даже подгорные жители не способны в ней ничего увидеть. При всём этом тебе ещё и сказали, что пол этой пещеры где-то там, в глубине непроглядной тьмы, кончается бездонной пропастью. Но через неё где-то перекинут мостик. И, если тебе повезёт, то ты на него натолкнёшься.

И вот ты, вооружённый такими безрадостными сведениями, идёшь сквозь непроглядную тьму пещеры, ощупывая перед собой её пол вытянутой ногой. Ты знаешь, что вот-вот должен сорваться вниз, но, тем не менее, продолжаешь идти дальше, надеясь, что тебе всё же повезёт, и мост сам попадёт тебе под ноги.

Вот примерно в таком положении, в представлении Сторгагла, и оказался этот человек. Он точно так же вынужден двигаться навстречу неведомому, надеясь, что враг окажется не настолько силён, чтобы уничтожить его армию.

Сторгагл попытался утешить генерала:

–Ты, главное, не губи своих воинов, если дело будет совсем уж плохо. Отступи назад. Ведь за твоей спиной осталось ещё много места. Главное – сохрани воинов. И заведи с собой всех гражданских. А я постараюсь сделать всё возможное, чтобы Народ вам помог. Сообща мы справимся с любым врагом. А если понадобится, к нам на помощь придут

ещё и великаны. Да и грифонов, думаю, отправят в Тенорию. Так что, генерал, ты не переживай раньше времени. Может, всё и обойдётся.

Генерал, невесело усмехнувшись, покивал:

—Да, из твоих уст всё звучит вполне разумно и верно. Вот только... Вряд ли моего короля устроит, если мы вернёмся домой, потерпев поражение. Тем более, если при этом мои воины будут живы-здоровы.

Гном криво усмехнулся:

—Не думаю, что твой король настолько глуп. Уверен, что его обрадует, если ты сохранишь жизни его же воинов.

Генерал не стал спорить. Он посмотрел на гнома так, словно впервые увидел. Во всяком случае, Сторгагл подумал, что этот человек как бы заново его оценивает. Наверное, именно так и происходило. Поскольку, внимательно посмотрев гному в глаза, генерал вдруг спросил:

—А тебе сколько лет, Сторгагл?

На что гном, весело усмехнувшись, сказал:

—Больше пяти веков. А что?

Усмехнувшись с какой-то даже злостью, генерал с хмурым выражением лица покачал головой:

—Наверное, было бы лучше, если бы командование армией доверили тебе, а не мне. У тебя опыта побольше моего.

На это гном даже рассмеялся:

—Ха-ха! Не говори чепухи! Весь мой опыт заканчивается на том, как правильно выращивать и дрессировать грифо-

нов. Как их лечить, как принимать роды, если они проходят неверно. Как правильно выбрать самца для самки, чтобы порода не стала хуже. А вот в управлении войсками я ровным счётом ничего не понимаю. Да и командовать армией людей должен человек. Вряд ли люди обрадовались бы, если бы их повёл в бой гном!

Усмехнувшись с таким видом, словно что-то в словах гнома не давало ему покоя, генерал заметил:

—Но ведь в вашей армии люди командуют гномами и орками, тролли командуют людьми, а оркам охотно подчиняются люди. Разве не так?

Гном кивнул:

—Да, это так. Но ведь это наша армия. Мы уже прошли вместе не через одну битву. Выиграли несколько войн. У вас же такого пока что не было. Вот если бы гномы и люди твоего королевства вместе били бы общего врага, тогда всё было бы иначе. Ну, а пока ими должен командовать человек. Нам люди вряд ли доверились бы.

Генерал кивнул:

—Наверное, ты прав, Сторгагл. Ну, спорить-то на эту тему всё равно бессмысленно. Вы сейчас вылетите?

Гном кивнул:

—Да. Уже скоро. Но вечером мы ещё раз встретимся.

Генерал протянул руку:

—Желаю вам всем успеха. Надеюсь, что наш общий враг пока ещё не овладел воздушной стихией.

Сторгагл пожал протянутую руку и усмехнулся:

—Ну, мы тоже на это надеемся.

После чего, выпустив руку генерала, Сторгагл вышел из шатра и направился к ожидающим его грифонам.

—

Как только широкие, жёсткие перья грифонов нашли достаточно надёжную опору в воздухе, гномы привычно приказали животным разбиться на пары. Сторгагл пронаблюдал, как слегка напряглись скрытые под плотным слоем небольших перьев мышцы животного. Плоскости крыльев слегка изменили положение, что отразилось на движении грифона. Не сбавляя скорости, он словно бы заскользил вправо. Находящийся с ним в паре грифон в точности повторил манёвр собрата.

Сторгагл оглянулся и посмотрел на сидящего за его спиной гнома. Тот угрюмо взглянул ему в глаза, как бы спрашивая, чего он от него хочет. Движением глаз Сторгагл указал на один из чехлов, притороченный сбоку к седлу. Машинально повторив движение глаз пилота, второй наездник посмотрел на уложенный в чехол лук и стрелы. После чего, ещё плотней сдвинув густые чёрные брови, показал Сторгаглу сжатый кулак, обтянутый вязаной из овечьей шерсти перчаткой. Усмехнувшись, Сторгагл отвернулся, приняв привычное положение.

Да, по сути, он только что издевался над своим «бортовым» стрелком. Сторгагл иногда (очень редко) любил наме-

нуть стрелку на то, что у того не всё в порядке с вооружением. Конечно же, кроме как издевательством это назвать нельзя. Потому что у каждого стрелка оружие всегда находится не просто в исправном, но в идеальном состоянии. Довольно усмехнувшись, Сторгагл вернулся к наблюдению за полётом.

Несколько часов грифон, повинаясь указаниям Сторгагла, держал путь строго на запад. Второй грифон, летящий в паре, держался справа и чуть позади. Привычный, в общем-то, порядок.

Сторгагл даже вздремнул, предварительно дав понять животному, что нужно придерживаться взятого курса. Для этого гном несколько раз хлопнул ладонью по сшитому из толстой кожи седлу. Точнее – по правой передней его части. Да ещё Сторгагл знаками предупредил стрелка о своём намерении отдохнуть. И, как только гном кивком дал понять, что берёт на себя ответственность за дальнейший полёт, пилот почти мгновенно заснул. Тем более что спать в седле грифона очень даже удобно. Ведь оно (седло) и создавалось так, чтобы гномы могли совершать в них дальние перелёты.

Солнце успело подняться на такую высоту, что стало ощутимо пригревать спину гномам. Правда, Сторгагл недолго наслаждался этими приятными ощущениями. Точнее, он недолго наслаждался ими во сне.

Проснувшись, пилот по высоте солнца определил, что он проспал около трёх часов. Конечно, его сон не был беспрерывным. Но даже и такой отдых можно считать вполне сно-

ным. Да и всадники грифонов с самого начала своей профессиональной деятельности приучаются к тому, что им придётся подолгу находиться в седле. А значит, гномы всеми способами пытаются выработать в себе привычку спать и есть, находясь высоко над поверхностью земли.

Неторопливо перекусив хлебом с копчёным мясом и запив это прохладной водой, Сторгагл знаками объяснил своему стрелку, что теперь пришла его очередь выспаться. Тот угрюмо кивнул и с готовностью откинулся на высокую луку седла. Не прошло и минуты, как раздался его раскатистый храп. Причём, храп оказался настолько громким, что даже свистящий в ушах Сторгагла ветер не смог его заглушить. Впрочем, Сторгагл уже давно привык к тому, что его стрелок «спит очень громко».

Ещё несколько часов полёта прошли совершенно спокойно. Далеко внизу привычно проплывали назад реки, леса, поля, дороги и редкие города. Сторгагл даже, кажется, видел, как по этим узким жёлтым полоскам дорог двигались на восток густые толпы беженцев. Правда, в этом гном не стал бы клясться. Поскольку высота оказалась слишком большой, чтобы быть суверенным в том, что там, внизу, идут именно беженцы. Возможно, что там вообще никто никуда не шёл.

Конечно, Сторгагл мог бы спуститься и проверить, что же именно он там увидел. Но гном решил не расходовать напрасно и без того ограниченные запасы сил грифона. Хоть для этой экспедиции гномы и отобрали самых выносливых и

сильных животных, не стоило напрасно их мучить. Тем более только для того, чтобы удовлетворить собственное любопытство. Ведь оставалась вероятность, что во время путешествия могут возникнуть какие-либо непредвиденные ситуации, которые потребуют от грифонов большего, чем предполагалось.

Оставив позади большое число городов (крупных и не очень), пара грифонов удалялась всё дальше и дальше на запад. До тех пор, пока Сторгагл не рассмотрел впереди тёмно-синюю полосу моря.

Сторгагл громко свистнул, привлекая к себе внимание всех своих подчинённых: грифона под седлом, пилота соседнего животного и собственного стрелка. Как только гном убедился, что все они обратили на него внимание, он указал рукой вперёд. Пилот соседнего грифона, посмотрев в том направлении, обернулся лицом к Сторгаглу и кивнул. Стрелок же, когда Сторгагл посмотрел назад, уже заканчивал с хмурым видом натягивать тетиву на луке.

Убедившись, что всё идёт как надо, Сторгагл снова устремил взгляд вперёд. Туда, где навстречу им медленно приближалась пока ещё едва видимая полоска моря.

—

Как только Сторгагл убедился, что прямо по курсу и в самом деле появилась полоса моря, он тут же принялся искать наземные ориентиры, которые позволили бы его отряду обнаружить какой-либо из портовых городов. Ведь курсиро-

вать над побережьем в поисках городов гномы могли бы и несколько часов. При этом могло статься и так, что они выбрали бы неверное направление поисков, в то время как порт запросто мог бы находиться всего лишь в нескольких текках. Только – в противоположной стороне.

К счастью, довольно-таки скоро Сторгагл увидел самый верный ориентир, указывающий на то, что где-то вблизи находится город. Естественно, гном обнаружил дорогу. Теперь оставалось только убедиться, что город, к которому эта дорога ведёт, расположен на побережье. Ну, или вблизи от берега.

С удовольствием, которое невозможно объяснить тому, кто сам не дрессировал и не управлял грифонами, летящими высоко в поднебесье, Сторгагл пронаблюдал, как повинувшись его команде, животное, слегка изменив положение крыльев, начало быстро-быстро скользить вправо. При этом положение самого зверя и сидящих на нём гномов почти не изменилось. Лишь появился едва заметный крен вправо. Но – настолько ничтожный, что он скорее угадывался интуитивно. А вот для глаза этот крен остался незаметен.

Ведомый, конечно же, последовал за ним. Сторгагл даже не стал оборачиваться, чтобы убедиться, что второй грифон остался на своей позиции.

Оказавшись над дорогой, Сторгагл снова приказал грифону сделать разворот. На этот раз – влево. И снова, – едва заметное изменение положения плоскостей крыльев, за ним,

и – вполне закономерно – плавный поворот, сопровождающийся быстрым скольжением. Так, словно грифон находится на очень скользком льду. Как только курс выровнялся таким образом, что дорога оказалась почти под поджатыми лапами животного, Сторгагл приказал грифону держаться этого направления.

Выбранное положение в воздухе позволило гному следить за скользящей чуть слева дорогой. При этом Сторгагл видел всё, что происходило вокруг. Всё выглядело так, словно гномы заходят на цель, чтобы произвести бомбометание, а дорогу при этом используют, как естественный целеуказатель.

Спустя несколько минут полёта дорога, как и надеялся Сторгагл, вывела грифонов к небольшому городу, стоящему на побережье. Наверное, то, что бухта, в которой и вырос этот город, оказалась не очень удобной (проще говоря – маленькой), и не позволило городу разрастись. Ведь малое количество судов, которые могли бы укрыться в сравнительно небольшой бухте, не позволило развиваться торговле и промыслу рыбы.

Обо всём этом Сторгагл подумал мельком. Но главное, что волновало гнома, – так это сам город, точнее – то, что заставило жителей его покинуть. Но уж точно не его размеры.

Хотя Сторгагл, хмуро усмехнувшись, подумал, что это было бы ещё хорошо, если бы жители сами покинули этот город. Но могло быть и так, что люди просто не успели убежать из города. И что пока ещё неведомый ему враг мог убить всех

жителей города прямо в их домах, на этих вот самых мощёных камнем улицах, что проплывали там, далеко внизу.

Сделав первый круг на достаточно большой высоте, Сторгагл, конечно же, не смог рассмотреть никаких деталей. Всё, что увидели гномы, так это просто панораму пустого города. Поэтому Сторгагл, сделав несколько знаков руками, дал понять всаднику второго грифона, что он собирается снизить-ся и сделать ещё один круг.

Гном дал понять, что разобрался в командах руководителя группы. Тогда Сторгагл, с силой ударив по седлу в определённом порядке, заставил грифона резко завалиться в сторону.

Губы Сторгагла помимо его воли растянулись в довольной улыбке. Наверное, невозможно объяснить ту причину, которая заставила гнома самодовольно улыбаться. Да и как это можно сделать, если...

Скорее всего, никто, кроме гномов, которые вырастили, воспитали, а позже летали на грифонах, не в состоянии оценить той радости, которую испытывает наездник, когда его питомец послушно валится на одно крыло. Когда встречный ветер, выдавливая горячую, мгновенно остывающую слезу, изо всех сил пытается вырвать тебя из седла. Когда ты видишь, как стремительно приближается земля. Пожалуй, никакими словами невозможно объяснить то ликование, которое испытывает наездник грифона в подобные моменты.

Когда до земли оставалось около двухсот метров, Сторгагл снова с силой постучал по седлу, одновременно потянув на себя поводья. Грифон тут же послушно расправил крылья. При этом его перья широко раздвинулись, ловя наибольшее количество ударяющих в лицо встречных потоков воздуха. Непреодолимая сила в то же мгновение вдавила Сторгагла в седло. Сидящий за его спиной стрелок при этом что-то недовольно пробурчал. Услышав это, Сторгагл снова самодовольно усмехнулся.

Выравнивание полёта закончилось примерно на высоте в сто пятьдесят метров. Как только положение в воздухе стало стабильным, грифон издал тихий клёкот. Сторгагл, наклонившись вперёд, тихонько похлопал по седлу и сказал:

– Хорошо, Побуд. Теперь давай-ка ещё кружочек. Только будь готов, хорошо? Мало ли!

Кажется, грифон понял абсолютно всё, что ему сказал гном. Во всяком случае, он послушно пошёл на новый круг. При этом наезднику даже не пришлось прибегать к помощи новых команд.

С этой высоты гномы смогли увидеть кое-какие детали. Не то, чтобы разведчикам стало понятно то, каким именно образом опустел город. Но они поняли, что люди покинули его в крайней спешке.

Пролетая над пустым, словно притаившимся от страха городом, гномы увидели брошенную на мостовых мебель. Несколько сломанных повозок даже перегородили улицы. В

некоторых домах, когда это позволяло их положение в воздухе, разведчики увидели выломанные двери. Да и вообще, — город произвёл какое-то тягостное, гнетущее впечатление на гномов.

Оглянувшись, Сторгагл спросил:

— Может, пониже спустимся? Может, что-нибудь новое увидим? Ты как?

Стрелок угрюмо кивнул:

— Давай! Если что, я...

Он не договорил. Вместо этого стрелок приподнял руки, в которых держал лук с наложенной на тетиву стрелой с чёрным наконечником. Сторгагл усмехнулся и, повернувшись, приказал грифону спуститься ещё ниже.

Наверное, их крики долетели и до земли. Во всяком случае, именно так решил Сторгагл, когда после снижения, во время нового пролёта над городом, увидел, наконец-то, тех, кто заставил людей покинуть собственные дома. И то, что он рассмотрел, заставило гнома издать удивлённый крик.

—

Само собой, про удивлённый крик Сторгагл не сказал. Не хватало ещё, чтобы старейшины Тобу решили, что он, Сторгагл, тот, кому доверили настолько важную миссию, оказался слишком впечатлительным!

Однако Слав, от которого невозможно утаить любые, даже самые потаённые чувства, уловил, что разведчик что-то недоговаривает. Правда, человек не стал выпытывать то, про

что же именно гном умолчал. Он просто спросил:

–Ну, и кто же это был? Кого ты там увидел?

Явно испытывая смущение, Сторгагл сказал:

–Это были орки. Только...

Слав, который ожидал услышать что угодно, вплоть до того, что разведчики увидели на улицах брошенного города огненных демонов (или любых других мифических персонажей), но только не орков, спросил:

–Ты уверен? То есть, ты точно видел там орков?

Гном, всё ещё испытывая непонятное Славу смущение, кивнул. Правда, как-то не слишком уверенно:

–Да, это были орки.

Вертостатл, которого ответ Сторгагла, кажется, тоже не совсем удовлетворил, спросил:

–Но что-то тебе всё же показалось странным?

Слегка замявшись, Сторгагл всё же кивнул довольно-таки решительно:

–Да, показалось. – Он на несколько секунд замолчал, собираясь с мыслями. – Просто мне показалось, что эти орки не такие, как наши. То есть, они не совсем наши орки. То есть, они, наверное, не совсем даже и орки. Ну, не такие, как наши, по крайней мере. А может, даже и совсем не орки.

Окончательно запутавшись, Сторгагл замолчал. Старейшины же, выслушав разведчика очень внимательно, ни разу его не перебив, принялись молча переглядываться. Пока Вертостатл не озвучил вопрос, терзавший всех их:

–То есть как это – не совсем орки? И уже тем более мне не понятно, кто это может быть, если допустить, что они совсем не орки? Кто же это тогда? Объясни понятней, кого же ты там увидел-то?

Сторгагл, болезненно поморщившись, едва заметно пожал плечами. При этом Слав подумал, что разведчик, наверное, и вовсе предпочёл бы не говорить на эту тему. Но, будучи гномом, Сторгагл и помыслить не мог о том, чтобы не ответить на заданный старейшиной вопрос.

–Я не совсем уверен. Мне кажется, что существа, которых я видел, очень похожи на орков. А может быть, даже являются какими-нибудь их дальними родственниками.

Вергостатл, которого заинтересовал ответ разведчика, потребовал:

–Объясни. Нам нужны подробности. Даже такие, которые тебе могут казаться несущественными.

Сторгагл послушно кивнул:

–Да, я понимаю. – Он снова ненадолго задумался. Никто его не торопил. – Те, кого я видел, очень похожи на наших орков. У них тоже зелёная кожа. И такие же, как у орков, чёрные и коричневые полосы по всему телу. Но они всё же от наших орков отличаются. Не уверен, что не ошибаюсь, но полосы на телах тех, кого я видел, расположены симметрично. Не так, как у орков.

Слав, уже догадываясь, что разведчики столкнулись с каким-то новым видом разумных существ, спросил:

–Ты больше ничего не заметил? Может, ещё какие-нибудь детали?

Виновато поморщившись, Сторгагл растерянно двинул плечами:

–Мы были слишком высоко. А снижаться дальше я не стал. Потому что они начали в нас стрелять. И нам пришлось подняться выше.

Бартовогл с крайне угрюмым выражением лица недовольно заметил:

–На такой-то высоте они вряд ли смогли бы вас достать. Но даже если бы стрелы и долетели, то не смогли бы пробить кожу грифона. Чего же вы не сделали ещё пару кругов?

Сторгагл, склонив голову в наполненном уважением поклоне, объяснил:

–Мудрейший Бартовогл, нам пришлось отступить потому, что в нас стали стрелять не только из луков. Эти, г-м-м, орки, они выкатили из дворов стреломётные орудия. А эти стреломёты они, наверное, сняли с уничтоженных ими кораблей. Нам рассказали, что у Тенории на кораблях были такие. И не только такие орудия. А ещё были специальные корабли, которые были полностью вооружены различными метательными орудиями. Так что теперь, думаю, у этих, м-м-м, орков, полно дальнобойного оружия. И если нам придётся с ними воевать, то это будет нелёгким делом. Во всяком случае, я не стал бы подвергать грифонов напрасному риску.

Старейшины быстро обсудили то, что только что услыша-

ли. После чего Вертостатл, строго посмотрев на разведчика, требовательно спросил:

—Ещё что-нибудь?

Сторгагл кивнул:

—Да. Мой стрелок, кажется, убил одного из них.

—

Слав задержался на площадке совета только для того, чтобы услышать, как стрелок Сторгагла подтвердит, что он и в самом деле смог поразить стрелой одного из «орков». Правда, гном так и не смог утвердительно сказать, что он его убил. Вполне возможно, дело обошлось простым ранением. Правда в том, что его стрела попала точно в цель, гном несколько не сомневался.

Услышав это, Слав торопливо покинул площадку совета, заявив удивлённым старейшинам, что ему нужно как можно скорее навестить архивы Тобу.

Миновав живописный балкон, украшенный сказочно-красивой резьбой по камню с ожидающими там приглашения разведчиками, Слав направился в свою «квартиру».

Едва он вошёл, Ласа тут же встретила его удивлённым вопросом:

—Чего это ты так рано? Или случилось что?

Слав мельком взглянул на дочь, закрывающую учебник по русскому языку (с некоторых пор гномы заметили, что двоюко язычные дети Тобу проявляют невероятные успехи в учёбе), на ходу бросил, обращаясь к жене:

—Да ничего серьёзного пока. Но я могу сегодня задержаться в архиве. Так что к ужину меня не ждите.

Зайдя в свой рабочий кабинет, освещённый солнечным светом, отражённым от покрытых снегом пиков и сочащимся через широкое окно, Слав схватил со стола толстую книгу, которую давно собирался вернуть в архив. Быстрым шагом он вышел из кабинета и уже собирался выйти, когда услышал скрип натягиваемого лука.

Слав ничего не успел предпринять. Он даже не успел повернуться или просто пригнуться. Послышался хлёсткий удар тетивы по перчатке, и одновременно с этим с глухим стуком в косяке рядом с плечом Слава выросла стрела. Посмотрев на то, как древко, дрожа, постепенно замирает, Слав молча сглотнул. После чего, повернувшись, с укором посмотрел на сердито глядящую на него жену:

—Ласа, ну зачем же ты в косяк-то стреляешь? Ведь ты же резьбу испортила!

И в самом деле, стрела безжалостно испортила узор, расщепив доску так, что легче будет вырезать новое изображение грифона, чем пытаться восстановить это.

Ласа же, не сводя с лица мужа взгляда рассерженных глаз, уже демонстративно накладывала на тетиву новую стрелу. Но заговорила она едва ли не равнодушно:

—Ну, если бы я знала, что косяк тебе так дорог, то я бы в тебя стрельнула. В то место, на котором тебе никак не сидится спокойно.

Сваяра тихо засмеялась. Слав же, всё ещё пытаюсь понять, как Ласе так быстро удалось вооружиться, примиряюще выставил перед собой руки:

–Милая, успокойся! Я никуда не уйду! Мне и в самом деле придётся много времени провести в архиве. Но я обещаю, что никуда из Тобу не уйду. А если мне придётся это сделать, то я сначала обо всём расскажу тебе.

Ласа сделала вид, что размышляет над словами мужа. А вот Сваяра раздумывать не стала. Девочка просто заявила:

–И мне! Я тоже имею право знать!

Не сводя взора с лица мужа, Ласа медленно кивнула:

–Сваяра права. Она так же, как и я, имеет право знать, если нашей семье что-то грозит.

Слав с улыбкой посмотрел на дочь. После чего, кивнув, сказал:

–Естественно! Если что-то случится, о чём вам следует знать, я непременно всё расскажу. Но сейчас мне и в самом деле нужно спешить. – Он многозначительно посмотрел на лук и стрелу в руках Ласы. – Так что, я пойду?

Ласа милостиво кивнула:

–Иди. Но помни, чего нам со Сваярой стоило вернуть тебя домой!

Слав поспешил уйти. Не хотелось ему говорить. Но это не значит, что он не помнит, чего стоило Ласе и Сваяре его возвращение в этот мир. И, само собой, Слав ни за что не допустит повторения того, что однажды уже заставило его

надолго покинуть свою семью.

—

Хранители встретили Слава так, как будто только его и ждали. Во всяком случае, человека очень порадовало то, с какими улыбками (среди гномов – редкость) его приветствовали хранители знаний Тобу.

–Слав, ну, наконец-то! А то мы уже начали думать, что ты о нас забыл! Здравствуй, Слав!

В ответ на радостные приветствия седобородых и робкие улыбки относительно молодых гномов Слав, тоже улыбаясь, слегка поклонился:

–И вам всем здоровья, уважаемые! Я вот тут вам книгу принёс, которую брал. – Он демонстративно повертел древнюю рукопись перед глазами улыбающихся хранителей. – Куда мне её положить-то?

Старший хранитель, на ответственности которого находится все древние знания Тобу, приняв книгу из рук человека, протянул её за спину со словами:

–Эй, там, возьмите. Унесите её на стеллаж начала века освоения Тобу. Она, кажется, оттуда.

Последняя фраза прозвучала не совсем уверенно. Во всяком случае, Слав уловил в ней некие вопросительные нотки. Поэтому он, кивнув, с улыбкой сказал:

–Ты не ошибся, мудрейший. Она именно оттуда.

Хотя хранитель и постарался скрыть свои эмоции, Слав без особого труда понял, что тому доставило удовольствие,

что он без труда вспомнил, с какого стеллажа пару месяцев назад взяли эту книгу. Но вида гном, само собой, не подал.

Как только один из «молодых» гномов (хотя ни одного из подгорных жителей ни за что не взяли бы на должность хранителя, если тому не исполнилось двухсот лет) осторожно принял из руки старшего архивариуса принесённую Славом книгу, тот, снова улыбнувшись, спросил:

– Ты ведь пришёл не только ради того, чтобы отдать нам книгу? Ведь Совет пока ещё работает. Значит, у тебя есть к нам какие-то вопросы?

Слав, также улыбаясь, с неподдельным почтением склонил голову:

– Да, уважаемый, у меня есть вопросы. Точнее – один. И мне очень не хотелось бы отрывать вас от работы. Но этот вопрос необычайно важен. Для всех нас важен. Поэтому мне очень хотелось бы получить от вас все необходимые данные как можно быстрее.

Хранитель, от улыбки которого при словах человека мало что осталось, кивнул:

– Для этого мы и нужны. Спрашивай, Слав. Если нам известен ответ на твой вопрос, то ты его тут же получишь.

Слав улыбнулся:

– Это было бы просто здорово. – Он зачем-то посмотрел по сторонам. При этом его взгляд пробежал по рядам стеллажей, чьи полки настолько плотно забиты книгами, что от этого даже дух захватывает. При этом всё большое простран-

ство выглядит именно так, как это рисуют в различных фильмах, в которых хотят показать что-то подобное. То есть, помещение хранилища в самом прямом смысле слова забито книгами от пола до потолка. – Мне нужно узнать, была ли в древности в этом мире ещё какая-нибудь раса. Она очень похожа на орков. Но всё же имеет некоторые отличия. Вам что-нибудь такое попадалось?

Или Славу показалось, или в глазах старшего хранителя мелькнуло что-то такое, что... Слав понял, что, похоже, он попал в самую точку. Что хранителям, кажется, и в самом деле что-то известно о существовании какой-то древней расы этого мира.

Хранитель заговорил голосом настолько странным, что по спине Слава пробежали мелкие мурашки. Впрочем, для любого человека, до сих пор не общавшегося с гномами настолько плотно, как Слав, в этом тоне не показалось бы ничего странного. Но как раз потому, что Слав на протяжении нескольких лет почти неотступно жил в Тобу, смесь удивления, радости и некоторого испуга в голосе старшего хранителя показалась ему очень странной.

С явным трудом подбирая слова, седобородый гном заговорил:

– Это что-то непонятное. Всё выглядит так, словно тебе кто-то обо всём сообщил. Или тебе на самом деле кто-то что-то рассказал?

Энергично покачав головой, Слав поспешил заверить гно-

ма, что тому не известно, о чём тот говорит:

–Нет, мудрейший, я даже понятия не имею о том, о чём ты говоришь. Но я так понял, что вам всё же удалось что-то нарыть?

Криво усмехнувшись, гном кивнул:

–Именно – нарыть. Эти книги мы нашли только вчера. И, если честно, это произошло случайно.

Слав снова потряс головой так, как будто собирался на- сильно вытрясти из неё не слишком удобные мысли:

–Я что-то не совсем понял тебя, мудрейший. Как это – случайно? Разве такое вообще возможно? Ведь это же книга, то есть – знания. А уж если кто-то в этом мире и ценит знания, так это именно вы, гномы. Так что мне что-то не верится, что вы могли найти книгу... Или ты сказал – книги? – Он дождался, пока гном кивнёт. – Тем более! Как это вообще возможно?

Старший хранитель, потупив взор, даже заговорил тише. Видимо, гному стало необычайно стыдно оттого, что его раса оказалась не настолько достойной уважения, как это думалось Славу.

–И, тем не менее, это возможно. Идём, Слав.

Так как хранитель, не дожидаясь реакции на его слова, развернулся и пошёл между двух рядов стеллажей куда-то в глубину помещения, Славу не осталось ничего другого, как последовать за ним. Спустя несколько секунд гном тихо заговорил. Поведя вокруг рукой, как бы охватывая стоящие

плотными рядами фолианты, на которых даже самый дотошный проверяющий не смог бы обнаружить и пылинки, хранитель сказал:

—Ты же и сам знаешь, сколько тут книг.

Так как гном замолчал, явно ожидая ответа, Слав поторопился его дать:

—Ага. Ну, то есть, не знаю, конечно. Но могу себе представить.

Гном кивнул:

—Оказалось, что и мы не знаем точного числа книг, которыми обладаем. Если бы не твоё желание привести хранилище в порядок, думаю, мы никогда бы этого так и не узнали бы.

Слав решил утешить хранителя:

—Ну, это ты напрасно. Думаю, что вы так или иначе, но выяснили бы, сколько у вас книг.

Гном, если судить по звуку, усмехнулся. И, кажется, сделал это не слишком-то радостно:

—А вот я в этом не уверен. А знаешь, почему я в этом не уверен?

Слав зачем-то покачал головой, хотя гном так ни разу на него и не посмотрел:

—Нет, мудрейший, не знаю. А почему, интересно?

Гном снова недовольно фыркнул:

—Ха! А вот я тебе сейчас это и объясню. Наглядно, так сказать.

Сказав это, старший хранитель взмахом руки указал на стол, к которому они, оказывается, и шли. Слав послушно посмотрел на этот стол. И увидел, что он просто-таки завален какими-то (если судить по виду – очень древними) книгами.

—

Слав и старший хранитель остановились перед заваленным книгами столом. Человек окинул взором то, на что ему указал гном. Осторожно взял одну из древних книг. Повертел её в руках, ощущая, как потрескивает ссохшаяся кожа ветхого переплёта. Открыл книгу на угад. Попытался прочесть то, что написано. Но, как Слав ни пытался, он смог понять только малую часть того, что удалось прочесть. Но и прочесть-то он смог лишь самую толику.

Не отрывая взгляда от букв гномьего алфавита, Слав спросил:

– Это какой-то древний язык гномов?

Хоть человек на него и не смотрел, хранитель всё же покачал головой:

– Нет, мы говорим на этом же самом языке. Просто, когда писали эту книгу, правила написания были не такими, как сейчас. Но, если ты потратишь какое-то время, то сможешь с лёгкостью прочесть все эти книги.

Вот теперь Слав оторвал взгляд от исписанных довольно-таки мелким почерком страниц и посмотрел на остальные книги, сложенные на столе. При этом взгляд Слава натолк-

нулся на то, чего он никогда не видел в хранилище древних знаний Тобу.

Слав даже подивился тому, что сразу же не обратил на это внимания. Хотя, наверное, следовало бы сразу же заметить, что книги, которые привлекли внимание гномов, разительно отличаются от всего, что находится в хранилище.

Отложив «просмотренную» им книгу в сторону, Слав взял другую. При этом переплёт и этой книги начал слегка потрескивать в его руках. Осторожно перелистнув несколько страниц, Слав спросил:

– Они все такие? Я имею в виду, что впервые вижу, чтобы гномы довели свои же книги до такого жалкого состояния.

В ответ на это заявление старший хранитель безрадостно усмехнулся:

– Вот именно! Слав, если бы не твоя идея упорядочить все наши сокровища, то эти книги и вовсе могли бы бесследно исчезнуть. Ну, лет через двадцать – тридцать. К тому времени они были бы испорчены настолько, что нам уже не удалось бы их восстановить.

Вернув и вторую книгу на стол, Слав кивнул:

– Понятно. Значит, они где-то в стороне валялись?

Гном снова горестно усмехнулся:

– Да. И нашли мы их совершенно случайно. Да и не удивительно, что они были заброшены. Ведь всё это, – он повел ссохшейся рукой над столом, – до сих пор считалось не более чем древними сказками. До тех пор, пока ты не спросил

о древней расе, похожей на орков.

Внутренне напрягшись, Слав спросил:

–Значит, вы всё же что-то нашли?

Кивнув, старший хранитель подозвал одного из более молодых гномов. А когда тот подошёл, спросил:

–Где та книга, в которой ты видел рисунок гебулонов?

Гном тут же принялся искать книгу. И, пока он это делал, Слав спросил:

–Гебулоны? А это кто ещё такие?

Старший хранитель усмехнулся:

–Сейчас сам всё увидишь. – Он повысил голос, обращаясь к подчинённому. – Ну, долго ещё?

Гном словно решил дождаться именно этого грозного окрика, чтобы закончить поиски. Во всяком случае, любой, кто не знаком с подгорным народом и его строгой дисциплиной, мог бы подумать именно так. Потому что, стоило только старшему хранителю задать этот вопрос, как гном схватил какую-то, особенно сильно потрёпанную книгу и, протянув её начальнику, с уважением в голосе произнёс:

–Вот она, мудрейший.

Милостиво кивнув подчинённому, старший хранитель принял книгу из его рук, чтобы тут же передать её Славу:

–Можешь открыть где угодно. Всё равно не ошибёшься. Тут полно рисунков.

Слав не заставил просить себя дважды. Он с готовностью открыл книгу. Правда, страницы, на которых раскры-

лась книга, оказались сплошь покрыты только плотными закорючками букв азбуки гномов. Рисунков Слав не увидел.

Старший хранитель, посмотрев на раскрытые Славом страницы, неопределённо хмыкнул:

–Хм! Не повезло, видно. Открой ещё где-нибудь.

Слав вновь послушно перекинул небольшую стопку страниц с одной стороны в другую. Озадаченно посмотрел в выцветшие глаза гнома. Тот, сокрушённо покачав головой, предложил:

–Листни-ка ещё.

Слав снова перебросил с одной из сторон несколько страниц. Как только его взгляду открылись плотно усыпанные буквами страницы, он тихо усмехнулся. Старший хранитель посмотрел на него уже с некоторым подозрением:

–Ты это специально, что ли, делаешь? Если так, то объясни, как у тебя это получается.

Слав с улыбкой покачал головой:

–Оно само так выходит! Я наоборот хочу поскорее увидеть хотя бы одно изображение этих твоих гебулонов.

Гном не стал спорить. Правда, когда он заговорил, в его голосе Слав без особого труда уловил нотки подозрительности:

–Тогда полистай ещё.

Как только Слав снова перевернул стопку страниц, из его горла вырвался непроизвольный смех. Гном же, увидев, что и на этот раз человеку не удалось найти изображение гебу-

лонов, едва ли не силой вырвал книгу из его рук.

Слав засмеялся уже в голос, когда старший хранитель, точно так же, как он сам только что, перекинул с одной стороны в другую небольшую стопку листов. Потому что и в этот раз их взорам открылись лишь исписанные древними закорючками листы ветхой бумаги.

Недовольно, почти сердито, дёрнув щекой, отчего седая борода слегка встопорщилась, гном заявил:

–Ничего смешного тут нет! Вообще-то в этой книге и в самом деле полно рисунков!

С трудом сдерживая рвущийся наружу смех, Слав кивнул:
–Да я уж и вижу, что их тут полным полно! Вот только, я это хоть и вижу, но вот самих-то рисунков до сих пор не вижу! Может ты, мудрейший, книгу перепутал?

Гном на мгновение замер. После чего, метнув в сторону подчинённого, подавшего ему эту самую злополучную книгу, уничтожающий взгляд, едва сдерживая злость, сказал:

–Слав, твои слова граничат с оскорблением. И только то, что ты – человек, заставляет меня пропустить эти слова мимо ушей. Но больше никогда так не говори.

Слав и сам, до высказывания гнома, успел понять, что сказал лишнего. Поэтому он, мгновенно прекратив улыбаться, слегка поклонился старшему хранителю:

–Извини, мудрейший. Что-то я и в самом деле забылся. Извини. Так, может, давай я ещё разок попробую найти хотя бы одно изображение этих гебулонов?

Но старший хранитель, в полном соответствии с нравом подгорного народа, упрямо покачал головой:

–Ну, уж нет! Я сам сейчас их найду!

И тут же перекинул в сторону ещё несколько страниц. Слав, как ни старался, всё же не смог сдержать смеха:

–Ну, мудрейший, это просто злой рок какой-то! Видно, не судьба мне на этих самых гебулонов посмотреть!

На этот раз и сам гном не смог сдержать улыбки. Усмехнувшись, он кивнул:

–Да, это и в самом деле выглядит как-то странно! – Он посмотрел на подчинённого, который с затаённым страхом следил за тем, как его руководитель безуспешно пытается отыскать хотя бы одно изображение загадочных гебулонов. – Иди-ка сюда! Давай, ты попробуй!

Гном послушно приблизился к старшему хранителю и, с хорошо заметным подобострастием приняв из его ссохшихся рук древнюю книгу, принялся за поиски.

Наверное, и ему не сразу удалось открыть страницу с изображением гебулонов. Потому что гном несколько раз переворачивал хрустящие от древности листы бумаги. Но, наконец, он закончил поиски и, перевернув книгу таким образом, чтобы старший хранитель увидел изображение в верном ракурсе, вытянул руки перед собой.

Старый гном, довольно кивнув, сделал приглашающий жест, адресованный Славу:

–Ну, смотри! Вот они какие, гебулоны эти!

И снова Слав не заставил просить себя во второй раз. Он послушно всмотрелся в заметно выцветший рисунок.

Хотя, наверное, сказать, что рисунок «выцвел», будет всё же неправильно. Потому что правильнее будет сказать, что это просто чудо, что на нём оказалось возможным увидеть хоть какие-то цвета. Хотя поначалу, когда эта книга только ещё писалась, рисунки, скорее всего, прямо-таки играли красками. Сейчас же, по прошествии многих веков, краски почти не оставили следов. Наверное, они просто осыпались. А может, и просто выцвели.

Зато контуры рисунков, прочерченные обычными, чёрными чернилами, оказались более долговечны. И всё, что осталось Славу, так это подключить воображение, чтобы понять, как же именно выглядят эти загадочные гебулоны.

По сути, облик гебулонов мало чем отличается от внешнего вида орков. Во всяком случае, природа наградила эти две расы совершенно одинаковыми расцветками. Это Слав понял по едва заметным следам краски на бумаге.

Но, хоть представители этих двух древних рас и оказались необычайно похожи, почти сразу Слав заметил и отличия. Впрочем, это можно объяснить тем, что из доклада разведчиков он уже знал, что именно ему следует искать.

Как и сказал стрелок Сторгагла (Слав с досадой заметил себе, что следовало бы узнать его имя), маскирующая раскраска гебулонов, хоть и оказалась очень близка к той, что

все привыкли видеть на телах орков, она всё же имеет незначительные отличия. При этом отличия, так сказать, эстетические. Во всяком случае, именно так и подумал Слав, когда увидел, насколько красив рисунок на теле гебулона.

Наверное, если бы Слав увидел изображение представителя этой расы, ему захотелось бы познакомиться с этим народом поближе. Ведь иметь возможность постоянно видеть рядом с собой кого-то настолько... совершенного, что ли, было бы просто великолепно.

Начать с того, что стрелок Сторгагла оказался совершенно прав, когда сказал, что рисунок на теле гебулонов (хотя гном да сих пор и понятия не имеет, что встреченные разведчиками существа носят такое имя) совершенно симметричен. То есть, чёрные и коричневые полосы, которые у орков как бы накинаны в полном беспорядке, у гебулонов складываются в потрясающий по красоте рисунок. И при этом полосы на правой стороне тела в точности повторяют рисунок левой его стороны. В общем, очень красиво.

Перелистывая страницу за страницей, Слав внимательно рассматривал изображённых на рисунках гебулонов. А их, то есть – изображений, как и сказал старший хранитель, оказалось в книге полным полно. И то, что их удалось отыскать далеко не с первого раза, и в самом деле выглядит, как игра пожелавшего развлечься случая.

Пока Слав рассматривал изображения гебулонов, он невольно отметил, что, скорее всего, как раз совершенство

маскирующего рисунка на телах и сыграло с их обладателями плохую шутку. Ведь оно, совершенство это, наверняка выдавало местоположение гебулонов. В то время как хаотически разбросанные полосы на телах орков сделали их почти неразличимыми в густой зелени лесов.

Слав попросил старшего хранителя прочесть ему хотя бы несколько выдержек из найденной гномами книги. Тот с охотой, ведь его же попросили выполнить его профессиональные обязанности, принялся за дело.

Гном открыл книгу в самом начале и прочёл:

—О гебулонах нам известно не так много, как хотелось бы. Они живут в лесах, как и орки. Не брезгают селиться и в горах. Но предпочитают всё же леса. Поэтому они зачастую и воюют с орками. При этом их битвы, как правило, бывают необычайно кровавыми. Иногда верх одерживают орки, иногда – гебулоны. Но мы, гномы, считаем, что в этой войне нет, да и не может быть победителей. Даже если кто-то из них и одержит верх, победа будет стоить слишком дорого. И в будущем эта победа может откликнуться чем-то чудовищным. Мы, гномы, предпочли бы, чтобы вражда между орками и гебулонами поскорее закончилась...

Бросив в сторону Слава многозначительный взгляд, старший хранитель перевернул несколько страниц, задерживаясь на каждой из них. Но, видимо, содержание их не удовлетворяло его ожиданиям. Поэтому гном торопливо переворачивал страницу одну за другой, пока, наконец, не остановился.

Пробежав глазами по строчкам, старший хранитель, удовлетворённо хмыкнув, прочёл:

—Кажется, гебулоны всё же проигрывают войну с орками. Хотя мы полагали, что именно гебулоны одержат в ней верх. Но почему-то как раз орки оказались сильнее. Хотя физически орки ничем не отличаются от своих собратьев — гебулонов. Но почему-то орки всё же оказались сильнее. Нам ещё предстоит разобраться в причинах именно такого результата этой кровопролитной войны. Думаю, что будущие поколения хранителей смогут понять причины поражения гебулонов. Нам же остаётся только отметить, что поражение гебулонов нас очень печалит. Хотя и поражение орков также нас не порадовало бы.

Хранитель, сокрушённо покачав головой пробормотал:

—Да уж, разобрались мы! Да мы вообще про них забыли!

После этой самокритичной фразы гном снова начал торопливо листать страницы, мельком их просматривая. Наконец, хранитель остановился на странице, на которой оказалась нарисована какая-то примитивная карта. Снова неопределённо хмыкнув, гном прочёл:

—Мы помогли гебулонам с постройкой небольшой флотилии. К сожалению, у нас не хватает познаний в этом деле. Но мы надеемся, что гебулоны благополучно доберутся до островов на западе. На карте я попытался нарисовать остров Нечаянный. Очень надеюсь, что гебулоны до него доберутся. А уже с него рукой подать и до остальных остро-

вов архипелага. Архипелаг, как нам известно, очень большой. В него входят более полусотни больших и малых островов, на которых гебулоны смогут жить. А про крохотные острова, которые правильнее было бы назвать торчащими из воды скалами, и говорить не стоит. Их там необычайно много. И на них, на этих скалах, протяжённость которых достигает даже нескольких текков, обитают очень большие морские крабы. Они достигают двух ростов гномов. Думаю, что гебулоны смогут на них охотиться. А их панцири послужат хорошим материалом для производства различных инструментов. В общем, надеюсь, что гебулоны не просто выживут, а смогут развиваться.

Так как хранитель замолчал, Слав спросил:

—Это всё?

На что гном, покачав головой, ответил:

—Нет, конечно. Тут ещё много чего есть. Но разве тебе этого мало?

Слав хмуро кивнул:

—Да, ты прав. Этого мне вполне достаточно. Думаю, что мы могли бы успокоить автора этой книги. Ведь гебулоны не просто выжили. Они даже не просто развились. Они смогли ещё и разбить самый мощный флот этого мира. Да к тому же ещё и начали убивать людей. В общем, похоже, нам придётся столкнуться с новым, и очень сильным врагом. А ты как считаешь, мудрейший?

Гном, для солидности расчесав пальцами седую бороду, с

глубоким вздохом спросил:

—Почему ты решил, что гебулоны станут нашими врагами? Разве мы не сможем с ними договориться?

На это Слав горестно усмехнулся:

—Не сможем, мудрейший. Не знаю почему, но мне думается, что не сможем. И, думаю, нам предстоит не просто война, а война большая и кровопролитная. Во всяком случае, лучше нам всё же готовиться именно к войне.

—

Ласа с тревогой в голосе спросила:

—Ты уверен? Ты точно уверен, что нам не удастся с ними договориться? Ведь мы же даже с эльфами смогли договориться. Так почему же с гебулонами этими не получится?

Усмехнувшись так, что только очень большой оптимист смог бы найти в едва заметном изгибе губ хотя бы какую-то весёлость, Слав медленно покачал головой:

—Ласочка, ты кое-что забыла. Вспомни-ка, что заставило эльфов отказаться от планов на мировое господство?

Задав этот вопрос, Слав многозначительно посмотрел в сторону детей. Ласа также обратила взор на сына, который внимательно слушал о том, как Сваяра что-то читает ему из толстой книги. Новой, если судить по обложке. И только после этого оба родителя прислушались к тому, что же именно произносит Сваяра.

А девочка, которая даже не заметила, что взрослые внимательно слушают то, что она читает Радомиру, монотонно

продолжила говорить:

–И тогда войска Воктии, понукаемые недалёновидными эльфами, напали на приграничные города Виструма. При этом они полностью уничтожили один из них. Но наши воины, как только вести об этом достигли центральных районов нашей страны, все как один поднялись на защиту людей восточной части страны.

Слав, усмехнувшись на этот раз несколько веселее, тихо заметил, адресуя свои слова исключительно жене:

–Блин! Как же давно это было-то! Хотя, если подумать, это случилось как будто только вчера!

Улыбаясь, Ласа так же тихо согласилась:

–Да. Но за это время мы столько всего успели сделать, что мне порой даже и не верится. Кажется, будто я не одну, а несколько жизней прожила.

Слав накрыл своей ладонью узкую ладошку жены, покоящуюся на столе:

–Милая, мне тоже иногда так кажется. Правда, до тех пор, пока я не с тобой. Но, когда ты рядом, мне вся моя жизнь представляется, как один день. И даже страшно становится, что столько времени мне пришлось провести вдали от тебя.

Ласа лукаво усмехнулась:

–Ну, и кто в этом виноват? Уж точно не я.

Слав покивал:

–Да, не ты. Наверное, в этом виноват я. Правда, не только я. Ещё и эльфы.

Ласа, не прекращая лукаво улыбаться, медленно покачала головой:

–Ну, уж прямо и эльфы! Нашёл на кого свалить! Если бы не твоё желание лично участвовать во всём подряд, то не случилось бы многое из того, что было самым плохим в нашей жизни. Правда, признаю, что не было бы многого и хорошего. Например, вот их не было бы.

Слав проследил, куда именно кивнула жена. Естественно, Ласа имела в виду детей. И это вновь заставило его вернуться к началу этого разговора:

–Да. И именно по этой же причине нам и не удастся так легко договориться с гебулонами. Ведь у них, в отличие от эльфов, с деторождением всё в порядке. Ну, наверное, всё в порядке. Так что им, Ласа, есть ради чего воевать.

Женщина недоверчиво фыркнула:

–Ф-ф-ф! Слав, а ты не думаешь, что им в таком случае есть ради чего жить, а не воевать? Ведь ты же мне не раз сам говорил, что любое общество в первую очередь стремится к миру и строительству. А уже во вторую – к войне и разрушению. Разве не так?

Слав снова грустно улыбнулся:

–Милая, если бы миром правили вы, женщины, то, наверное, так оно и было бы. Но и в этом я не уверен. Потому что в моём мире, например, нередко именно женщины – правители устраивали необычайно кровопролитные войны. Ведь погибать-то приходилось не их детям. Вот если бы их сын-

ки-дочки оказались на передовой этих войн, думаю, что тут же были бы подписаны мирные договоры. Ну, а пока в нашем мире государствами и вовсе правят исключительно мужчины. Наверняка и у гебулонов всем верховодят какие-нибудь знатные воины. Так что, милая, нам всё же придётся воевать. Потому что, поверь мне, нам, мужикам, всегда тесно. И нам кажется, что для наших детей будет лучше, если мы расширим свои владения как можно дальше. В общем, нам придётся воевать. И уже не имеет никакого значения, хотим мы этой войны или нет. Всё равно уже.

Ласа с грустной улыбкой покачала головой:

– Да уж! Нарисовал ты мне картинку! Но разве мы не попытаемся с ними договориться?

Слав усмехнулся уже несколько веселее:

– Почему же? Попробуем, конечно. И вот об этом-то я и хотел с тобой поговорить.

Так как Слав замолчал, Ласа решила сама договорить за мужа:

– Я поняла. Ты хочешь сказать, что тебе придётся отправиться навстречу гебулонам, чтобы вести переговоры самостоятельно. Так?

Слав медленно, как будто кто-то нажал кнопку заторможенного воспроизведения кадров, кивнул:

– Да-а. Именно об этом я и собирался с тобой поговорить.

Ласа усмехнулась:

– Ну, тогда иди. – Она дождалась, пока муж облегчённо

выдохнет. – Только я вместе с тобой отправлюсь. Помнишь, я тебе обещала, что отныне навсегда останусь с тобой рядом? Помнишь?

Слав несколько раз обречённо кивнул. Ну, а что ему ещё оставалось делать?

—

Совет Старейшин, выслушав все доводы Слава, хоть и с большим трудом, если не сказать – со скрипом, всё же дал согласие на его отправку на запад. Конечно же, ему и Ласе выделили самых выносливых грифонов. Правда, не тех, что уже совершили разведывательные полёты в Тенорию. Для этого перелёта выбрали самых выносливых, но не очень быстрых животных. Ведь для целей этого путешествия нужна в первую очередь выносливость. А скорость уже не имеет большого значения. Точнее, скорость вообще почти не важна.

Обеспечив таким образом наибольшую сохранность путешественников, старейшины Тобу почти с лёгким сердцем отпустили Слава и Ласу в дальнюю дорогу на запад. Но в сопровождение им всё же выделили ещё шесть грифонов в полном вооружении. То есть, на этих животных, кроме пилотов, в путь отправились ещё и по два стрелка, вооружённых мощными луками. А также имеющими на вооружении по несколько тяжёлых метательных копий. Ну, и ещё к седлам приторочили по два мешка, гружённых кувшинами с зажигательной смесью.

Наблюдая за тем, как пилоты перед вылетом проверяют загруженное на грифонов снаряжение, придирчиво осматривают вооружение стрелков, Слав с улыбкой заметил, что с таким отрядом они как будто уже вступили в войну. Что ни говори, но отряд и в самом деле выглядел внушительно. Можно даже сказать – устрашающе. Ну, для того, кто понимает, как действуют военно-воздушные силы Союза Свободных Рас.

На это замечание мужа Ласа слегка сумрачно ответила, что гномам типично как раз такое отношение к делу. К любому делу. Даже к сбору урожая. Что уж говорить о военном походе. Пусть целью этого похода и служит благородная миссия по заключению мира. Хотя, как отметил Слав, Ласа и сама уже не верила в то, что им удастся закончить переговоры заключением мира с гебулонами.

Перелёт, как всегда, не доставил Славу приятных впечатлений. То есть, почти не оставил. Ну, что приятного может быть в том, что под твоими ногами разверзлась бездна? Что там, далеко внизу, на расстоянии двух – трёх текков скользят на восток леса, реки, холмы, озёра и редкие города и дороги? Что хорошего в том, что ты можешь в любую секунду рухнуть туда, вниз? И только тонкая (так всегда казалось Славу во время перелётов) страховочная верёвка удерживает тебя от того, чтобы превратиться в мокрую кровавую лепёшку? Нет, полёт и не мог понравиться Славу.

А вот Ласа, конечно же, как всегда во время перелётов, ве-

селилась. Женщина даже перед вылетом не сдерживала охватившего её нетерпения. Когда же грифон, на котором она сидела, с силой оттолкнулся от края взлётной площадки и, сначала рухнув вниз, через секунду, расправив крылья, начал быстро набирать высоту, Ласа и вовсе громко рассмеялась. Отчего Слав, чей грифон должен был взлететь следом, нервно поёжился, как будто ветер, который только ещё дожидался их в небесной вышине, начал пробирать его избыточное тело.

Конечно же, по ходу времени и Слав начал привыкать к полёту. И он уже мог более-менее спокойно смотреть вниз. И даже начал находить что-то прекрасное в той грандиозной картине, что открывалась ему с высоты летящего грифона. Вот только даже в эти моменты Слав не мог забыть о том, что там, внизу, простёрлись несколько безжалостных ко всему живому текков, пролетев которые любой превратится в кровавое месиво. И только теперь Слав пожалел о том, что так и не настоял на том, чтобы разработать парашюты. И всё из-за упрямства гномов, которое иногда принимает очень причудливые формы.

Казалось бы, ну что плохого в том, если гномы получают шанс спасти свои жизни, покинув седло смертельно раненого грифона? Но старейшины, как только Слав рассказал им о парашюте, тут же воспротивились этому изобретению. Гномы упирали на то, что пилоты обязаны разделить судьбу грифонов. Даже если это приведёт к их гибели. Старейшины

упирали на то, что страх гибели заставит пилотов до самого конца бороться за жизнь грифонов. И это будет лучшей гарантией того, что пилоты не бросят раненое животное на произвол судьбы.

Конечно же, услышав это объяснение, Слав не слишком-то в него поверил. Нет, старейшины ему не врали. Просто они даже самим себе не хотели признаваться в том, что главное, что ими руководит, остаётся страх. Страх того, что грифоны, пусть и раненые, но брошенные пилотами, могут оказаться в чужих руках. И это даст шанс врагам пробраться в Тобу, миновав все те линии обороны, которые гномы возводили веками и тысячелетиями.

Но зато вот теперь, во время полёта, Слав вынужден переживать о том, что у него нет этого самого треклятого парашюта. Ведь там, внизу...

Посмотрев под ноги, Слав нервно сглотнул. И тут же заставил себя думать о чём-нибудь другом. О чём-то более приятном.

Слав вспомнил о детях, которые восприняли известие о том, что их родителям предстоит долгое путешествие, мягко говоря, не восторженно. И это при том, что Слав и Ласа скрыли от Сваяры и Радомира, что их путешествие может быть опасным. Ведь и без этого дети устроили очень бурную сцену. И если Радомир, в силу того, что мальчишка ещё слишком мало знает жизнь, проявил не так много эмоций, то Сваяра, уже познавшая горечь расставания, выказала всё

своё негодование.

По сути, Радомир лишь слегка поплакал. А вот Сваяра тут же напомнила отцу, да и матери, чего им обоим стоило возвращение блудного... Слава назад. Пришлось дать самое клятвенное заверение в том, что они оба непременно вернуться в Тобу живыми – невредимыми. Что оба они будут беречь себя так же, как это они делают в отношении их, Радомира и Сваяры. В общем, расставание оказалось не из приятных.

Вряд ли девочка поверила родителям. Скорее, она сделала вид, что верит их заверениям. Но – только сделала вид, не более. Да и это Сваяра сделала исключительно ради брата. Ведь мальчишка и понятия пока не имеет о том, насколько порой бывает жестока жизнь. И как беспощадно она может отобрать у тебя даже того, кого ты любишь всей силой своей души.

Ведь детям всегда кажется, что с теми, кого они любят, никогда, ни за что не может случиться ничего плохого. Что это просто невозможно. Невозможно потому... потому что они любят этих людей. А значит, им ничего угрожать и не может.

Это намного позже, когда дитё уже познает жизнь, когда оно столкнётся с тёмными её сторонами, приходит понимание, что одна только любовь не в силах уберечь от опасностей, которыми кишит мир.

В общем, Сваяра сделала всё от неё зависящее, чтобы брат как можно дольше оставался в счастливом неведении. Что-

бы Радомир думал, будто родители просто оправились куда-то далеко ради каких-то непонятных целей. И что оба они непременно вернутся домой живыми и невредимыми.

Слав понял, что выбранное им направление мыслей трудно назвать весёлым. По его мысленному признанию, эти размышления ничуть не лучше раздумий о бездне под ногами. И он постарался перекинуть мысленный мостик к цели их с Ласой путешествия.

—

Через несколько дней затяжных перелётов грифоны настигли медленно ползущую по дорогам Тенории армию Тогета. Спустя ещё несколько часов путешественники увидели внизу большое скопление стягов. Знамёна радостно колыхались на ветру, привлекая к себе внимание любого, кто их мог увидеть.

Гном, управляющий грифоном Слава, обернулся и, бросив на пассажира хмурый взгляд, спросил:

—Идём на посадку?

Слав нервно сглотнул:

—Давай. Только побыстрее.

Угрюмо кивнув, гном отвернулся и, отдав какие-то команды, приказал животному заходить на посадку. Слав тут же пожалел, что попросил ускорить этот процесс.

Видимо, гном слишком буквально воспринял просьбу человека. Потому что, как только его ладонь несколько раз хлопнула по седлу, а другая рука слегка потянула ремень по-

вода, грифон прямо-таки рухнул вниз.

Животное настолько быстро сложило крылья, что при со-вокупной массе седоков и его самого скорость падения воз-росла так быстро, что Слав едва сдержал желание крик-нуть гному, чтобы тот снова заставил грифона набрать высо-ту. Откуда-то сзади донёсся ликующий крик Ласы. Слав же только горестно вздохнул.

Как раз вовремя, поскольку следующий манёвр грифона едва не выдавил из лёгких Слава весь воздух. И, если бы он не набрал полную грудь воздуха, то, наверняка, его лёгкие могли бы и вовсе схлопнуться.

Конечно же, всё это – не более чем субъективное воспри-ятие человеком того, что ему не очень-то приятно. Если быть точнее, то мысли Слава о том, что предпринятый грифоном манёвр мог бы заставить его лёгкие схлопнуться, – не более чем фантазии. Притом, фантазии не слишком-то оправдан-ные.

Но именно так подумал Слав, когда грифон, рывком рас-правив огромные крылья, резко замедлил падение. При этом возникшие перегрузки с такой силой вдавили Слава в седло, что тот невольно испугался. Не за себя он, конечно же, испугался. Слав просто представил, что с такой же в точности силой, что и его, сейчас вдавливают в седло и его любимую.

Понимая, что делать этого не стоит, он повернул голову и посмотрел назад. Туда, где чуть правее только что приступил к такому же манёвру несущий его жену грифон. При этом

Слав ощутил, как что-то в шейном отделе позвоночника подозрительно звонко хрустнуло.

Но не собственные неприятные ощущения в тот момент беспокоили Слава. Единственное, что его заботило, так это безопасность Ласы. Но донёсшийся до него радостный смех развеял все его беспокойства. И Слав вновь принял правильное для полёта положение.

Уже приняв верную позу, то есть – лицом вперёд, Слав подумал о том, что, вообще-то, все его беспокойства о безопасности Ласы – сущая глупость. Ведь это только неуёмная фантазия заставила его представить, как безжалостные перегрузки с хрустом ломают тонкие косточки его жены. Ведь на самом-то деле все перегрузки зависят от массы того объекта, на который они направлены. И если на него, Слава, перегрузки давят с определённой силой, напрямую зависящей от его веса, то и с Ласой происходит то же самое. То есть, сила перегрузок, давившая на женщину, намного меньше той, что прижала к седлу его, Слава. И, уж если с ним ничего плохого во время манёвра не случилось, то и за Ласу волноваться также не стоит.

Успокоив себя подобным образом, Слав принялся наблюдать за тем, как, ловко заставляя грифона выполнять свои команды, гном заводит животное на посадку. А посмотреть нашлось на что.

Как только грифон начал замедлять резкое падение, гном тут же приказал ему зайти на разворот. И вот тут даже Славу

с его неприятием полётов понравилось то, что произошло вслед за этим.

Слав с замиранием сердца смотрел, как снизу на него несётся густой массив леса. При этом следует добавить, что при одновременном долгом развороте, вжимающем человека в седло, впечатления оказались, мягко говоря, заметными. А если быть точнее, то Слав едва не повторил ликующий крик жены.

Наверное, Славу всё же было бы страшно, если бы не твёрдая уверенность в том, что гному и грифону удастся вовремя прервать и это, пусть и плавное, но всё же довольно-таки осязаемое падение. Вот если бы Слав сам управлял полётом, то он наверняка начал бы волноваться. А так ему оставалось лишь наслаждаться новыми, и при этом – странно приятными ощущениями.

Только во время этого затяжного манёвра Слав начал понимать, насколько же это прекрасно – летать. У него даже появилось ощущение, будто это он сам, расправив сильные крылья, парит в поднебесье. Слишком уж сильными оказались нахлынувшие на него эмоции.

Слав далеко не сразу осознал, что у него просто напросто произошёл резкий выплеск адреналина. Что именно этот естественный наркотик заставил его едва ли не кричать от охватившего всё сознание человека ликования. Но это Слав осознал намного позже. Когда адреналин уже начал покидать его сосуды. Когда он, растворившись, оставил после се-

бя ощущение лёгкой слабости. Но до того момента...

Слав ощутил, что любит всех. Он любит весь этот мир. С орками, гномами, троллями и сойнами (что естественно), со всеми живущими в нём людьми (что не совсем естественно), с эльфами (что совсем уж неестественно) и даже с этими загадочными гебулонами (что и вовсе уже дико). Но Славу всё это кажется вполне нормальным. словно нет ничего странного в том, что он оказался способен испытывать любовь к эльфам, выродившимся в вампиров. Как будто эти самые гебулоны, к которым он летит, не угрожают самому существованию Народа. Да и всего остального разумного населения этого мира, наверное. Всё это Слав воспринял словно само собой разумеющееся. И ни капли не удивился тому, что даже он сам, частью своего же сознания, понимает, что тут явно что-то не то. Но любые подозрения он тут же отбросил в сторону и продолжил наслаждаться захлестнувшими его ощущениями.

Подобно штопору, грифон продолжал словно бы ввинчиваться, падая всё ниже и ниже, одновременно совершая гигантское вращение. И на всём протяжении этого затянувшегося манёвра Слав ощущал давление неослабевающих перегрузок. Вот только сила давления всё же слегка ослабла и стала вполне привычной. По сути, перегрузки стали даже чуть приятны.

Слав не понял, сколько именно кругов совершил грифон. Всё в его сознании слилось в какой-то затянувшийся, но, тем

не менее, весёлый аттракцион.

Но пришло время завершать и этот манёвр. Видимо, гном отдал какую-то команду, и грифон закончил продолжительное головокружительное вращение. И дальше полетел уже прямо. И только тогда Слав понял, что гном всё это время продолжал контролировать всё, что происходило во время полёта. Человека, естественно, порадовало, что его пилот оказался настолько умелым и опытным, что ни на мгновение не поддался тем эмоциям, которые его самого захватили с головой.

Закончив вращение, грифон продолжил снижаться. Но делал это уже медленно. Да и куда бы ему было спешить, если до верхушек деревьев осталось не более двадцати метров?

Гном умело вывел грифона на дорогу. При этом все совершённые животным повороты едва ощущались. Но это, скорее всего, просто показалось Славу. Ведь после захватывавших дух манёвров незначительные развороты кажутся просто смешными.

Следующее, что произвело на Слава впечатление, так это новое подтверждение мастерства его пилота. Дело в том, что, как выяснилось, гном рассчитал весь манёвр настолько точно, что к моменту выхода их курса на дорогу, основная масса стягов армии Тогета оказалась прямо перед ними. На расстоянии каких-то трехсот – четырёхсот метров. Это открытие заставило Слава с уважением посмотреть на сидящего перед ним гнома. Вот только тот, конечно же, ничего не увидел.

Нет у гномов глаз на затылке.

К тому моменту, когда грифон приблизился к скоплению знамён, он уже снизился до уровня верхушек деревьев. И даже чуть ниже. Потому что Слав увидел, что эти самые верхушки скользят на одном уровне с ним. И это заставило человека снова с уважением посмотреть на сидящего перед ним крохотного пилота.

Наконец, как только скопление стягов оказалось прямо под животом грифона, гном приказал животному приземлиться. Грифон послушно забил крыльями, загоня воздух под себя, одновременно толкая его вперёд. Слав ощутил лёгкое давление в спину. Но он преспокойно справился с этой силой. Это нетрудно сделать любому, кто хоть сколько-нибудь ездил на лошади. Правда, ремни страховочного жилета всё же слегка надавили Славу на рёбра.

С расчищенной от людей и лошадей дороги под зашедшим на посадку грифоном поднялись тучи пыли. Но они быстро растаяли, развеянные новыми потоками воздуха, поднятыми мощными крыльями величественного красавца.

Слав успел заметить, с каким восхищением и завистью смотрят на него всадники. Да, есть чему позавидовать! Ведь всадникам пришлось преодолевать весь проделанный ими путь на протяжении нескольких десятков дней. В то время как ему, Ласе и гномам потребовалось на эту же дорогу не более нескольких суток!

Наконец, наступил момент, когда грифон коснулся лапа-

ми дороги. Слегка встряхнув нарядными крыльями, животное медленно их сложило. И только после этого грифон устал, глубоко вздохнул. Точно так же, как это делает любой мастер, довольный проделанной им работой.

Слав принялся развязывать узлы, удерживающие смотанную петлевою лестницу.

—

Слав не успел спуститься вниз, когда рядом с его грифоном приземлилось животное, принёсшее его жену. Ласа поймала взгляд мужа и ободряюще ему улыбнулась. Слав успокаивающе улыбнулся в ответ. Да, Ласе отлично известно, что её муж не очень-то любит перелёты.

Оказавшись на земле, Слав первым делом размял затёкшие от долгого сидения ноги. Потоптавшись на месте, он поднял взгляд и едва не онемел от удивления. Только спустя несколько секунд Слав смог заставить себя вымолвить:

—Кор? Ты? Откуда ты здесь взялся? И что ты тут вообще делаешь?

Оскалив длинные, сверкающие на солнце клыки, волкодлак пожал мощными плечами:

—Наверное, то же самое, что и ты, Слав. Пытаюсь понять, с кем именно нам придётся на этот раз воевать. — Он посмотрел в сторону жены друга. — Здравствуй, Ласа.

Та в ответ радостно улыбнулась:

—И тебе здоровья, Кор. Не обращай внимания на Слава. Он просто не в духе. Ты же сам знаешь, как он не любит

летать.

Волкодлак многозначительно кивнул:

—Знаю. А тебе, я вижу, это всё так же нравится?

Ласа снова улыбнулась:

—Конечно. Это же здорово!

Слав решил, что пора и ему вмешаться в этот милый разговор:

—Хватит вам обоим! Кор, ты мне лучше ответь, зачем ты вообще здесь? Кто тебе разрешил? Разве ты не знаешь, что наша армия в этой войне не участвует?

Кор многозначительно посмотрел на приземлившихся грифонов, на спинах которых восседают вооружённые до зубов гномы. Кивнул в их сторону и ответил вопросом:

—А тогда что они тут делают? Если мы не воюем, то зачем же гномы прислали сюда целый отряд?

Слав не сразу нашёл достойный ответ. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы прийти в себя.

—Ну, они просто нужны нам для охраны. Старейшины решили, что мы с Ласой в ней нуждаемся. И отказались отпустить нас одних.

Кор кивнул:

—Ну, вот и хорошо. Раз старейшины Тобу решили, что вам с Ласой нужна охрана, то мы с моими воинами вам её и обеспечим. Вместе с вашими гномами.

Слав растерянно посмотрел по сторонам и спросил:

—Так ты здесь не один, что ли?

Кор снова пожал плечами:

–Ну да. Мне же нужно было как-то через лесные коридоры пройти? Вот я и привёл с собой добровольцев.

Слав смог, наконец-то, собраться с мыслями настолько, чтобы думать спокойно. Он требовательно посмотрел другу в глаза:

–Сколько с тобой пришло воинов? Где они?

Кор указал рукой куда-то в сторону:

–Да там они все. Со мной пришли две сотни троллей и орков. Людей я брать не стал. Хотя многие и хотели пойти.

Слав хмуро кивнул:

–Нисколько в этом не сомневаюсь. Веди нас к ним!

Слав сделал несколько шагов в направлении друга, когда ему дорогу неожиданно преградил какой-то человек, облачённый в сверкающие доспехи. Когда Слав перевёл на него удивлённый взгляд, человек представился:

–Меня зовут Тосал. И я командую этой армией.

Нахмурившись, Слав раздражённо кивнул:

–Очень за тебя рад, Тосал. Поговорим позже. А сейчас мне нужно увидеться с теми, кто самовольно отправился на эту войну.

Не обращая больше внимания на генерала, Слав прошёл мимо него, направляясь в ту сторону, куда указал Кор. Волкодлак, неопределённо пожал плечами, двинулся следом за другом. Правда, Кор всё же дождался, пока к нему приблизится Ласа. И уже вместе с женщиной, чьё появление, конеч-

но же, не осталось незамеченным со стороны военных Тогета, пошагал вслед за другом. Гномы же, вообще не обращая внимания на то, что произошло и продолжало происходить вокруг них, деловито принялись рассёдлывать грифонов. Стрелки, не задавая лишних вопросов, начали деловито им помогать.

Пройдя сквозь расступившуюся толпу офицеров Тогета, различных ординарцев, оруженосцев, знаменосцев и прочей нарядной штабной обслуги, Слав остановился. Рассматривая коней, которых удерживали молодые пажи в добротной, если не сказать – броской одежде, он дождался, пока подойдут Ласа и Кор. Этого времени Славу хватило, чтобы увидеть, что, по крайней мере, у штабного состава Тогета кони довольно-таки добротные. А на двух из них не постыдились бы проехаться даже вожди кочевников севера.

Как только Кор и Ласа подошли, Слав бросил короткое:

–Где они?

Друг снова двинул мощными плечами, закованными в добротные доспехи, выкованные мастерами Тобу:

–Тут рядом. Идём.

И первым пошёл дальше, в направлении густого леса, через который и вьётся широкая торговая дорога. Теперь уже Слав пошёл следом. Ласа, конечно же, не отставала от мужа.

Продравшись через густой придорожный кустарник, Кор уверенно пошёл вглубь леса. Правда, при этом влажные ноздри волкодлака постоянно подёргивались, улавливая да-

же самые тонкие запахи.

К счастью, идти пришлось недалеко. Метрах в ста от дороги раскинулся лесной лагерь воинов Народа.

К удивлению Слава, его, вместо злости, которую он должен бы испытывать, охватила самая настоящая радость. Всё же, что ни говори, но гораздо приятнее, когда тебя окружают не какие-то непонятные воины чужого государства, а свои, родные. Хотя, наверное, даже правильнее сказать, что Слав и Ласа оказались в окружении братьев.

Но, как бы ни хотелось Славу сказать оркам и троллям, что он несказанно рад оказаться среди них, что бы он ни испытывал при виде их здесь, вдалеке от дома, ему следовало оставаться в первую очередь одним из вождей Народа.

Убедившись, что их появление заметили, Слав заговорил: – Ну, во-первых – здравствуйте все. – Он подождал, пока гул голосов, желающих в ответ ему и Ласе такого же здоровья, слегка стихнет. – А теперь скажите-ка мне, кто вам дал право покинуть ССР? С чего это вы решили, что вы должны участвовать в этой войне?

Глядя, как воины бросают на него и друг на друга откровенно растерянные взгляды, Слав испытал не слишком-то приятное чувство. Ему показалось, что он пытается получить ответ от детей, которые не понимают, что сделали что-то неправильное. Ведь они-то полагали, что их действия направлены на то, чтобы принести только добро. А, как оказалось, кто-то думает, что они не должны были этого делать!

Но, что бы там ни думали воины, что бы ни чувствовал сам Слав, ему следовало продолжать. Поэтому он и продолжил:

–Я вас спрашиваю, кто дал вам такое право? Вы не подумали о том, что ваше участие в этой войне может и Народ в неё втянуть? Не подумали? Ну, я так и знал! А вам следовало бы подумать!

Кор попытался вступить за воинов, которые пришли сюда, в Тенорию, вместе с ним:

–Слав, но ведь мы же уже в ней участвуем! Ведь мы же гарантировали Тогету его безопасность. Разве не так? Да и наши разведчики, насколько мы знаем, уже побывали у самого западного моря. И, говорят, даже кого-то там подстрелили.

Слав хмуро кивнул:

–Да, подстрелили. И вот поэтому-то я и прилетел сюда. Я хочу попытаться уговорить гебулонов прекратить их вторжение в Тенорию. Но вы-то сюда пришли явно не за этим! А то, что мы гарантировали Тогету мир, так это тоже не очень-то похоже на то, что затеяли вы! Или ты станешь со мной спорить?

Кор протестующе замахал перед собой руками:

–Спорить с тобой? Ну, уж нет! Я ещё из ума не выжил!

Слав не стал обращать внимание на то, что это заявление волкодлака воины, да и Ласа, встретили сдержанным смехом и улыбками. Да, он отлично знает, что у него репутация зануды. Да он и сам этого не отрицает. Но и поддаваться весе-

лю Слав также не стал.

Обведя зелёные и лохматые лица воинов требовательным взором, Слав словно бы согнал с них последние признаки весёлости:

—Что бы вы там себе ни надумали, но с этих пор вы поступаете в моё полное распоряжение. И без моего личного приказа ни один из вас не имеет права предпринимать каких бы то ни было действий. Любой, кто ослушается, будет жестоко наказан. Вопросы есть?

Вопросов не последовало. Более того, как отметил Слав, довольно-таки большое число воинов приняли новую данность с какой-то даже радостью, с облегчением. Да и понятно. Ведь с этого момента все их действия, которые они предприняли самовольно, приобретали вполне обоснованный характер. И теперь, если им удастся вернуться домой живыми, их не посмеют попрекать тем, что они самовольно решили участвовать в войне.

—

В шатре генерала Тосала собрался весь его штаб. Но, кроме штабных офицеров, полководец приказал прибыть и непосредственным командирам «с мест». В общем, людей собралось немало. Из-за большого числа прибывших многим офицерам пришлось стоять. Только малое число собравшихся получили возможность обсуждать сложившееся положение сидя.

Слав, конечно же, получил вполне удобное кресло. И у

него даже язык не повернулся бы назвать этот предмет мебели походным. Настолько это прилагательное не соответствует тому, что предоставили Славу в качестве сидения.

Ласе также выделили кресло. Причём, оно оказалось не худшего качества, что и то, которое получил её муж. Женщина, усевшись, даже провела рукой по отполированному и покрытому тёмным лаком подлокотнику. Кажется, это она сделала для того, чтобы удостовериться, что в её распоряжении и в самом деле оказался настолько примечательный предмет мебели.

Глядя на жену, Слав не смог сдержать усмешки. Правда, насмеялся он при этом не над Ласой. Скорее, Слав смеялся над собой. Точнее, над тем, что в прошлой своей жизни, в породившем его мире, он и мечтать не смел о том, чтобы хоть однажды оказаться в таком вот шатре, в окружении смотрящих ему в рот полководцев, облачённых в сверкающие от драгоценностей доспехи. Да ещё и восседать при этом он будет на чём-то, подобном этому вот креслу!

Вокруг широкого стола расселись штабные офицеры и сам полководец армии Тогета. Как только установилась тишина, он на правах хозяина обратился к Славу:

– Мы рады, что один из великих вождей Народа почтил нас своим присутствием. – Он многозначительно посмотрел на лохматую руку Слава. – Мы слышали много хорошего про тебя, Слав. И про твою жену – тоже. Надеюсь, что мы сможем сообща придумать способ выиграть в этой войне. Конечно,

если наш великий сосед решит оказать нам помощь.

Слав мысленно похвалил генерала за его дипломатический тон. Хотя решил, что сам он постарается избегать подобной бессмысленной траты времени. Когда идёт война, краткость и точность приказов и прогнозов ценятся намного выше, чем витиеватость речи.

Милостиво кивнув генералу, Слав заговорил:

–Если дело примет дурной оборот, то, думаю, не только нам, но и остальным королевствам придётся вступить в эту войну. А пока я хотел бы объяснить вам, с кем именно нам придётся иметь дело. Точнее, я хочу рассказать вам то небольшое, что мы узнали о гебулонах.

Сдвинув брови, Тосал спросил:

–Гебулоны? Это что ещё за звери такие? Откуда они вообще взялись в нашем мире?

Слав с грустной улыбкой покачал головой:

–Это не они взялись в нашем мире. Это мы, люди, пришли в их мир. Когда-то, давным-давно, много тысячелетий назад, весь этот мир принадлежал гебулонам, оркам и гномам. А уже позже сюда пришли тролли. А потом и люди с эльфами. Так что, как видите, они имеют полное право на часть этого мира. И, как мне кажется, они решили, что пришла пора эти самые права заявить.

Офицеры принялись растерянно переглядываться. Пока один из тех, чьи взгляды, обращённые в сторону Ласы, очень не нравились Славу, спросил:

—Но что тебе конкретно о них известно? Ведь мы-то думали, что нам будут противостоять орки, которые по каким-то обстоятельствам решили выступить против людей. Кто это вообще такие, эти гебулоны? Чего от них ждать?

Слав снова грустно улыбнулся:

—А вот этого я пока и сам не знаю. Думаю, что именно вы сможете это выяснить, если нам не удастся заключить с гебулонами мир. Вот тогда вы с ними сразитесь. И только после этого мы сможем сделать хотя бы какие-то выводы, чего именно нам следует ждать от гебулонов.

Тосала, видимо, не удовлетворил ответ Слава. Поэтому он переспросил:

—Но что тебе известно о них сейчас? Какова их тактика и стратегия?

Слав ещё раз с грустью усмехнулся:

—Про это нам также ничего не известно. Пока не известно. Ведь в то время, когда они воевали против орков, думаю, они и понятия не имели о какой-то там тактике. Я уж молчу о стратегии. Правда, теперь, как я понимаю, у них появились определённые познания в этом вопросе. Ведь удалось же им каким-то образом лишить Тенорию всего её флота! Да ещё и захватить все морские базы этого королевства! Значит, кое-чему гебулоны всё же успели за тысячи лет научиться.

Какое-то время офицеры Тогета снова бросали друг на друга удивлённые и слегка растерянные взгляды. И только некоторые из собравшихся, стоящие у самых стен шатра,

встретили слова Слава с плохо скрытым презрением. Но все они оказались молодыми людьми. Самому старшему из них Слав не дал бы больше тридцати лет. Самый же младший, кажется, не достиг и двадцатилетнего возраста. Кажется, и на них произвела впечатление Ласа. Поэтому они, похоже, решили впечатлить её в ответ. Конечно же, – безуспешно. Кажется, Ласа вообще не заметила их присутствия. И даже их громкое презрительное фырканье не заставило женщину обратить взор в их сторону. Кажется, некоторых из них это откровенно расстроило.

Слав также постарался не обращать внимания на этих молодых офицеров. Тем более что и среди молодёжи, явно знатного происхождения, нашлись и такие, кто отнёсся к его словам вполне серьёзно.

А вот офицеры постарше, за редким исключением, и вовсе не собирались воспринимать войну, как что-то не достойное серьёзного отношения. Или как что-то увеселительное. И как раз они-то, эти люди, как понял Слав, и будут принимать все важнейшие решения в предстоящих битвах, если таковые случатся.

Мысленно похвалив короля Тогета за то, что он доверил командование армией не малолетним выскочкам из высшего света, не родственникам или каким-нибудь приближённым, а людям, относящимся к войне очень даже серьёзно, Слав продолжил:

–Как только мы поймём, с какими силами, с какими спо-

собами войны нам предстоит иметь дело, нам будет проще понять, как одержать над врагом верх. Ну, а до тех пор будем надеяться, что нам удастся свести дело к мирному договору.

Тосал выслушал Слава спокойно. И, как только тот замолчал, спросил:

—Но ведь при заключении мира стороны должны принять какие-то условия друг друга. Чем нам придётся пожертвовать? Точнее, на какие уступки готов пойти Народ? Ведь, если уж говорить начистоту, то терять придётся не вам. Думаю, что уступки потребуются со стороны Тенории. И мне кажется, что королю Тенории не захочется на них пойти. Особенно при том, что ведь это в отношении его эти гебулоны развязали войну. Не он всё это начал.

Слав с пониманием посмотрел на генерала. К счастью, ни он сам, ни этот полководец не являются подданными Тенории. И им не придётся держать ответ перед властителем этого королевства. А значит, и повода для ссор или недоверия между ними также нет.

По ответному взгляду генерала Слав понял, что тот подумал примерно о том же самом, что и он. При этом Слав не смог сдержать усмешки. Генерал усмехнулся в ответ.

Кивнув, Слав ответил:

—Ты прав. Думаю, что Тенории всё же придётся чем-то пожертвовать. Но мне кажется, что это будет всё же лучше, чем вести войну. Тем более что война может оказаться очень кровопролитной. А может, и слишком затяжной. Да и не из-

вестно, чем она в итоге может закончиться. Может получиться так, что в итоге Тенория потеряет больше, чем те уступки, которые могут привести к миру.

Генерал тоже кивнул:

—Согласен. Признаться, мне также не хочется терять воинов своего короля в войне, которая, может, и вовсе нас не касается. Хотя любые победы мне, как полководцу, конечно же, были бы предпочтительнее заключения мира.

Слав пожал плечами:

—Это если будут победы. Но в войне часто бывает иначе. Да что там! В войне шансы победить составляют не больше половины. Хотя, естественно, силы бывают неравны. Но ведь всё дело-то как раз в том, что мы и понятия не имеем, с какими силами нам придётся иметь дело. А это значит, что даже тебе, как полководцу, да и твоим офицерам тоже, мир будет намного более предпочтителен, чем какие-то не одержанные победы.

Среди молодёжи, стоящей вдоль стен шатра, прошёл недовольный ропот. При этом самые молодые постарались принять особенно выразительные позы. Молодые люди выпячивали грудь, что при наличии стальных доспехов не имело вообще никакого значения. Хмурили брови, выражая этим своё недовольство. Бросали на Слава, на генерала и друг на друга взгляды настолько выразительные, что не нужно обладать экстрасенсорными способностями, чтобы понять, как им омерзительна сама мысль о мире. Ведь они-то собрались

воевать. И, конечно же, непременно побеждать.

Но ни Слав, ни генерал, ни Ласа, на внимание которой и направлялась вся эта показная бравада, не обратили на вызывающее поведение молодёжи никакого внимания. Более того, Слав понял, что именно теперь между ним и Тосалом установилась некая связь. Как будто только сейчас генерал осознал, что этот странный человек с лохматой волчьей лапой вовсе и не собирается составлять ему хотя бы какую-то конкуренцию.

Снова усмехнувшись, Тосал подвёл небольшой итог:

– Ну, с этим я спорить не буду. Ещё в самом начале своей карьеры, будучи молодым человеком, – он сознательно выделил последние слова голосом, – я понял, что в войне все надеются победить. Но при этом победитель всегда бывает только один. А второй, как бы он этого ни хотел, проигрывает. И – горе побеждённому. Я согласен с тобой, Слав. И постараюсь убедить моего короля, что все твои действия по заключению мира направлены и на его пользу.

Слав выслушал генерала очень внимательно. А фраза про горе побеждённых даже заставила его вспомнить породивший его мир. Ведь и там эта истина очень распространена. Всё же каждый мир в чём-то очень похож на все остальные.

Поняв, что Тосалу, как и ему, пока не хочется вести дальнейшие разговоры, тем более что они, по сути, пока совершенно бесцельны, Слав встал и, подавая руку Ласе, заявил:

– Утром я сообщу, каким образом нам придётся действо-

вать дальше. А пока я вернусь к своим воинам.

И, сопровождаемые взглядами офицеров Тогета, Слав и Ласа покинули шатёр Тосала.

—

В шатре уютно потрескивал небольшой костёр. Его едкий дым, сизым туманом собирающийся под полотняной крышей, медленно вытягивало наружу через круглое отверстие наверху. Но часть его всё же задерживалась в шатре, добавляя позднему ужину некоторую пикантную горчинку.

Кор виновато посмотрел другу в глаза:

—Слав, ну а что нам ещё оставалось делать-то? Не сидеть же нам дома, когда тут такое!

Болезненно поморщившись, Слав спросил, одновременно жуя только что откушенный им кусок мяса:

—А что такое-то? Как будто война для нас – это что-то необычное! Ты хоть помнишь, сколько времени мы жили спокойно-то? Мне иногда кажется, что мы больше воевали, чем просто жили.

Кор как-то неуверенно повёл мощными плечами, которые больше не скрывали доспехи:

—Наверное. Вот только я уже засиделся без дела. Ну, ладно – ладно, не совсем без дела. Но мне надоело просто обучать молодёжь, Слав. Хочется размять кости. Ты просто не понимаешь, каково это, – сидеть дома, когда есть возможность повоевать. Ведь ты не знаешь, что я чувствую. А вот если бы ты мог ощутить то, что ощущаю я, то понял бы всё.

Слав с интересом посмотрел другу в глаза. Естественно, он отлично понимает, что Кор уже давно не тот простой парень, который впустил под свой кров бездомного, оборванного чужака из другого мира. И тут дело даже не в том, что прошло уже много лет с той ночи, когда Славу удалось, наконец-то, выйти к человеческому жилью. Просто Кор теперь – волкодлак. И поэтому нет ничего удивительного в том, что друг стал иначе воспринимать окружающий мир. Что всё для него приобрело другую, отличную от человеческого восприятия действительности, цену.

Снова откусив кусок хорошо прожаренного над костром мяса, Слав поинтересовался:

– Может, объяснишь?

Кор снова пожал плечами, отчего его короткая чёрная шерсть глянцево заблестела, словно бы играя со светом костра:

– Не думаю, что у меня это получится. Слов не хватит.

Тогда Слав, бросив в сторону скромно ужинающей жены заговорщицкий взгляд, подбодрил волкодлака:

– А ты попробуй. Если мы с Ласой чего-то не поймём, то переспросим.

Посмотрев на жену друга, Кор ещё раз пожал плечами. После чего, тяжело вздохнув, как будто принял какое-то невероятно важное, но очень сложное решение, заговорил:

– Я попробую. – Он немного помолчал. – С тех пор, как я стал волкодлаком, всё для меня стало не такое, как я привык

с детства. Всё изменилось. Вообще – всё!

Кор замолчал, с ожиданием глядя другу в глаза. Слав, проглотив непрожёванное мясо, с улыбкой кивнул:

– Ну, это-то как раз понятно. Ты мне скажи, что конкретно изменилось-то?

Кор снова пожал плечами:

– Да всё изменилось! Я же тебе про это и говорю. И с каждым днём всё становится ещё более не таким, как я привык, когда ещё был человеком. Уже столько лет прошло, а я всё ещё не могу к этому привыкнуть. – Он сдвинул брови так тесно, что два этих чёрных бугорка почти слились в единое целое. – Нет, не так! Мне иногда кажется, что я уже к этому привык. Но уже через пару часов понимаю, что что-то снова изменилось. И всё начинается сначала.

Слав не стал задавать новых вопросов. Он просто не знал, какие именно вопросы следует задать, чтобы помочь другу излить душу.

Какое-то время в шатре царствовала тишина. Только негромкие звуки лесного лагеря воинов Народа пытались разогнать эту тишину. Правда, орки и тролли, всю жизнь проводившие в лесах, создавали настолько мало шума, что тишина царила почти безраздельно.

Кажется, Ласе надоело это молчание. А может, женщина просто решила помочь старому другу мужа. Положив деревянную дощечку, заменяющую тарелку, на вещмешок, принявший на себя роль её персонального стола, она спросила:

—Кор, ты скажи точнее, что именно меняется-то? Что тебя так беспокоит?

На этот раз Кор не стал пожимать плечами. Вместо этого волкодлак оскалил блестящие клыки:

—Да я и сам понять не могу. Просто, Ласа, во мне живёт такая сила, что я порой её даже боюсь. Мне кажется, что если я не дам ей выхода, то она заставит меня сделать что-то плохое. Нет, я, конечно же, себя контролирую. И все те сказки, что нам рассказывал Слав про оборотней и прочую неправдоподобную чушь, ко мне не имеют никакого отношения. Я не сойду с ума, не побегу ночью охотиться на людей или оленей. Не стану есть человеческие сердца. Но сила, которая во мне становится всё мощнее и мощнее, меня порой пугает. Вот я и решил, что лучше уж я выплесну её на кого-то, чем она и дальше будет во мне копиться.

Слав усмехнулся:

—И всего-то? Ну, а я уж было испугался!

Кор с лёгкой обидой в голосе спросил:

—А этого разве мало?

Теперь пришёл черёд Слава пожимать плечами:

—Ну, не мало, конечно. Но и не много. Кор, это же проще, чем кажется!

Кор обнажил клыки только с одной стороны, что у волкодлака, да и у троллей заменяет недоверчивую усмешку:

—Ну, тогда объясни! А то вот мне что-то ни хрена не понятно!

Слав миролюбиво улыбнулся:

–Ты только не злись, Кор. Я же не говорю, что это легко понять. Просто ты, наверное, слишком много времени потратил на то, чтобы разобраться в себе. И как раз это-то тебе и помешало в себе разобраться.

Ласа с улыбкой покачала головой:

–Вот теперь и я уже ничего не понимаю. Ты, зануда, давай-ка воду не мути и объяснять так, чтобы мы с Кором всё поняли.

Кор угрюмо кивнул:

–Да, Слав, ты нам мозги не пудри! Я знаю, что ты любишь рассказывать так, что до самого конца не понятно, в чём же дело. Так что давай-ка попонятнее нам говори!

Слав снова улыбнулся, поочерёдно посмотрев на жену и старого боевого друга:

–Ладно, я постараюсь. Кор, ты же всегда был сильным. Очень сильным. Я даже думаю, что ты был самым сильным человеком этого мира. А может, и обоих миров, в которых я жил. Но ведь даже при всей твоей силе ты намного уступал, например, Мароку. Или ты будешь с этим спорить?

Кор спорить не стал. Покачав головой, волкодлак сказал:

–Нет, не буду. Но теперь-то я сильнее Марока.

Победно улыбаясь, Слав кивнул:

–Так вот в этом-то всё и дело! Просто тебе много лет казалось, что быть сильнее, чем ты был тогда, просто невозможно! Но произошло то, что произошло, и ты стал волкод-

лаком. И сила твоя многократно увеличилась. Естественно, это стало для тебя сюрпризом. Думаю, что приятным. Но сила волкодлака, насколько мне известно, растёт постоянно. И только перед естественной смертью она несколько убывает. Ну, мне так Рявв говорил. Правда, естественной смертью волкодлаки почти не умирают. Они, как правило, погибают в боях. Но только потому, что становятся уже очень старыми. Но даже и при том, что их сила становится заметно меньше, они способны убивать врагов сотнями и тысячами. Я имею в виду людей.

Кор перебил друга:

–Ну, это всё я и без тебя знаю. Мне тролли про умерших волкодлаков всё рассказали. Я даже многие их имена знаю. Ты мне скажи, почему со мной-то всё так странно происходит?

Слав с усмешкой покачал головой:

–Да в том-то всё и дело, что с тобой ничего странного не происходит. Ну, если не считать того, что ты стал живым воплощением древних легенд моего мира.

Ласа улыбнулась и, укоризненно покачав головой, сказала:

–Слав, ты же обещал, что расскажешь всё спокойно. Без этих твоих закидонов. А тебя снова понесло.

Также улыгнувшись, Слав пожал плечами:

–Ну, так получилось. Я сейчас всё объясню. – Сморщив лицо так, словно у него заболел зуб, Слав ненадолго заду-

мался. – Я думаю, что тебе просто непривычно оттого, что твоя сила, та, что у тебя была, пока ты был человеком, теперь кажется просто смешной. Ведь та сила, что у тебя есть сейчас, намного превосходит всё, что ты мог себе представить, пока оставался человеком. Ну, а то, что твои силы растут постоянно, делает это и вовсе уж странным. Может, поэтому-то тебе и страшно. Но я тебя успокою, Кор. В том, что с тобой происходит, нет ничего странного. Помню, по молодости мне тоже постоянно казалось, что моя сила может свести меня с ума. Ну, и задумывался я не так часто, как теперь. Как говорится: «Сила – уму могила». Так это был я. То есть – всего лишь человек. А то, что происходит сейчас с тобой, думаю, в десятки раз сильнее того, что тогда происходило со мной. Да и был-то я далеко не так силён, как ты, например. Так что, Кор, думаю, тебе не стоит волноваться. И, как ты и сказал, тебе никогда не стать кем-то вроде сумасшедших оборотней, которыми так любят пугать друг друга различные фантазёры породившего меня мира.

Кор внимательно выслушал долгую тираду друга. А когда Слав замолчал, некоторое время обдумывал всё, что тот ему сказал. И по выражению его лохматого лица Слав и Ласа поняли, что тому пришлось по душе то, что он услышал. Потому что бугорки сведённых вместе бровей медленно расправились. Да и острые уши больше не порывались тесно прижаться к лобастой голове волка.

Глубоко вздохнув, Кор слегка хлопнул себя по бёдрам,

расставленным в стороны, так как ему, как и его друзьям, пришлось сидеть на сложенных на земле одеялах:

—Ну, ладно. Будем считать, что ты меня убедил. — Он рывком вскочил. Слав только и успел, что заметить быстрое, смазавшееся в воздухе движение волкодлака. Скорость Кора не могла не поражать. — Вы ложитесь спать. Охрану я беру на себя. И о вас, и о гномах с грифонами позабочусь. Отдыхайте.

И, едва сказав это, волкодлак выскользнул за полог шатра так быстро, что Слав с Ласой даже не успели ему ничего ответить. Они только растерянно переглянулись и почти одновременно пожали плечами. Ну, а что тут можно вообще сказать?

—

Солнце уже успело подняться над вершинами деревьев, когда отряд разведчиков Тобу поднялся в воздух. Весь штаб армии Тогета вышел их проводить.

Среди провожающих стоял и Кор в окружении нескольких орков и троллей. Волкодлак хмуро смотрел, как Слав и Ласа заняли места в сёдлах и поднялись над деревьями. После чего, развернувшись, исчез в лесу. Тролли и орки последовали за ним.

Слава пытались отговорить от разведывательного полёта. Но он непреклонно заявил, что должен сам увидеть всё, что происходит в захваченных гебулонами городах. Переубедить его никому не удалось. Точно так же не удалось ему переубе-

дить уже Ласу. Женщина сказала, что или она полетит вместе с мужем, или и ему придётся остаться в лагере. И Славу не осталось ничего другого, как согласиться с женой.

А вот Кору отказали в возможности сопровождать друзей в этом полёте. Причём, гномы сделали это в присущей им прямолинейной манере. То есть – они довольно-таки грубо заявили волкодлаку, что у них полностью укомплектованы экипажи. А это значит, что свободных мест у них ни для кого нет. На вопрос же Кора о том, можно ли кого-то из стрелков оставить на земле, гномы, с которыми он разговаривал, так на него посмотрели, что волкодлак поторопился оставить их в покое.

Полёт, как всегда, очень не понравился Славу. Причём, если иногда во время долгих перелётов ему всё же удавалось на какое-то время отвлечься от разверзающейся под ногами бездны, то на этот раз такого не произошло. К счастью, путешествие заняло не больше двух – трёх часов.

Как только стала видна полоса воды, означающая, что разведчики вот-вот окажутся вблизи моря, гномы приказали грифонам снизиться. При этом снижение животных пилоты остановили, когда до земли оставалось ещё довольно-таки далеко. Слав понял, что это сделано в целях безопасности. Ведь разведчики, летавшие здесь прежде, сообщили, что у гебулонов есть дальнобойные метательные орудия. И гномы приняли это в расчёт.

Город, который очень скоро раскинулся под крыльями

грифонов, поначалу показался совершенно пустым. Но, как только разведчики приблизились к центру, снизу до них донёлся громкий звук. Слав не понял, при помощи какого предмета гебулоны подали этот сигнал. Но он уверен, что это явно какой-то духовой инструмент. Труба или горн. Для Слава оба эти инструмента мало чем отличаются. Точнее – вообще ничем не отличаются.

А в том, что это какой-то сигнал, разведчики смогли очень скоро убедиться. Потому что город мгновенно наполнился бегущими куда-то зелёными фигурами гебулонов. А спустя несколько секунд на улицах, площадях и даже крышах особенно больших домов появились какие-то механизмы. Приглядевшись, Слав без особого труда узнал в них стреломёты.

Он уже собирался крикнуть своему пилоту, что нужно как можно быстрее набрать высоту, когда животное, распахнув крылья по максимуму, сделало несколько широких замахов. И при каждом из них животное воспаряло всё выше и выше. Седоки же каждый раз ощущали при этом лёгкое давление. И раскачивались в сёдлах примерно так же, как это происходит при езде на лошадях. Только покачивания оказались плавней и по значительно большей амплитуде. Как ни странно, но Славу это понравилось. Всё же к езде на лошадях он привык больше.

Посмотрев вправо, Слав с удивлением увидел, что и грифон, несущий Ласу, также начал подъём. Облегчённо выдохнув, он успел даже радостно усмехнуться. Но тут мимо него просвисте-

ло довольно-таки крупное копьё. Или стрела. Но настолько большая, что Слав воспринял её именно как копьё.

Схватившись за луку седла, человек наклонился вперёд и прокричал:

–Выше! Поднимайся выше! – После чего снова посмотрел в сторону грифона Ласы. – Выходи из-под обстрела!

Но все его крики оказались совершенно излишними. Потому что не только эти два грифона, но и все остальные животные, повинувшись командам пилотов, уже начали манёвр уклонения. А пролетающие рядом с ними копья только добавляли им прыти. Ну, а лёгкий посвист снарядов и вовсе заставлял торопиться.

К счастью, у гебулонов, видимо, ещё не было возможности попрактиковаться в стрельбе по летящим целям. Иначе невозможно объяснить, что разведчикам удалось выйти из-под довольно-таки плотного обстрела без потерь. Точнее – почти без потерь.

Один из грифонов получил ранение. Стрела поразила животное в лапу. Да так и застряла в ней. Видимо, мощности орудия не хватило, чтобы пронзить конечность грифона навывлет. Да и к счастью. Потому что, будь орудие достаточно мощным, снаряд мог бы, пронзив лапу животного навывлет, глубоко войти ему в живот. И тогда итог этого полёта закончился бы очень плачевно.

Но даже и это разведчики восприняли, как некое чудо. Ведь при том плотном обстреле, что вёлся по ним с земли,

всего лишь одно единственное ранение грифона иначе, как чудом, и назвать нельзя.

Правда, и это единственное ранение заставило сердце Слава болезненно сжаться. Точнее, – громкий болезненный клёкот грифона. Но в этом крике раненого животного Слав без труда расслышал не только жалобу. В клёкоте зверя легко проступил и громкий протест. Грифон словно бы решил заявить о том, что ранение вызвало в его душе гнев, равный боли от копья в пронзённой лапе.

Потребовалось около двух десятков мощных взмахов крыльев грифонов, чтобы выйти, наконец-то, из-под обстрела. Очень скоро выпущенные с земли снаряды перестали достигать той высоты, на которую поднялся весь летучий отряд. Слав даже смог заставить себя посмотреть вниз ещё раз, чтобы убедиться, что копья, достигнув максимальной точки их полёта, повинувшись закону притяжения, падают вниз. Впрочем, и в этом их падении Славу показалось что-то хищное. Там, внизу, эти самые снаряды, так и не сумев причинить вреда разведчикам, наверное, смогут найти для себя долгожданную жертву среди тех, кто и отправил их в это короткое, смертоносное баллистическое путешествие.

Может, копья всё же поразили кого-то внизу. Может – нет. Слав, да и остальные участники отряда не могли бы ничего сказать по этому поводу. Потому что грифоны торопливо уносили их прочь от города, который едва не стал последней точкой в их жизненном пути.

В первую очередь Слав убедился, что грифон Ласы благополучно покинул зону обстрела. После этого всё внимание он сосредоточил на том, чтобы понять, насколько серьёзно ранение единственного пострадавшего животного.

Но, как Слав ни старался, понять что-либо во время полёта оказалось невозможно. Единственное, что он смог рассмотреть, так это стекающая по древку копья струйка крови, которая очень даже красиво развеивалась под напором набегавшего ветра.

Правда, очень скоро Слав увидел кое-что, что заставило его слегка занервничать. Дело в том, что раненый грифон уже через полчаса полёта начал проявлять признаки беспокойства. И с каждой минутой пилоту приходилось прилагать всё больше и больше усилий для того, чтобы удержать животное в повиновении.

Ещё через несколько минут Слав понял, что, похоже, грифон вот-вот вовсе выйдет из повиновения гному. А это могло грозить гибелью не только ему, но и сидящим за его спиной стрелкам. Слав решил действовать.

Для начала Слав заставил себя наклониться вперёд настолько, чтобы дотянуться до спины сидящего перед ним пилота. И, когда гном удивлённо и, как это часто бывает с представителями этой расы, сердито на него посмотрел, приказал:

–Подлети вот к нему! – Он вытянул руку в направлении раненого грифона. – Я хочу на него перебраться.

Слав никогда не делал тайны из того, что он не очень-то любит полёты. А зачем? Ведь лгать близким – просто глупость, не говоря уже о том, что это невероятная подлость. Вот Слав никогда и не пытался доказывать, что полёты ему нравятся.

Но даже если бы ему и вздумалось обмануть кого-то, выказав себя любителем полётов на грифонах, в отношении пилотов у него это, скорее всего, просто не получилось бы. Гномы, всю свою жизнь посвятившие дрессировке этих царственных животных, конечно же, с лёгкостью раскрыли бы этот обман. Даже если бы Слав, усаживаясь в седло, или уже покидая его, постоянно улыбался или же рассказывал бы о том, как ему не терпится вновь поскорее оказаться в поднебесье, любой пилот довольно-таки быстро понял бы, что перед ним обычный обманщик. Нельзя долго обманывать кого-то, если этот кто-то всей душой любит то, в отношении чего лжец говорит неправду.

Но всё это – лишь лирическое отступление. Ладно, – не совсем лирическое.

Всё дело в том, что Славу даже и в голову никогда не приходила мысль о том, что нужно кому-то лгать и говорить о том, что он любит летать на грифонах. Да, иногда он, забывшись, начинал даже наслаждаться полётом. Но всё это могло занимать лишь непродолжительные отрезки времени. После чего Слав, опомнившись, снова начинал с подозрением

смотреть в разверзшуюся под ногами бездну.

Слав никогда не говорил, что полёт нравится ему, например, так же, как его жене. Поэтому-то ни для кого давно уже не является тайной подобное его отношение. В том числе – и для пилотов.

И по тому, как изменился взгляд пилота, который тот обратил на Слава, сразу же дал понять человеку, что и этот гном отлично осведомлён о его чувствах в отношении полётов. На какое-то время пилот даже потерял дар речи. И только спустя несколько секунд, сумев, видимо, сообразить, что то, что он только что услышал, не является плодом его воображения, что это не игра ветра с его слухом, спросил:

– Ты уверен?

Слав заставил себя кивнуть:

– Да, уверен. – Вот на этот раз он солгал. – Давай побыстрее!

Гном неуверенно кивнул. После чего, отдав все необходимые команды, заставил грифона подняться ещё выше. В ответ на вопрошающие взгляды, которые в их сторону бросали другие пилоты, гном успокаивающе махал руками. Видимо, этот жест имеет для пилотов какое-то определённое значение. Потому что, как только гном сделал это, остальные тут же успокоились и продолжили полёт, не меняя курса. И высоту они также сохранили, что и позволило грифону Слава, сделав несколько мощных взмахов крыльями, подняться чуть выше остальных.

Слав демонстративно не смотрел в сторону грифона Ласы. Не потому, что жена могла потребовать от него ответа. Ей трудно было бы это сделать, находясь на спине другого животного, отделённой к тому же от мужа воздушной бездной. Просто Слав опасался, что сам вид Ласы может вынудить его передумать. И он не сможет заставить себя совершить тот поступок, на который решился.

А поступок, на который отважился Слав, иначе, как безумным, назвать нельзя. Ну, или его можно отнести ещё к разряду самоубийственных. Подобрать ещё какое-то определение Слав так и не смог. А вот слова «безумный» и «самоубийственный» очень даже охотно родились в его мозгу.

Пилот, умело отдавая команды, заставил грифона занять позицию над раненым животным. И, как только их полёты выровнялись, гном посмотрел назад. Слав увидел в его глазах сомнение, смешанное с уважением. Гном спросил:

–Ты точно уверен?

Нервно сглотнув, Слав солгал уже во второй раз:

–Да, я уверен. Держи этот курс и не вздумай менять высоту!

Гном кивнул и, слегка задержав на человеке взгляд, в котором уже осталось одно только уважение, отвернулся.

Слав с трудом заставил руки повиноваться. А они явно не хотели делать то, что он им приказывал. Славу потребовалось значительно больше времени, чем обычно, чтобы растянуть застёжки страховочных ремней.

Шумно переведя дыхание, что во время полёта Слав мог себе позволить (ведь никто этого не увидит и не услышит), он на несколько секунд остановился, чтобы собраться с мыслями.

—Ну, Яр, ты совсем с ума сошёл! — Тихо, с шипением сказал он сам себе. И только теперь заставил себя посмотреть вниз.

—
Слав постарался сделать всё возможное, чтобы его взгляд не соскальзывал с летящего под ним грифона. Безуспешно. Глаза словно бы приобрели собственную волю. И они, как будто повинуюсь инстинкту самосохранения, желая сберечь жизнь всему телу, частью которого они являются, прямо-таки впились в картину медленно плывущего далеко внизу леса. Глаза словно пытались сказать: «Опомнись! Ведь ты точно упадёшь! А после падения с такой высоты от тебя не останется даже и мокрого пятна!».

Слав тихо прошептал:

—Ерунда. Пятно-то точно останется.

Если бы кто-нибудь смог увидеть в этот момент лицо Слава, он несказанно удивился бы тому, что увидел. Ведь на бледных губах Слава заиграла улыбка. Наверное, тот, кто его увидел бы, решил бы, что Слав сошёл с ума. Тем более, если взять в расчёт то, что он собрался сделать.

Но Слав не сошёл с ума. Хотя и понимал, что его поступок — безумен. Но его сознание, как ни странно, в этот момент

словно бы очистилось от всего лишнего.

Просто Слав понял, что он пытается говорить со своими глазами. И эта мысль показалась ему настолько безумной, что заставила его развеселиться. Да и как Славу было оставаться серьёзным, если он только что пытался убедить часть своего тела в том, что при падении с этой высоты (около трёх текков) от него обязательно что-нибудь, да останется. Во всяком случае, его близким найдётся, что положить на Кроду.

Видимо, именно эта мысль и заставила Слава на время забыть о том, что его идея может привести к смерти. К его смерти.

Правда, даже в этом состоянии некоторой эйфории Слав понял, что это не продлится долго. Что очень скоро его тело снова скуёт от осознания того, что под ним – бездна. Поэтому он заставил себя поторопиться.

Одной секунды Славу хватило, чтобы оценить создавшееся положение. Он успел во всех деталях рассмотреть летящего под его ногами грифона. Слав увидел и ярко расцвеченные жёсткие перья крыльев, на которых солнечные лучи радостно играли всеми известными человеческому глазу красками. Он увидел и сидящих в сёдлах гномов. Всех трёх. При этом пилоту, кажется, становилось всё труднее и труднее управлять раненым животным. Остальные же два подгорных воина словно бы окаменели, стараясь лишним движением не спровоцировать грифона на какой-нибудь необ-

думанный поступок.

Слав даже рассмотрел мельчайшие детали упряжи: все эти шлеи, луки сёдел, поводья, которые пилоту пришлось взять в руки (хотя обычно они спокойно лежат перед гномом), все эти пряжки и страховочные ремни.

Увидев страховочные ремни там, внизу, на расстоянии нескольких метров, Слав вспомнил о собственном, единственном, который он не отстегнул.

Нервно сглотнув внезапно пересохшим горлом, Слав проверил прочность страховочного ремня. Самого длинного из всех, который предусмотрительные гномы закрепили на упряжи на тот случай, если кому-нибудь из стрелков придётся заменить раненого или даже убитого пилота. Ремень, конечно же, оказался в полном порядке.

Шепнув себе под нос: «Лишь бы выдержал», Слав снова посмотрел вниз. Только на этот раз он заставил себя свеситься как можно ниже, чтобы удостовериться наверняка, что грифон летит как раз над раненым собратом. Но, как только он это сделал, Слав тут же об этом пожалел. Потому что увиденное убедило человека в том, что у него больше нет времени на колебания.

А ещё хотя бы немного поколебаться так хотелось!

Угрюмо покачав головой, Слав даже зарычал:

–Чёр-р-рт! Вот же!..

Словно ныряя в омут вниз головой, Слав перекинул ногу через седло, показавшееся таким уютным в этот момент, как

будто он же сам не считал этот предмет едва ли не самым опасным местом этого мира всего каких-то полчаса назад. Шумно выдохнув, стараясь не обращать внимания на лес, плывущий далеко-далеко внизу, судорожно цепляясь внешне онемевшими пальцами за ремни и нашитые кожаные клапаны, Слав начал медленно спускаться. Но при этом он постоянно твердил себе, что нужно поторопиться. Что, если он промедлит, то вся его затея рискует превратиться в пустую трату времени, сил и нервов.

Спустившись чуть ниже, Слав понял, что пришло время разжать пальцы. Иначе он никак не сможет оказаться на спине летящего ниже раненого грифона. Человек ещё раз посмотрел вниз.

И снова тут же об этом пожалел. То, что Слав увидел, заставило его сердце забиться так судорожно, что ему показалось, что грудная клетка просто напросто не выдержит.

Но на этот раз не разверзшаяся под ногами бездна напугала Слава. Хотя и эта картинка не добавила ему оптимизма. Но дело на этот раз было точно не в высоте.

Слав понял, что попасть на спину раненого грифона будет гораздо сложнее, чем он это представлял. Естественно, сама по себе эта операция вряд ли подпадала под разряд лёгких. Но тут дело осложнилось ещё и тем, что полёты двух животных оказались не очень-то синхронными. Точнее – совсем не синхронными.

Нет, пилот Слава оказался на высоте. Его грифон, пови-

нуясь командам, уверенно держал заданный курс, сохраняя при этом и высоту. Но вот раненое животное под ногами Слава, похоже, всё больше и больше выходило из повиновения правящего им гнома. Во всяком случае, его полёт становился всё более и более неуправляем.

Слав подумал, что гном, скорее всего, тоже не менее опытен и сведущ в полётах и дрессуре, чем его пилот. Просто раненый грифон, видимо, всё больше и больше распалялся. Кажется, нрав этого животного оказался намного более вспыльчив, чем гномы предполагали.

Наверное, грифон не простил той боли, что причинили ему какие-то жалкие букашки, обречённые всю жизнь бегать по земле. И он, будь его воля, скорее всего, тут же отомстил бы им за то, что те посмели мешать его царственному полёту. А гном его не пускал. Вот поэтому-то полёт грифона и превратился в жуткую скачку в поднебесье. И с каждой секундой эта скачка становилась всё более безумной.

Грифон, не желая повиноваться командам пилота, явно жажда отомстить своим обидчикам, постоянно порывался развернуться. При этом животное вело себя примерно так же, как закусившая удила лошадь. Оставалось только удивляться тому, что пилоту всё же удаётся удерживать питомца в повиновении. Правда, Слав не рискнул бы назвать это повиновением.

Грифон порывался то завалиться на одно крыло, чтобы сделать плавный разворот на сто восемьдесят градусов. То

он пытался сложить крылья, явно собираясь рухнуть вниз. Наверное, таким образом грифон собирался избавиться от помехи в виде сидящего на его спине пилота. То животное начинало загонять под себя кубометры воздуха, явно желая подняться выше.

Глядя на эту жуткую пляску вышедшего из повиновения грифона, Слав невольно подивился тому, что пилоту до сих пор каким-то чудом удаётся пресекать все попытки животного избавиться как от него, так и от сидящих за его спиной стрелков. Подумав о стрелках, человек успел удивиться ещё и тому, что оба они всё ещё смогли остаться в седле. Ведь по всему было бы логичнее увидеть их болтающимися на длинных страховочных ремнях под животом грифона.

Слав угрюмо усмехнулся, представив, что это он сейчас будет висеть на одном единственном страховочном ремне, и... разжал пальцы.

Кажется, Слав услышал испуганный крик Ласы. А может, ему это показалось. Он постарался сосредоточить всё внимание на предстоящей задаче.

Сидящему внизу гному с каждой секундой становилось всё тяжелее и тяжелее удерживать взбесившегося грифона в повиновении. И это многократно усложнило задачу Слава. Настолько сложным теперь показалась ему вся операция, что пришлось отбросить в сторону даже сравнение с закусившей удила лошадыю. Потому что грифон, в отличие от коня, ме-

тался в стороны не в двух, как на земле, а в трёх плоскостях одновременно.

Наступил момент, когда Слав понял, что, если ему всё же каким-то чудом удастся перебраться на спину раненого животного, то это ещё не будет концом той задачи, которую он перед собой поставил. Человек осознал, что, как только это произойдёт, ему тут же придётся отцепить свой страховочный ремень. Иначе следующий же рывок грифона в сторону или вниз оторвёт его, Слава, от заветной цели.

Один из безумных манёвров грифона поднял того настолько высоко, что ноги Слава коснулись его спины. Точнее – седла. Как раз между пилотом и первым стрелком. Именно там, куда Славу и следовало перебраться. Решив, что упускать такой удобный случай всё же не стоит, потому что второго может и не быть, человек быстро выдернул из ножен подаренный много лет назад Гракхом кинжал и лёгким прикосновением перерезал страховочный ремень.

Снова до ушей Слава донёсся испуганный крик жены? Или на этот раз его наполнил ещё и гнев? Или он тоже всего лишь слышался Славу, как и тот, первый?

Плевать! Может, Ласа и в самом деле что-то кричала, но это сейчас не имеет никакого значения. Слав изо всех сил вцепился пальцами в упряжь раненого грифона.

Перед взором человека мелькнули испуганные глаза стрелка. Гном, правда, смог быстро прийти в себя и с такой силой вцепился в одежду Слава, что тот даже слегка успоко-

ился. Но, как оказалось, успокаиваться ему явно не стоило.

Наверное, падение человека на спину каким-то образом ещё больше вывело грифона из себя. Возможно, ему просто не понравилось, что на него свалился лишний вес. А он, получив ранение, и без того уже порядком вымотался. И, конечно же, грифон решил проявить охватившее его недовольство.

К счастью, пилот, даже не зная, что к нему на помощь пришёл Слав, невольно его предупредил об опасности. А точнее, – гном что-то прокричал. И, хоть Слав и не смог разобраться, что именно (его знание языка подгорного племени пока ещё не достигло такого уровня), он расслышал в этом крике предостерегающие нотки. Человек постарался ещё сильнее сжать и без того уже занемевшие пальцы. Вовремя.

Грифон, уже не реагируя на команды пилота, решительно сложил крылья. Животное рухнуло вниз настолько стремительно, что Слава оторвало от седла. На какой-то миг человек даже испытал невесомость. Но уже через мгновение его с силой потащило вниз. Туда, куда падали грифон с сидящими на его спине гномами.

Ветер со свистом налетал навстречу. Он словно бы пытался оторвать судорожно цепляющегося Слава, чтобы швырнуть его далеко в сторону от стремительно несущегося к пока ещё далёкой земле грифона. Гном, который помог человеку остаться на спине животного, попытался ободряюще улыбнуться сквозь густую бороду. Получилось не слыш-

ком-то уверенно. Но, тем не менее, даже эта неумелая улыбка вселила в душу Слава некоторую надежду. И он улыбнулся в ответ. А падение тем временем набирало скорость. И ветер всё сильнее и сильнее свистел в ушах.

Снова подумав о парашютах, Слав попытался усесться рядом со стрелком. И, хоть это оказалось и не легко, и уж тем более – тесно, но человек и гном всё же смогли поместиться в одной ячейке трёхместного седла. При этом Слав воздал хвалу предусмотрительности подгорных жителей, создавших настолько широкие отделения для стрелков.

Как только человек оказался в одной с ним ячейке, гном начал торопливо вытаскивать петлевою лестницу из сумы, чтобы при её помощи закрепить Слава в седле. Но тот, с трудом оглянувшись, покачал головой, дав понять, что этого делать не стоит. На немой вопрос, застывший в глазах стрелка, Слав крикнул:

–Некогда!

Кажется, даже сквозь всё нарастающий свист ветра гном смог услышать то, что ему крикнул Слав. Во всяком случае, он угрюмо кивнул. Но всё же решил, что сделает всё возможное, чтобы обезопасить человека. И он снова с силой вцепился короткими корявыми пальцами в одежду человека.

Или Славу показалось, или над его головой промелькнула какая-то тень? Слав постарался отогнать ненужные сейчас мысли и сосредоточить всё своё внимание на завершении взятой им на себя миссии.

Перегнувшись в седле так, что ему стала отлично видна картина стремительно приближающейся земли, Слав с трудом дотянулся до неприкрытого седлом участка шкуры грифона. Пока он сосредотачивался на том, чтобы установить контакт с животным, ему на глаза попалось лицо второго стрелка, на которого до этого почему-то не падал его взгляд. То, с каким выражением надежды посмотрел на него в ответ гном, едва не заставило Слава рассмеяться. Похоже, второй стрелок всю свою жизнь в этот момент готов был отдать на волю этого вот человека с лапой волка. Что ни говори, но это выглядело довольно-таки смешно. Потому что Слав, в отличие от этого гнома, вовсе не надеялся на успех его затеи. Во всяком случае, мысленно он уже приготовился к смерти.

Но всё это заняло не больше нескольких секунд. Которых, впрочем, вполне хватило для того, чтобы земля стала намного ближе. И в этот момент грифон, видимо, осознал, что падение пора прекращать. Иначе он рисковал уже не выйти из этого затянувшегося пике.

Слав услышал громкий хлопок так близко, что на какое-то время у него даже заложило уши. Как будто кто-то выстрелил из ружья прямо у него над затылком. Но осознание того, что этот звук сопутствовал расправлению крыльев грифона, пришло чуть позже. После того, как ему пришлось справиться с навалившимися на него перегрузками. На секунду у Слава даже потемнело в глазах. Но, как только кровь отлила от головного мозга, зрение прояснилось, и человек увидел,

что деревья стали заметно крупнее.

По сути, грифон вовремя решил выйти из смертоносного пике. Иначе оно точно закончилось бы гибелью как животного, так и всего экипажа. Вместе со Славом, конечно же.

Падение, естественно, остановилось далеко не сразу. Это же не кино, в котором падающий самолёт тут же выравнивает положение в воздухе, как только кто-нибудь потянет штурвал на себя. На всё нужно время. Потребовалось оно и для того, чтобы скорость падения, возросшая за время стремительного снижения, замедлится. И к тому времени, когда полёт грифона выровнялся, макушки деревьев мелькали всего в каких-то двух-трёх десятках метров внизу. А Слав успел понять, что занятое им положение вообще никак не подходит для перегрузок.

Затянувшийся манёвр заставил кровь так плотно собраться в мозгу Слава, что её шум в ушах не прекращался ещё долго и после того, как полёт грифона выровнялся, а его крылья начали постепенно поднимать животное вверх, загоняя под него всё новые и новые массы воздуха. Но всё это время человек не прекращал попыток установить связь с раненым существом. И, наконец, ему это удалось.

К удивлению Слава то пятно боли, которое он мысленным взором увидел в лапе раненого грифона, оказалось очень мало. И его коричневое, с золотым отливом свечение, наверное, именно поэтому оказалось так тяжело найти. Да ещё

и гнев, почти полностью захвативший сознание животного, внёс дополнительные помехи в задачу Слава.

Именно гнев, а не боль, заставил грифона выделять все те немислимые кульбиты в воздухе, которые в итоге чуть не привели к гибели его самого, трёх гномов и одного человека. И, как показалось Славу, животное всё ещё не отказалось от мысли отомстить. Да, именно – от мысли. Слав понял, что мнение гномов о своих царственных питомцах, как о частично разумных существах, не совсем точно. Грифоны, как только что понял человек, очень даже разумны. Правда, не настолько, чтобы создать достаточно сложное общество, которое позволило бы заявить о них, как о развитой цивилизации.

Но всё это Слав отметил лишь мельком, за сотую долю секунды. Основную же часть сознания он направил на то, чтобы погасить даже ту смехотворную боль в раненой лапе грифона, что заставила животное выйти из себя.

На то, чтобы заставить всю эту боль перетечь ему в руку, Славу потребовалось всего-то несколько секунд. И это, похоже, подействовало. Потому что грифон стал гораздо охотнее повиноваться командам пилота. И даже стал медленно набирать высоту, чтобы примкнуть к парящим в вышине сородичам.

Выпрямившись, Слав постарался сесть удобно настолько, насколько это вообще возможно, когда приходится делить ячейку стрелка с гномом. Тот охотно помог человеку занять

более комфортное положение, втянув его за одежду.

Выпрямившись, Слав рукавом вытер выступивший на лбу пот и огляделся. Чувство огромного облегчения и радости от выполненной им задачи тут же улетучилось. Потому что сзади раненого грифона Слав увидел второе животное, с которого на него со злостью (и со страхом) смотрела Ласа.

В памяти тут же всплыли те громкие крики, что сопровождали каждое рискованное действие Слава. И он понял, что после приземления ему, кажется, придётся несладко. Уж чего-чего, но того, что позволил себе Слав во время полёта, жена ему точно не простит.

Постаравшись поскорее забыть о предстоящей расплате, Слав занял более подходящее положение. То есть, – он развернулся лицом вперёд. И тут же наткнулся на удивлённый взгляд пилота.

Хотя, правильной, наверное, взгляд гнома, который тот обратил на человека, следовало бы назвать поражённым. И Слав, конечно же, без труда понял, почему.

Ведь всё это время пилот вёл тяжёлую борьбу за спасение четырёх жизней. Он же и понятия не имел, что борется не за четыре, а за пять жизней. Но как раз это незнание и позволило ему сосредоточить всё своё внимание, весь многовековой опыт пилота именно на этой задаче. Ведь если бы гном знал, что сзади него идёт примерно такая же по накалу борьба, вполне возможно, что он повёл бы себя иначе. Например, постарался бы сделать всё возможное, чтобы грифон не со-

вершал настолько резких манёвров, которые могли бы выбросить Слава из седла. И как раз такое поведение могло бы стоить всем им жизни.

Улыбнувшись, Слав указал рукой вперёд:

–Чего пялишься? На дорогу смотри!

Гном несколько раз растерянно моргнул. После чего, тесно сдвинув брови, спросил:

–На какую ещё дорогу?

Слав отнёс такое странное поведение на удивление пилота. Поэтому, снова улыбнувшись, пояснил:

–Говорю, правь лучше. А то кто же его знает, может, он снова что-нибудь выкинуть захочет!

Поняв, что речь идёт о его воспитаннике, гном кивнул:

–Ладно! Когда прилетим, поговорим!

Слав тоже кивнул:

–Вот и добро! А пока хватит болтать!

Пилот тут же отвернулся. Стрелок же тронул человека за плечо. И, когда тот повернулся, с улыбкой сказал:

–Он не любит, когда с его грифоном что-то происходит без его ведома. Ты даже не представляешь, как он над нами командует.

Криво усмехнувшись, Слав ответил:

–И правильно делает! На то он и пилот, чтобы вами, стрелками, командовать! На то и дисциплина нужна!

Тяжело вздохнув, гном согласился:

–Наверное, ты прав. Но это теперь и тебя касается. Ему, –

он кивнул вперёд, хотя перед ним сидел сам Слав, – кажется, не понравилось, что ты к нам на головы свалился. И он обязательно тебе выволочку устроит.

Слав пожал плечами:

–Имеет полное право. Вот только мне, как и ему, тоже не понравилось, что мне пришлось к вам на головы падать. Я лучше и дальше бы летел на своём грифоне. А тут мне что-то тесновато.

Гном с готовностью предложил:

–Я могу назад перебраться! Мы там спокойно поместимся. А тебе зато тут посвободнее станет.

Слав с сожалением покачал головой:

–Не стоит. Благо дарю, конечно, но оно того не стоит. Поверь мне.

Стрелок не стал настаивать. Кажется, он воспринял ответ Слава даже с облегчением. И тот не стал его за это винить. Ведь он и сам только что вынужденно покинул удобное седло, чтобы повиснуть над бездной. И уж чего-чего, но такого он точно никому не пожелает.

Остаток пути пролетел (странное выражение для странствования на грифонах) как-то подозрительно быстро. Слав подумал, что такое восприятие времени стало возможным после пережитого им стресса. И в самом деле, обычно полёты вызывали в его душе малоприятные эмоции. За редким исключением, конечно же. Но на этот раз Славу даже понравилась та часть полёта, что он проделал на грифоне после

головокружительных кульбитов в поднебесье.

Да, наверное, иначе-то и быть не могло. Поскольку всё теперь Слав воспринимал исключительно в сравнении с тем, что ему пришлось пережить. Ну, что страшного в том, что грифон вновь поднялся на высоту в несколько текков? Да после того, как Слав недавно перепрыгнул с одного животного на другое на этой же самой высоте, – всё просто меркнет!

Во время приземления не обошлось без накладок. Но все заранее приготовились к любым, даже самым неприятным сюрпризам. Поэтому обошлось без серьёзных травм. А синяки и ссадины – не в счёт.

—

Естественно, раненому грифону уступили первую очередь на посадку. Надо отдать должное пилоту, – он смог профессионально завести животное на снижение. И плоскость этого снижения закончилась как раз над площадкой, которую плотно обступили встречающие разведчиков воины.

С силой загоняя под себя воздух, грифон привычно завис. Встречающие только теперь рассмотрели, что на спине животного не три, а четыре пассажира. Люди, тролли и орки стали активно жестикулировать, видимо, обсуждая причины, побудившие Слава перебраться на спину этого грифона. И уже через секунду некоторые нашли эту причину. Во всяком случае, Слав увидел, что воины стали вытянутыми руками указывать на грифона. Точнее – на нижнюю часть его тела. Из этого Слав сделал вывод, что воины увидели за-

стрывшее в лапе животного копьё.

Перед тем, как грифон коснулся земли, пилот, полуобернувшись, крикнул:

–Приготовьтесь!

Слав и оба стрелка послушно «приготовились». Хотя, что они могли сделать? Просто – ждать. Ждать, чем закончится этот запоминающийся полёт.

Сначала грифон коснулся земли задними лапами. Тут всё прошло, как по маслу. Но уже в следующее мгновение животное попыталось опереться на раненую лапу.

Видимо, пилот всё же не достаточно надёжно закрепил свои ремни на остатках «страховочного жилета» Слава. Потому что человек вылетел из седла, как только грифон резко поднялся «на дыбы». Боль, пронзившая лапу бедолаги, оказалась настолько сильной, что животное не смогло сохранять спокойствие. Но всё это Слав понял уже потом. После того, как пришёл в себя. А до того момента он успел пролететь несколько метров. А во время этого позорного для любого всадника полёта Слав успел увидеть поистине сказочную картину вставшего на дыбы грифона.

Человек во всех деталях рассмотрел изогнутую шею крылатого красавца. Увидел, что белоснежные перья на этой шее вздыбились примерно так же, как это происходит у кошек, когда те злятся. Протестующий гневный клёкот грифона яснее ясного сказал всем окружающим, что животное не в восторге от того, что с ним произошло. Крылья животного на-

чали с силой бить воздух. Причём, видимо, из-за приступа охватившей его ярости грифон не смог правильно рассчитать силы. Отчего едва не упал на спину. Что, конечно же, могло бы стоить жизни сидящим на нём гномам.

К счастью, грифон смог устоять на задних лапах. Только начал с силой размахивать хвостом. Наверное, грифоном в этот момент руководили инстинкты. Потому что соотношение хвоста к остальному телу вряд ли позволило бы использовать его в качестве балансира. Скорее уж, основную роль в восстановлении равновесия сыграли крылья и мышечная масса животного.

На последнее Слав даже мог бы поспорить. Ведь он отлично рассмотрел едва ли не каждую мышцу грифона. Все они слишком явственно проступили сквозь его золотую кожу. Как на спине с боками, так и на лапах. В общем, Славу даже понравилось то, что он увидел. Точнее, то, что он успел увидеть до того, как с силой ударился о землю и потерял сознание.

Пришёл Слав в себя уже в шатре. Первое, что он почувствовал, – на него брызгают воду. Хотя правильнее было бы сказать, что воду на него лили. Потому что Ласа, набрав в ладонь воду из серебряного кувшина, тут же выплёскивала её на лицо мужа, делая при этом странные пассы пальцами. Видимо, этим женщина хотела показать, что она именно брызгает водой, а не льёт её ручьями.

Глядя в слегка испуганные глаза жены, Слав с улыбкой

спросил:

–С грифоном всё в порядке?

Из-за плеча Ласы выглянуло волчье лицо Кора. Насмешливо оскалив блестящие клыки, волкодлак сказал:

–На твоём месте я лучше о себе заботился бы. Ласа сказала, что она из тебя всю душу вытрясет.

Слав снова посмотрел в бесконечно прекрасные глаза жены. В её испуганные глаза. Страх в которых, конечно же, всего лишь ширма. А за ним, за этим страхом (неподдельным, конечно же), прячется кое-что другое. А именно – любовь.

Привстав, хотя голова от этого простого движения и закружилась, а к горлу подкатила неприятно-тёплая волна тошноты, Слав взял в ладонь прохладную, влажную руку жены. Медленно поднёс её к губам и поцеловал. После чего виновато улыбнулся:

–Ласочка, милая, ты меня извини. Но у меня просто не было другого выхода. Не мог же я оставить гномов в беде. Ведь грифон и в самом деле мог...

Улыбнувшись задрожавшими губами, Ласа попыталась сказать:

–Да я всё понимаю. Просто...

Но тут из её глаз потекли слёзы. Причём Слава поразило то, с какой силой они хлынули из этих прекрасных глаз. У него даже сложилось ощущение, будто эти слёзы копились там довольно-таки продолжительное время. И только и ждали благоприятного момента, чтобы прорвать возведённую

волей женщины плотину.

Посмотрев по сторонам, Слав увидел, что в шатре, оказывается, собралось довольно-таки много воинов. Причём, среди орков, троллей и гномов Народа затесалось немалое количество и офицеров Тогета.

Остановив взор на лице Кора, Слав попросил:

–Выведи их всех отсюда. И поскорее.

Метнув быстрый взгляд на поникшую голову Ласы, Кор едва заметно кивнул в её сторону. Слав с готовностью подтвердил догадку друга, также едва заметно качнув головой. Тогда Кор, издавая рычащие звуки, объявил:

–Всё! Выходим все из шатр-ра! Быстр-ро! Иначе глотки всем пор-рву!

Никому не захотелось проверять, насколько именно реально обещание волкодлака. Только офицеры Тогета слегка замешкались. Но, увидев, что гномы, орки и даже тролли довольно-таки быстро, если не сказать – суетливо, торопятся покинуть шатёр, также поспешили к выходу. На какое-то время в дверях образовался затор. Впрочем, Кор быстро его ликвидировал, слегка подтолкнув ближайших к нему воинов.

Слав не смотрел на то, как Кор освобождал шатёр от посетителей. Он только услышал, что воины, оказавшись снаружи, видимо, повалились в кучу. Потому что до его слуха донеслись лязганье доспехов и приглушённая ругань. Несколько слов кто-то сказал по-русски. Наверное, кто-то из троллей

решил выплеснуть отрицательные эмоции при помощи мата.

Осторожно, словно величайшую драгоценность в мире (хотя Слав и считает, что это как раз и есть ценнейшее, что он когда-либо видел), он взял мокрое от слёз лицо Ласы в ладони. Приподнял его так, что стали видны дрожащие от сдерживаемых рыданий губы. И, больше не в силах видеть мучения любимой, припал губами к этим дрожащим губам. Ощутил солёный привкус слёз. После чего, охваченный чем-то настолько сильным, что он даже не попытался бы найти достаточно точное определение этому чувству, Слав прижал жену к себе. И, стиснув её в объятиях, застыл, ожидая, пока буря внутри его груди утихнет до такой степени, чтобы стало возможным говорить.

Но первой заговорила Ласа.

Видимо, и женщиной в этот момент владели очень сильные чувства. Потому что речь Ласы постоянно прерывалась сдерживаемыми рыданиями. И каждое всхлипывание любимой с невероятной силой било по натянутым нервам Слава.

—Я испугалась, Слав. Я очень испугалась. Я думала, что вот-вот тебя потеряю.

Славу пришлось дожидаться, пока спазм в горле, мешавший говорить, пройдёт. Но всё равно и его речь оказалась прерывистой, когда он ответил:

—Ласочка, милая, да что со мной станется-то? Ведь ты же даже смогла меня из другого мира вытащить. Не для того же, чтобы я теперь тут разбился. Ведь у меня есть самый силь-

ный в мире оберег. И это – твоя любовь. Да разве же её смогут пересилить какие-то там законы физики! Да по сравнению с твоей любовью этот хренов закон всемирного тяготения просто ничто! Ласочка, пока ты меня любишь, меня и смерть не возьмёт.

Хоть Слав и не видел лица Ласы, когда та заговорила, он с готовностью поспорил бы, что женщина улыбается.

–Ерунда, конечно. Ну, то, что ты только что сказал. Ты же сам не раз говорил, что любовь – дело хорошее, но и доспе-хами брезговать не стоит. Я это отлично запомнила. Но всё, что ты мне тут только что наврал, очень даже красиво. Можешь даже как-нибудь потом мне ещё разок про это наврать.

И только после этого Слав нашёл в себе силы, чтобы посмотреть жене в глаза. В её мокрые от слёз, но уже повеселевшие глаза.

—

В шатёр Тосала Слав вошёл с уже смеющейся над его не слишком-то умелыми шутками Ласой. Кор, шедший за ними следом, только и мог, что скалить клыки с каким-то странным выражением на лохматом лице. Кажется, даже волкодлак, знающий Слава и Ласу едва ли не лучше всех остальных, не прекращал удивляться тому, что другу удалось так легко отделаться. Ведь он-то, да, собственно, как и все остальные, полагал, что Славу непременно достанется от Ласы так, что тому придётся не один день приходить в себя. Но теперь выяснилось, что этим двоим, похоже, гораздо легче догово-

риться, чем это можно было представить.

Генерал встретил Слава, Ласа и Кора довольно-таки приветливо. Предложил всем троем сесть к столу. Приказал поставить перед каждым кубок с вином (золотой) и тарелку (тоже – из золота) с аккуратной, аппетитно разложенной на них едой.

Гости приглашение к столу, конечно же, приняли. Кубки, убедившись, что в них вино, отставили от себя подальше. Причём, сделали это настолько демонстративно, что генерал тут же велел заменить напиток. Пока вино выливали (или выпивали), гости принялись за еду. И за считанные мгновения содержимое тарелок Кора и Слава превратилось в жалкие останки. Оба безжалостно разорили с таким старанием созданное произведение искусства из поджаренного до румяной корочки мяса, золотистой картошки, зелени и запечённых в золе костра яиц с яркими, словно крохотные солнышки, желтками. Ласа отнеслась к содержимому стоящей перед ней тарелки гораздо более щадяще. Женщина неторопливо ела, когда проглотившие свои порции мужчины уже начали голодными глазами обшаривать опустевший стол.

Генерал не стал мучить гостей долгим ожиданием. Хлопнув в ладоши, он приказал принести ещё еды. А Кор, видимо, не надеясь на догадливость слуг, крикнул им вслед:

–И мяса побольше тащите!

Генерал приказал всем лишним покинуть шатёр. И, когда в помещении остались только он и трое его гостей, с укориз-

ной посмотрел Славу в глаза и, покачав головой, сказал:

–Мне сообщили о том, на какое безрассудство ты пошёл во время полёта. Слав, ты, конечно же, можешь мне не верить, но я был бы очень опечален, если бы ты погиб. Поверь, я считаю тебя самым выдающимся человеком нашего мира. И очень не хочу, чтобы с тобой случилось что-нибудь плохое. Думаю, что для всех нас будет лучше, если впредь ты не станешь принимать участия в разведывательных полётах. Уверен, что твои близкие со мной согласятся.

Ласа, изящно отправив в рот крохотный листочек салата, с благодарной улыбкой посмотрела на генерала:

–Благо дарю, Тосал, но вряд ли он тебя послушает. Да и меня с Кором он тоже слушать не будет. Но я всё равно благодарна тебе за всё, что ты только что сказал.

Вошедшие слуги принялись деловито расставлять на столе новые тарелки с разложенными на них сочными, поджаренными кусками мяса. Как только тарелку опустили перед Кором, тот, поведя носом, удовлетворённо зарычал и без промедления напал на пищу. Причём, напал – это в самом что ни на есть прямом смысле.

Принесли кубки. Видимо, ничего, кроме воды, чтобы заменить вино, не нашлось. Слав с сожалением вспомнил сок гебогла. У него даже зародилось некое подобие ностальгии по Тобу. Ведь там он мог пить этот сок каждый день.

Тосал выждал, пока гости удовлетворят первый голод. И, как только увидел, что Слав стал есть значительно медлен-

нее, спросил:

– Может, уже расскажете мне, что вам дала разведка? Что вы увидели?

Слав отхлебнул воды из тяжеленного кубка. Поставив не очень-то удобный для питья кусок золота на стол, ответил:

– Можно и рассказать. Вот только рассказывать-то особо нечего. Потому что мне мало что удалось рассмотреть. А подозрную трубу мне запретили взять из-за лишнего веса. Так что... – Он развёл руками.

Генерал подождал продолжения. Но, поняв, что Слав не собирается говорить что-либо ещё, кивнул и обратил взор на Ласу:

– Может, ты что-нибудь успела рассмотреть? Я по опыту знаю, что женщинам часто удаётся рассмотреть то, что ускользает от внимания мужчин. Особенно – таким прекрасным, как ты, Ласа.

Женщина выслушала комплимент совершенно спокойно. И, слегка пожав плечами, сказала:

– Вряд ли я смогу тебя чем-нибудь порадовать. Я видела примерно то же самое, что и все остальные. В основном – летевшие в нас стрелы. А вот кто их пускал, – извини, но не могу тебя особенно порадовать. Я видела только, что это были существа, очень похожие на орков. Мне даже подумалось, что это именно орки и есть. – Она на секунду задумалась. – Ну да, вылитые орки. Такие же зелёные. И на них, как мне кажется, я даже смогла тёмные полосы рассмотреть.

Тосал с нескрываемым интересом спросил:

–А эти полосы одинаковые с обеих сторон? Как и рассказывал твой муж?

Метнув в сторону Слава быстрый взгляд, Ласа снова пожала плечами:

–Не знаю. Тосал, извини, но у нас не было времени вести наблюдения. Приходилось смотреть за тем, чтобы не попасть под их стрелы.

Генерал с готовностью кивнул:

–Да, я понимаю. И, кстати, я несказанно рад, что вы благополучно вернулись назад. – Он посмотрел в сторону Слава и виновато улыбнулся. – Ну, почти благополучно.

Слав криво усмехнулся:

–Главное, что все вернулись живыми. А что ещё важнее, раненый грифон также вернулся назад, а не оказался в руках гебулонов.

Тосал какое-то время молчал. Гости также не проявляли желания вести светские разговоры. Поэтому ничего, кроме звяканья ножей и вилок, да чавканья Кора, смешанного с его же довольным урчанием, не было слышно. Даже слуги, постоянно добавлявшие еды на быстро пустеющие тарелки, не издавали ни звука.

Наконец, генерал всё же задал вопрос, который, похоже, не давал ему всё это время покоя:

–Кстати, а стоило ли так рисковать, Слав? Я имею в виду, что твоя-то жизнь намного важнее, чем все эти гномы и гри-

фон. Разве не так? Да и что такого страшного случилось бы, если бы один из грифонов оказался в руках этих чёртовых гебулонов?

Прежде чем ответить, Слав ненадолго задумался. Он постарался поставить себя на место генерала. Естественно, что этот далеко не глупый человек решил использовать представившуюся возможность для того, чтобы выяснить как можно больше подробностей из жизни воинов Народа. А уж грифоны, само собой, должны интересовать его больше всего остального.

Поэтому Слав решил, что он просто не имеет права раскрывать перед Тосалом важных деталей. Но и оставить его вопрос без ответа он тоже не мог. Потому что, хоть Тосал и представляет не самую дружескую для Народа часть человечества этого мира, он всё же довольно-таки умён, чтобы понимать всю важность самого существования ССР. Ведь с появлением этого государства на карте этого мира войны почти исчезли. А значит, и риск для жизни самого генерала, а уж особенно – его воинов, стал значительно меньше. И Тосал, в меру его ума, просто обязан понимать, насколько важно сделать всё необходимое для сохранения или даже усиления влияния ССР на весь остальной мир. И Слав должен ему в этом помочь.

Придя к такому решению, Слав заговорил:

–Тосал, ты просто не понимаешь, как гномы ценят своих грифонов. Вот ты же любишь своего коня? – Он дождался,

пока генерал утвердительно кивнёт. – Ну, а грифонов гномы ценят намного выше, чем мы – своих лошадей. Для них грифоны – это что-то вроде... Даже и не знаю, с чем сравнить-то.

Так как Слав не продолжил, генерал решил поддержать эту тему. Очень интересующую его тему, похоже. Понимающе кивнув, он сказал:

–Кажется, я догадываюсь, что именно ты имеешь в виду. Ты хочешь сказать, что для гномов утрата даже одного грифона – очень тяжёлая потеря? Так?

Слав решил, что ни к чему Тосалу знать все детали того, что именно значат грифоны для гномов. Поэтому, кивнув, подтвердил не совсем верную догадку генерала:

–Да, примерно это я и хотел сказать. В общем, для гномов потеря даже одного грифона была бы очень тяжела. Поэтому-то я и решил сделать всё возможное, чтобы его спасти.

Или Славу показалось, или Тосал всё же не до конца поверил в то, что он сказал? Во всяком случае, ему показалось, что генерал как-то странно на него посмотрел. А внутренние ощущения подсказали Славу, что Тосал остался очень не удовлетворён итогом этой беседы. Но настаивать на развитии этой темы тот всё же не стал. Вместо этого генерал, улыбнувшись Ласе, спросил:

–Всё ли тебя устроило, Ласа? По нраву ли наша неприхотливая походная еда? Устраивает ли тот шатёр, который я приказал поставить для тебя и твоего мужа?

Ласа, изогнув губы в предельно благодарной улыбке, кивнула:

— Да, благо дарю. Меня всё устраивает.

А Кор, который даже не стал скрывать, что его откровенно позабавили слова генерала о неприхотливости того, что они только что ели, хмыкнул так громко, что привязанные неподалёку от шатра кони, наверное, вздрогнули от страха.

Слав же, дождавшись, пока Ласа выскажет слова благодарности, встал, и, выразив в свою очередь то же, что и его жена, направился к выходу. Ласа и Кор тут же поднялись из-за стола и последовали за ним. Волкодлак благо дарить не счёл нужным.

—

Разговор с пилотом, как и ожидал Слав, оказался не из самых приятных в его жизни. Как только гном пришёл, то, не справившись о самочувствии человека после пережитого им падения, заявил:

— Ты не должен был перебираться на моего грифона, Слав! С твоей стороны это было безрассудно и совсем неоправданно! Так мог бы поступить только глупый подмастерье, но уж точно не участник Совета Старейшин Тобу!

Слав примиряюще выставил перед собой ладони и попытался свести всё к шутке:

— Да перестань! Ведь все же остались живы. А значит, и переживать-то нечего. Кстати, как там твой крылатый скакун?

Гном с хмурым выражением на сердитом лице кивнул:

—С ним всё в порядке. Лапу мы осмотрели. Рану присыпали размельчёнными ногтями и мхом. Думаю, что через два-три дня он уже сможет спокойно наступать на эту лапу. Но ты не переводи разговор, Слав. Думаю, ты понимаешь, что по прибытии в Гнездо мне придётся обо всём доложить Совету старейшин?

Слав не сразу обратил внимание на последние слова гнома. В это время он думал о том, что всё же, как бы ни различались миры, кое-что в них всё же остаётся одинаковым. На этот раз Слав увидел схожесть в названии травы. Точнее – лечебного растения, названного пилотом «ногтями». Дело в том, что именно так переводится то слово, которым люди этого мира обозначили это лечебное растение. А вот в породившем Слава мире это же самое растение по-русски называется «ноготки». Или как-то так. Хотя Слав, никогда не увлекавшийся биологией, не стал бы за это ручаться.

Увидев, что человек никак не реагирует на его слова, гном повторил:

—Слав, ты понимаешь, что я обязан буду доложить обо всём случившемся Совету Старейшин?

Слав, обратив, наконец-то, внимание на слова пилота, с улыбкой кивнул:

—Естественно, я всё отлично понимаю. Ведь это – твой прямой долг. Более того, я настаиваю на том, чтобы ты как можно более добросовестно его выполнил. И я сам, как участник Совета, приказываю тебе доложить обо всём, что

с нами случилось. А если ты этого не сделаешь, я буду настаивать на том, чтобы тебя подвергли суровому наказанию. Ведь я, как и ты, отлично понимаю, что сила Народа как раз и заключается в том, что каждый из нас беспрекословно выполняет возложенные на него обязанности. – Он снова улыбнулся спокойно слушающему его гному. – У тебя ко мне всё?

Пилот с хмурым выражением лица кивнул:

– Да, у меня всё. Но перед тем как я уйду, мне хотелось бы тебе ещё кое-что сказать.

Слав ещё раз улыбнулся. На этот раз – ободряюще:

– Ну, нам же всё равно торопиться сейчас некуда. Так что давай, говори, что ты там собирался.

Гном неумело улыбнулся:

– Ну, нам, наездникам грифонов, всегда есть, чем заняться. Но я всё равно должен это сказать. – Он на несколько секунд задумался. – Я поговорил с моими стрелками. И они мне обо всём рассказали. И сказали, что грифон начал успокаиваться сразу же после того, как ты перебрался к нам. Я знаю, что именно ты сделал. И хочу тебе благо подарить за то, что ты помог мне обуздать Силача. Если бы не ты, то все мы могли бы погибнуть. Но ты всё равно не должен был этого делать.

Слав криво усмехнулся:

– Поверь, мне очень этого не хотелось. Но и жить с мыслями о том, что я мог бы вас спасти, но не сделал этого, я тоже не смог бы. Так что, как видишь, я обязан был на это

пойти. Ну, а теперь-то у тебя всё?

Гном кивнул:

—Да, теперь у меня всё.

Слав также кивнул:

—Ну, вот и хорошо. Теперь я приказываю тебе идти и хорошенько отдохнуть. После того, что ты сделал, ты это заслужил.

Кажется, пилот не так высоко оценивал свои заслуги. Но спорить с участником Совета Старейшин Тобу он не посмел. И, отвесив лёгкий поклон, покинул шатёр, оставив Слава и Ласу наедине. Может, гном и отдохнул в эту ночь. Но вот оставленные им в шатре люди точно забыли об отдыхе. Видимо, опасность, которая днём грозила навеки их разлучить, заставила и Слава, и Ласу всю эту ночь посвятить друг другу.

Но перед тем как полностью отдаться во власть любовного безумия, Ласа всё же подумала о том, что пилот раненого грифона, наверное, мог бы избежать опасности гибели и самостоятельно. Для этого ему стоило всего лишь отдать животному ту самую команду, которая заставила бы грифона вернуться в Тобу. Но, отлично зная характер мужа, женщина не стала об этом говорить. Потому что Слав, конечно же, тут же пожелал бы узнать у гнома, почему тот не отдал этот самый приказ.

Вместо этого Ласа с покорной радостью, быстро перешедшей в инициативу, ответила на жадный поцелуй мужа.

Утром на совещании в шатре генерала Тосала уже офицеры Тогета засыпали Слава вопросами. Но и им, как и накануне – генералу, Слав, естественно, не смог рассказать хоть что-то стоящее. Но и того, что он им поведал, оказалось, вполне достаточно, чтобы возбудить игру человеческого воображения.

По выражению лиц молодых офицеров Слав понял, что те уже видят себя во главе доверенных им отрядов, идущих в бой с неведомыми пока ещё гебулонами. Представляют, как они беспощадно поражают все противостоящие им силы, не получив при этом достаточно серьёзных ран. Ну, если только лёгкие ранения, которые так украшают внешность мужчины (особенно – на лице). Воображение молодых офицеров нарисовало кровавые картины будущих побед, когда на полях битв остаются окровавленные тела врагов и небольшого количества соратников. И все трупы, естественно, лежат в достаточно красочных позах. И при этом на них (на трупах) нет никаких страшных ран, которые могли бы вызвать отвращение. Нет вывалившихся кишок, нет распластанных черепов с серым месивом мозгов, нет отрубленных конечностей с торчащими из них обломками костей. И, наконец, нет измятых до неузнаваемости тел, в которых уже не осталось ничего, что позволило бы назвать их либо человеком, либо орком, троллем, гномом или гебулоном. В общем, нет ничего из того, что так хорошо известно настоящим ветеранам. А не тем, кто просто пытается выдать себя за такового.

Естественно, Слав с лёгкостью мог бы развеять все эти сладостные грёзы. Ему достаточно было бы поведать молодым офицерам хотя бы о парочке по-настоящему кровавых битв, чтобы от их иллюзий не осталось бы и следа. Но Слав не стал этого делать. Зачем? Придёт время, и они сами всё увидят. Своими собственными глазами эти молодые люди узрят всё то, что превратит их в циничных профессионалов. Которые, возможно, начнут ценить жизни подчинённых. Или же – нет. Тут уже всё зависит от психологии того или иного человека.

Генерал, которому уже довелось выслушать всё то, что рассказал Слав, первым нарушил установившуюся было тишину:

–Ну, теперь всем понятно, что нам ничего не известно про нашего врага. Точнее – почти ничего не известно. – Тут же поправился Тосал. – И что нам это даёт?

Вопрос, конечно же, генерал адресовал как раз офицерам. Поскольку сам он, само собой, имел вполне достаточно времени, чтобы решить для себя, что и как ему необходимо предпринять.

Так как взгляд Тосала остановился на одном из молодых офицеров, тот, слегка смутившись, заговорил:

–Я думаю, что нам не остаётся ничего другого, как только двигаться дальше на запад. Навстречу этим проклятым гебулонам. А когда наши воины встретятся с ними, мы сможем понять, с кем же именно мы имеем дело.

Слав с одобрением посмотрел на этого молодого человека. Не сказать, чтобы тот выдвинул какую-то потрясающую идею. Но, исходя из возможностей человеческой армии это, пожалуй, прозвучало лучше, чем что-либо другое.

А вот генералу ответ офицера, кажется, пришёлся не слишком-то по душе. Тосал иронично усмехнулся и перевёл взгляд на следующего молодого человека:

—Ну, а ты что скажешь?

Наверное, этот офицер смог уловить настроение генерала. Точнее, молодой человек понял, что тому не понравился ответ его предшественника. Поэтому он, поколебавшись, предложил:

—Думаю, нам стоит продвинуться ещё немного на запад, чтобы занять какой-нибудь достаточно большой город. В нём мы смогли бы дожидаться подхода сил гебулонов. Ведь отражать атаки всегда проще, чем атаковать самому. Да и крепостные стены дадут нам дополнительное преимущество.

Это предложение, как показалось Славу, больше понравилось Тосалу. Хотя ему самому оно не пришлось по нраву. Потому что Слав вспомнил трагедию Грема. В памяти тут же ожили страшные картины выжженного до основания города. Да и героическая оборона жителей Лума, то, что пришлось им пережить, память с услужливой мстительностью восстановила перед мысленным взором Слава.

Он не стал напоминать собравшимся в шатре офицерам об этой трагедии Народа. Зачем? Если у них военное обра-

зование не предусматривает изучение чужого опыта, значит, не стоит им помогать. Ведь вполне может случиться, что когда-нибудь, если обстоятельства кардинально изменятся, Народу придётся воевать против армии Тогета. А тогда любой предоставленный этим вот офицерам опыт может сыграть с армией Народа злую шутку.

Во всяком случае, не так уж и важно, о чём знают или не знают эти молодые офицеры. Главное, что самому Славу хорошо известно о том, что выжидание, предоставление инициативы противнику мало когда даёт какие бы то ни было преимущества. А если быть точнее – то вообще никогда этих преимуществ не даёт. Ведь даже во время битвы при Полтаве, когда шведы шли в атаку, это было только иллюзией, что инициатива принадлежала именно им. Ведь на самом-то деле вся битва прошла по плану царя Петра. И, как бы о нём теперь ни думать, но это именно он разработал план разгрома самой мощной на то время армии Европы.

Да и все остальные битвы, в которых инициатива на первый взгляд принадлежала атакующим, на самом деле проходили строго по плану глав обороняющихся войск. Естественно, те из них, в которых обороняющиеся одерживали верх. Курская дуга, Куликово поле, Чудское озеро...

Поток воспоминаний Слава прервал вопрос генерала, обращённый к нему:

–Ну, а ты что нам скажешь, Слав? Я не стану больше тратить наше драгоценное время на то, чтобы узнать мне-

ние всех остальных моих офицеров. Лучше я доверюсь тебе. Ведь мне хорошо известно, что ты смог одержать победу даже над эльфами. Так что же ты нам предложишь?

Криво усмехнувшись, Слав сказал:

–Вообще-то, над эльфами мы победу так и не одержали. Наша армия разбила всего лишь войска их рабов. Но победа над рабами не означает, что ты разбил хозяина. А с эльфами мы всего лишь заключили что-то вроде мира. Хотя никаких договоров так и не подписали.

Тосал, усмехнувшись, пожал плечами:

–Это не так уж и важно. Главное, что эльфы предпочли с вами не связываться. А это значит, что не стоит пренебрегать твоим боевым опытом. Так что скажешь? Как нам стоит действовать дальше?

Слав ненадолго задумался. Не то, чтобы он не думал об этом раньше. Просто Слав так и не решил, стоит ли вообще помогать армии Тогета в сложившихся обстоятельствах. Цинично ли это с его стороны? Да, цинично, конечно же. И Слав это отлично понимает. Но ещё он понимает и то, что Народ не имеет перед Тогетом каких-либо достаточно весомых обязательств. В конце концов, ССР всего лишь гарантировало Тогету безопасность. И непременно свои обязательства исполнит, если кто-нибудь из соседей нападёт на это королевство. Но вот втягиваться в войну с гебулонами на стороне армии Тогета на землях третьего королевства – это совсем другое дело.

Поразмыслив, Слав понял, что ему всё же придётся оказать помощь армии Тосала. Ведь никто не может гарантировать, что после захвата земель Тенории гебулоны не вторгнутся в пределы Тогета, а позже и ССР.

Шумно выдохнув, Слав посмотрел в нетерпеливые глаза генерала:

—Мы пошлём на разведку орков.

—

Ни единая, даже самая крохотная веточка не шелохнулась, когда небольшой отряд в десять разведчиков вышел в окрестности бывшего портового города.

Впрочем, и сейчас за крепостной стеной бурлит жизнь. Вот только в городе больше нет ни одного человека. Вместо них портовый город наполняют гебулоны, чьё имя уже прочно вошло в обиход воинов Народа.

Едва слышный шелест лесной подстилки выдал приближение Кора. Волкодлак, не пожелавший оставаться в стороне, когда Слав отправил орков на разведку, остановился рядом с командиром небольшого отряда.

—Ну, и что будем дальше делать, Своск?

Орк так же тихо ответил:

—Надо найти место, где мы смогли бы пробраться за крепостную стену.

Кор повертел головой, высматривая подходящее место. Но заговорил он не об этом:

—Своск, а тебе не кажется странным, что эти гебулоны не

выставили постов за пределами города? Ведь это же просто глупость с их стороны!

Командир разведчиков, ненадолго задумавшись, кивнул:

–Согласен. Это глупо с их стороны. Но ты забыл, Кор, что гебулоны уже несколько тысяч лет жили на островах. Им там не от кого было беречься. Думаю, это многое объясняет.

Теперь задумался волкодлак. Но и его размышления продолжались недолго. Недоверчиво покосившись на стоящего рядом орка, Кор спросил:

–Ты не от Слава занудством-то заразился?

Хоть орк и усмехнулся в ответ, но в его словах почувствовались нотки самодовольства, когда он ответил:

–Может быть. Главное, чтобы это было нам на руку. Ну что, пошли вход искать?

Спустя некоторое время, двигаясь сквозь густой подлесок совершенно бесшумно, отряд разведчиков вышел к городским воротам. И здесь орки и волкодлак увидели, наконец-то, стражу гебулонов. Впервые воины Народа оказались настолько близко к неведомому доселе врагу.

Орки с неподдельным интересом принялись рассматривать вражеских воинов. Как говорится, – во все глаза.

Такая же, как и у орков, зелёная кожа ясно говорила, что это такое же порождение этого мира, как и сами лесные кочевники. Может быть, они даже имеют общее происхождение. От которого теперь, впрочем, не осталось даже воспоминаний.

Но вот рисунок на этой зелёной коже разительно отличается от природной раскраски орков. Идеальное совпадение рисунка как на правой, так и на левой сторонах их тел показалось каким-то даже неестественным. Кор, например, подумал, что кто-то словно нарочно нарисовал эти тёмные полосы на зелёных телах гебулонов, чтобы вывести его, волкодлака, из равновесия. Отчего-то зрение Кора отказалось воспринимать эти рисунки, как нечто естественное. На краткий миг зрение даже словно выключилось. Но волкодлак, сморгнув, вновь заставил глаза смотреть на стоящих на страже вражеских воинов.

Постояв несколько минут и вдоволь насмотревшись на гебулонов, разведчики двинулись дальше в поисках места, где они смогли бы пробраться в город.

Но, сколько они ни шли, подходящего прохода так и не нашлось. Разведка уже затянулась. Орки то и дело тревожно посматривали на восток. Туда, где уже зарождалась заря.

Когда небо уже превратилось из тёмного в бледно-серое, когда звёзды уже перестали светить, разведчики вышли к самому порту. И вот тут-то, где море билось о берег, разведчики и нашли подходящее для проникновения в город место. То есть, разведчики наткнулись на свежий пролом в стене.

Осмотрев пролом издали, Своск решил, что сила, разрушившая стену, оказалась очень схожа с действием катапульты. Во всяком случае, груда камней выглядела так, словно она образовалась при мощном ударе в стену. Что её и обру-

ШИЛО.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.